

ФГБУН КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КБНЦ РАН

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

(к 150-летию окончания)

Нальчик • 2014

Редакционная коллегия:

*Дзамихов К.Ф., Бгажноков Б.Х.,
Кешева З.М., Кожев З.А., Прасолов Д.Н.*

Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 197 с.

В сборнике статей, приуроченном к 150-летию окончания Кавказской войны, обобщается историография исследования темы и представлены новые интерпретации событийной истории военно-политического противостояния. Кавказская война представлена как событие оказавшее значительное воздействие на этнодемографическое, социально-политическое, экономическое и культурное развитие региона. Исследования, включенные в сборник, уточняют и дополняют устоявшиеся представления о рассматриваемых событиях, а также предлагают новые сюжеты для последующего изучения наиболее сложного и противоречивого этапа интеграции народов Северного Кавказа в социально-политическое пространство Российской империи. Статьи сборника подготовлены авторами на основе докладов, представленных на конференции «Кавказская война: события, факты, уроки (к 150-летию окончания)» (15–19 октября 2014 г., КБИГИ, г. Нальчик).

В оформлении обложки и титульного листа использованы иллюстрации из книги Т.В. Половинкиной «Черкесия – боль моя и надежда». (Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014 г.).

ISBN 978-5-91766-085-1

© КБИГИ РАН, 2014

УДК – 94(470.6)

Дзамихов К.Ф.
(г. Нальчик)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В докладе обобщаются итоги сформировавшихся в отечественной исторической науке историографических традиций по проблемам истории Кавказской войны; обозначено многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность исследуемой проблематики; обоснован вывод о необходимости выработки обобщенной научной формулы, раскрывающей место Кавказской войны в истории народов Северного Кавказа и России.

Ключевые слова: *история изучения Кавказской войны, идеологическая основа сложившихся историографических традиций (охранительно-монархическая, либерально-демократическая, советская), современные концептуальные подходы.*

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании. Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения поставленных в настоящем докладе задач¹. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесперспективными.

Начиная с периода завоевания горских народов царской Россией, формируются и устойчиво держатся разные историогра-

фические традиции – охранительно-монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «истребление», «владычество», «вытеснение» и т.д., в отношении которых считались оправданными военные методы завоевательной политики. В.В. Дегоев обращает внимание на то, что русские дореволюционные авторы целиком оправдывали репрессивную политику Петербурга в продвижении России на юг исторической необходимостью, державными интересами и даже нравственными соображениями (цивилизаторская миссия, избавление христианских единоверцев от мусульманского ига и т.д.). Одно из характерных проявлений такого подхода – отрицание горской культуры как таковой, муссирование «дикости» местных племен, уклонение от изучения войны как цивилизационного конфликта. В качестве одного из главных аргументов проводилась мысль о провокационном поведении самих горцев, которые в силу своей «дикой» и «хищнической» природы совершали грабительские набеги на русско-казачьи территории. России якобы ничего не оставалось, как отвечать тем же, почему и возникло перманентное состояние войны. Таким образом, для российской империи эта война принимала вид едва ли не оборонительной. Победа России в Кавказской войне преподносилась как однозначно благое дело: Россия получала очень важную в геостратегическом отношении территорию, а горцы – основы «гражданского быта» и возможность приобщиться к цивилизации и культуре².

Иной, но также глубоко идеологизированный подход характерен для представителей революционно-демократической мысли в России. Они рассматривали движение горцев в русле общероссийского освободительного процесса, включавшего, по их мнению, и «антиколониальные» силы. Для них критерий «прогрессивности» того или иного явления чаще всего сводился к способности расшатывать опоры русского царизма. Суждения и оценки теоретиков и вождей революционного социализма, полностью соответствовали европейскому общественному мнению, которое в своей значительной части традиционно резко критически относилось к внешней и внутренней политике Российской империи.

Советские исследователи Кавказской войны вынуждены были придерживаться классово-партийного (идеологического) принципа. В ранг «фундаментальных», «теоретических» поло-

жений были возведены глубоко идеологизированные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Во многом на них строился вывод об «антиколониальном» характере движения горцев. На основе положений классиков марксизма-ленинизма был обоснован тезис о складывании в дооктябрьский период, в том числе в ходе Кавказской войны, классового союза между угнетенными трудящимися Северного Кавказа и России против классового союза между местными и русскими эксплуататорами, опиравшимися на «реакционный» царизм. Отсюда вытекала идея о единстве, сплоченности и дружбе народов в борьбе с самодержавием, крепостничеством, национальным притеснением, венцом которой явилась Великая Октябрьская революция 1917 года.

Многие исследователи, напрямую не имея возможностей противостояния существующему «идеологическому» диктату и навязываемым сверху концепциям, старались минимизировать наиболее абсурдные положения и на основе дальнейшего обогащения источниковой базы разрабатывали проблематику Кавказской войны. Образцом и вершиной такого подхода в отечественной историографии, на наш взгляд, является Н.И. Покровский, чье исследование «Кавказские войны и имамат Шамиля» имело трудную судьбу и поздно стало историографическим фактом.

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса. За полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т.д. Сказались, прежде всего, идеологические ограничения.

Другая линия историографических дискуссий о природе и историческом месте Кавказской войны с конца 1980-х гг. и до недавнего времени задавалась работами М.М. Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления³. М.М. Блиев исходил из того, что привязка исследований к вопросу о колониальном характере политики России и освободительном характере движения горцев является препятствием к новым подходам изучения Кавказской войны. Сам же он смещает фокус исследования на закономерности внутреннего развития горских обществ и связь с ними собственно военных событий в регионе. При этом также существенно расширяются и хронологические рамки изучаемого явления:

XVIII – первая половина XIX в.⁴ Критики толковали его подход как концепцию о горском экспансионизме, «изначальной виновности» народов Дагестана, Чечни и Черкесии в возникновении Кавказской войны. Речь идет об оценке характера общественных систем жителей Чечни и горного Дагестана, а также адыгов Северо-Западного Кавказа как архаичных, соответствующих эпохе военной демократии и зарождения раннефеодальных отношений. Органичным элементом хозяйственной жизни горцев, по мнению Блиева, являлись набеги на соседей, превратившиеся в отрасль материального производства и в один из важных факторов общественного развития, формирования военно-политической элиты, имущественного и социального неравенства. С приближением с севера границы Российских владений энергия набегов постепенно переключается с ближайших соседей на казачьи станицы и русские поселения по укрепленным линиям. Систематические действия России по пресечению набеговой практики превратили ее в главного противника горских обществ. В отзывах специалистов на работы М.М. Блиева указывалось, что неправомерно отрицать роль наездничества и набегов в развертывании Кавказской войны, но нельзя также отводить им ведущую роль ни в экономическом аспекте, ни в комплексе причин Кавказской войны. Отмечалось, что многие военные события периода Кавказской войны не поддаются объяснению в рамках причинно-следственной связи: отсталая экономика – набеги – ответные действия России.

Однако наибольший эффект на постсоветскую историографическую ситуацию оказала болезненная актуализация проблем истории Северного Кавказа в условиях государственного распада. Взрывообразный всплеск национального самосознания народов, рост конфессиональных антагонизмов, возникновение межэтнических конфликтов вызвали колоссальный интерес к использованию исторических аналогий в политико-спекулятивных целях. Объектом жесточайшей критики на исходе советской эпохи и в постсоветское время стала концепция М.М. Блиева. В целом, наблюдается рост «национально окрашенных» подходов к изучению истории Кавказской войны, возрождение ненаучных методов, перевод научной полемики в морально-этическое русло. Одним из факторов концептуального застоя в изучении Кавказской войны являлось то, что сторонники различных подходов фактически не вели друг с другом научного диалога и не учитыва-

ли в собственных работах результатов полученных их оппонентами. Например, с советских времен в российской историографии сложилось и усиленно поддерживается положение, что чуть ли не единственным вождем северокавказских горцев был имам Шамиль и основным фронтом Кавказской войны являлся Восточный Кавказ. О характере, длительности и последствиях войны на Северо-Западном и Центральном Кавказе официальная историография чаще стремится умалчивать или давать ее выборочно.

Трактовка Кавказской войны в рамках протяженного по времени геополитического тренда имеет глубокие научные корни. Как известно, ни начало, ни окончание войны не оформлены какими-либо правовыми актами. Поэтому ее причины, характер и последствия остаются открытыми и меняются в соответствии с изменениями общественно-политической ситуации в государстве и обществе.

В дореволюционной историографии существовала устойчивая традиция рассматривать боевые действия на Северном Кавказе как нечто единое, вместе с войнами против Турции и Персии. Энциклопедии XIX – начала XX вв. использовали выражение «Кавказские войны» для обозначения всего процесса присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних турецких и иранских рубежей. При этом особо выделялась «Кавказско-горская война», но и она представляла собой более широкое понятие, нежели покорение Чечни, Дагестана и Черкесии.

Советская историческая наука сначала сохраняла приверженность широкой трактовке понятия «Кавказские войны» от второй половины XVI до середины XIX вв. В «Советской исторической энциклопедии» Кавказскими войнами названы боевые действия XVIII–XIX вв., «...связанные с завоеванием Кавказа русским царизмом», а также «...подавление царизмом ряда антифеодальных движений кавказских народов, вооруженное вмешательство России в феодальные междоусобицы на Кавказе, войны России с претендовавшими на Кавказ Ираном и Турцией». При этом была особо выделена «собственно Кавказская война» 1817–1864 гг. Самой яркой особенностью понятия «Кавказская война» является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и, зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий.

«Расширительная» трактовка Кавказской войны в последние годы присутствует не только в националистическом политиче-

ском дискурсе (тезис о 400-летней войне России на Кавказе), но и в рамках академической науки. Представители местного сообщества профессиональных историков, рассматривая предмет сквозь призму военных действий России в регионе, расширяют начальные хронологические рамки Кавказской войны, по сравнению с устоявшейся традицией (к началу XVIII в., к 1763 г., к концу 1770-х гг. и т.д.).

При этом неизбежно возникают проблемы с ее целостным представлением. Т.Х. Кумыков указывал, что в рескрипте императора Александра II, обнародованном 27 июля 1864 г. говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад», но одновременно подчеркивал, что нет Кавказской войны как таковой, а есть «Кавказские войны» – русско-дагестанская в первой четверти XVIII в., русско-кабардинская 1763–1825 гг., русско-чечено-дагестанская 1829–1859 гг. и др. Известный дагестанский историк В.Г. Гаджиев, для которого также не подлежит сомнению, что «все без исключения народы Северного Кавказа» в разное время «боролись за свою свободу и независимость», был против того, чтобы «все военные столкновения с Россией, когда бы они не происходили», включать в понятие Кавказской войны. Это «не лучшее изобретение кавказоведов» он предлагал сдать в архив научных заблуждений. А каждое событие, включаемое в это понятие, как это и положено в науке, обозначить отдельным названием, отвечающим сути данного явления⁵.

Группа московских исследователей, руководствуясь собственно академическим подходом, подчеркивала, что в российско-северокавказских отношениях война, «т.е. организованные боевые действия армий враждующих сторон», имела место только в 1810–1860-х гг.⁶

Развернутый анализ проблемы определения хронологических рамок Кавказской войны и обоснование собственного ее решения осуществил В.В. Лапин⁷. Ограничение Кавказской войны традиционными хронологическими границами (1817–1864 гг.) с его точки зрения – продукт развития отечественной историографии, посвященной присоединению Кавказа и Закавказья к России, находившейся в рамках формационного учения и «антифеодално-антиколониальной» парадигмы, результат стремления поместить исторические реалии в границы концепции добровольного вхождения народов в состав России. Между тем традиционные временные рамки Кавказской войны (1817–1864 гг.) и

отождествление этого конфликта только с боевыми действиями в Черкесии, Чечне и Дагестане, по его мнению, не дают внятного ответа на целый ряд вопросов.

Прежде всего, «дискретность» и разнородность собственно военных эпизодов компенсируются континуитетом геополитических факторов, интересов и целей. Так или иначе, это обстоятельство прочитывается в высказываниях самих творцов российской политики эпохи Кавказской войны. В рескрипте на имя Главнокомандующего Кавказской армией по случаю окончания Кавказской войны Александр II дал весьма полное изложение официальной трактовки ее характера, как многолетней кровавой борьбы, поднятой «для ограждения наших владений, сопредельных с кавказским краем, от набегов хищников, для защиты от порабощения мусульманами единоверных нам народов, добровольно вручивших свои судьбы под покровительство России, и для умиротворения края, представлявшего издревле постоянное зрелище междоусобий, грабежей и разбоев». Но при этом он отмечал, что завершено дело покорения Западного Кавказа «начатое полтора века тому назад», что «отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокорного племени»⁸.

Таким образом, деформации в разработке истории включения Кавказа в состав Российской империи под воздействием идеологического пресса стали причиной того, что едва ли не все вопросы, связанные с этим процессом, являются на сегодняшний день дискуссионными. Основной спорный пункт для серьезных исследователей можно обозначить следующим образом: что лежит в основе такого масштабного конфликта – продвижение России на Кавказ или реалии самого этого региона (военная активность горцев)?

Означает ли это, что итогом развития основных историографических традиций изучения Кавказской войны является концептуальный тупик, ничего не дающий для дальнейших научных поисков. Скорее всего, нет.

Во-первых, никто не утверждает, что в рамках любой из этих традиций в принципе невозможно научно-рационалистическое осмысление истории, в том числе истории Кавказской войны. Речь может идти о неизбежной склонности представителей разных направлений к преимущественному вниманию и акцентировке тех или иных сторон этого масштабного и сложного яв-

ления. Очевидно, что проблематика Кавказской войны может исследоваться и как часть истории международных отношений (геополитики) Каспийско-Черноморского бассейна, и как часть имперской истории России, и как часть социально-политической истории народов региона, и как часть истории войн и военного искусства.

Во-вторых, с точки зрения обобщающих интерпретаций весьма плодотворным может оказаться как раз опора на познавательный потенциал внутренних концептуальных противоречий, присущих указанным историографическим традициям.

Так, для имперской традиции характерно разведение геополитического обоснования продвижения России на Юг и объяснения причин «кавказско-горской» войны. Но с точки зрения геополитических интересов и целей установления прочного контроля над территорией нет принципиальной разницы между войнами с геополитическими противниками (Турцией и Ираном) или военным усмирением непокорного населения этой территории. С другой стороны, возлагая ответственность за военные действия на горцев с их «варварством» и «хищничеством», данная историографическая традиция как бы допускает правомерность полицейского наказания целых народов за ту культурно-историческую ситуацию, в которой они находятся и которая не является предметом свободного выбора для самих этих народов.

Но при любых подходах к построению общей концепции истории Кавказской войны необходимо учитывать связь военных действий с геополитическими истоками и целями конфликта, рассматривать военно-силовую составляющую или фазу российско-горских взаимоотношений в широком историческом контексте включения (вхождения) народов региона в состав российского государства, различать субъективные, осознаваемые участниками цели и смысл борьбы и ее объективное историческое значение. Наконец, в хаотическом состоянии современной историографии, соединяющем остро конфликтные интерпретации и крайне неравнозначные по научному уровню публикации, можно обнаружить одну фундаментальную коллизию. Она заключается в том, что репрезентация «Кавказской войны» осуществляется с позиций одного из двух исторических субъектов – России, с одной стороны, народов и обществ Северного Кавказа – с другой. Только на первый взгляд здесь имеет место простая идентификация сторон конфликта, как это было на

всех этапах развития историографии. Традиционные трактовки в этом вопросе сохраняются и в настоящее время. Новизна выражается в двух моментах. Во-первых, в рамках текущей историографической ситуации Россия и «Северный Кавказ» выступают в качестве сугубо самостоятельных, взаимно нередуцируемых полюсов исторического процесса. Во-вторых, налицо тенденция представлять их в качестве целостных и равноценных в цивилизационном смысле культурно-исторических единиц.

По мнению специалистов, многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. – невозможна. Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга⁹.

Как мы видим, сама природа и особенности Кавказской войны, как исторического явления обуславливают неоднозначность ее оценок:

– она продолжалась около ста лет или десятки лет; включала в себя события и явления разного порядка, но главным составляющим являлось вооруженное противостояние разных сторон;

– в процессе активного раздела мира между европейскими державами многим народам отводится роль пассивных объектов политики держав; зачастую в современной историко-юридической литературе сохраняются старые подходы и стереотипы, позволяющие не принимать во внимание интересы всех сторон в конфликтах и войнах; но с позиций историзма одной из задач научного анализа является выявление форм, в которых реализовалась историческая и политическая субъектность народов, вовлеченных в международные отношения своего времени;

– в XVIII –XIX вв. многие европейские государства вели завоевательные войны; можно ли типологизировать в этом контексте Кавказскую войну? Чем она похожа и чем отличается от войн

эпохи; в какой мере Кавказская война укладывается в рамки российского и международного военного права своего времени, а в какой выбивается из них?

– с одной стороны, в войне участвовало государство (государства), преследующее свои геополитические цели, использующее армию европейского образца; с другой – северокавказские общества с традиционной социальной организацией, с устоявшейся этнической и религиозной идентичностью; действия царской армии в ходе Кавказской войны было направлено против местного северокавказского населения, подвергавшегося завоеванию;

– поэтому война воспринималась и воспринимается по-разному: с одной стороны как завоевательная, а с другой – как справедливая; такое положение соответствует источниковой базе истории Кавказской войны; оценки форм и методов ведения войны во множестве давались ее участниками и современниками как в России, так и за рубежом; многие источники введены в научный оборот в последние десятилетия;

– военно-политические цели (стратегии) и методы ведения боевых действий (тактики) эволюционировали на протяжении войны; в научной литературе не ставится вопрос об альтернативных вариантах развития событий: можно ли было прекратить войну на том или ином этапе и найти политико-дипломатическое средство ее урегулирования? Особенно актуальной во всех отношениях являются – каковы были альтернативы завершающего периода войны для северокавказских народов и российского военного руководства?;

– часто Кавказская война воспринималась и сегодня трактуется многими как война разных цивилизаций, разных культур и разных религий.

Осмысление особенностей современного состояния исторической науки позволяет говорить, что в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощутимому усилению этноцентризма как исследовательского подхода.

С одной стороны, в официальной идеологии и историографии национальное русское и имперское четко объединяются в единое целое, которое при проведении государственнической линии стремится к воссозданию позитивного образа самодержавия. Опора на великорусскую державную идею приводит к

тому, что российская история раскрывается как преимущественно история русского национального государства. С другой стороны, на протяжении последних десятилетий характерной чертой региональной, например северокавказской историографии при освещении острых тем (завоевание, подчинение, включение народов в состав Российской империи, народно-освободительные движения, особенности проведения национальной политики в новейшее время) выступает исследовательский подход, который сочувственно интерпретирует ключевые моменты своей этнической национальной истории. В данном случае северокавказские историки как и историки научных центров являясь по сути носителями этнокультурных социокодов формируют и реализуют идею «своей истории».

Объективная картина текущей историографической ситуации позволяет в оценке Кавказской войны в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра. Полярно противоположными являются концептуальные оценки в отношении причин и методов ведения войны, природы войны, итогов и последствий войны, характеристики в современной отечественной истории таких военных деятелей как А.П. Ермолов, А.И. Барятинский, Я.И. Булгаков, Г.И. Глазенап, А.А. Вельяминов, Н.И. Евдокимов, Г.Х. Засс, П.Д. Цицианов и др. Историография Кавказской войны выступает наглядным примером острой культурно-политической борьбы, содержащей непримиримые точки зрения, приводящие к конструкции оппозиции «свое/чужое». Такое состояние необходимо преодолеть. Различные подходы к осмыслению Кавказской войны могут не столько опровергать, сколько дополнять друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это проблема диалога и взаимопонимания культур. Выработка и утверждение в общественном сознании и общественной практике политической формулы гражданского консенсуса по проблеме Кавказской войны представляет собой реальную необходимость в условиях российской действительности.

Примечания

1. *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.,

2001; *Дегоев В.В.* Об альтернативных подходах к изучению Кавказской войны XIX века // *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001; *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; *Лапин В.В.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5.

2. *Дегоев В.В.* Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. 1999. №6. С. 156.

3. *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 3; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994; *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

4. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 795.

5. Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 6–8.

6. *Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5. С. 131.

7. *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003. С. 12–15.

8. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е годы XIX века): Сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора *Т.Х. Кумыкова*. Нальчик, 2001. С. 310–311; Антология памятников права народов Кавказа. Завершение Кавказской войны и формирование пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2014. Т. 16. С. 247–249.

9. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 29.

10. Там же.

K.F. DZAMIKHOV

CAUCASIAN WAR: SOME HISTORIOGRAPHICAL RESULTS AND CONCEPTUAL PROBLEMS IN THE STUDY

The report summarizes the results emerged in the national historiography historiographical traditions on the history of the Caucasian War; indicated by the variety of conceptual approaches and the disputable issues under study; the conclusion about the necessity of a generalized scientific formula that reveals the place of the Caucasian War in the history of the peoples of the North Caucasus and Russia.

Keywords: history of the study of the Caucasian War, the ideological basis of the prevailing historiographical traditions (protective and monarchist, liberal-democratic, Soviet), modern conceptual approaches.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

На Западном и Восточном Кавказе итоги Кавказской войны имеют принципиальные различия. Они детерминированы различиями в стратегии мобилизации ресурсов народами Черкесии, Чечни и Дагестана в борьбе против военно-политической экспансии Российской империи. Для черкесов окончание Кавказской войны связано с насильственной депортацией в пределы Османской империи. Следствием этого является неуклонное разрушение черкесской идентичности в диаспоре и разобщенных анклавах на Кавказе. Черкесское общественное сознание отказывается признавать легитимными и окончательными итоги Кавказской войны, которые направлены на уничтожение черкесской идентичности.

Ключевые слова: *Западный Кавказ, депортация черкесов, итоги Кавказской войны, проблемы реинтеграции адыгского общества.*

Для верного понимания и осмысления важных исторических событий необходимо выдержать некоторую паузу. Это помогает избежать аберрации близости. Спустя 150 лет после окончания Кавказской войны можно уверенно сказать – это одно из самых масштабных событий в Российской истории. Процесс военного по преимуществу присоединения Кавказа к России явился поворотным моментом в истории многих народов региона, в первую очередь адыгов. В результате самой длительной военной кампании в своей истории Россия приобрела самый проблемный свой регион.

В академических кругах ведутся споры о хронологии, периодизации, типологии и многих других аспектах Кавказской войны. Плюрализм точек зрения в освещении всего круга проблем, связанных с Кавказской войной объясним масштабами явления и, во многом, антагонизмом интересов всех вовлеченных в него субъектов. Но, на наш взгляд, есть несколько очевидных, неоспоримых фактов в истории Кавказской войны. Это дата окончания и ее фактические результаты.

26 августа 1859 г. пленением Шамиля в Гунибе завершилось покорение Чечни и Дагестана. 21 мая 1864 г. торжественным молебном и парадом русских войск в урочище Кбаада завершилась война на Западном Кавказе. Война на Восточном и Западном Кавказе завершилась с разницей в несколько лет и с радикальной разницей в результатах. На Восточном Кавказе Чечня и Дагестан были покорены и вошли в состав империи. На Западном Кавказе Черкесия в результате целой системы методично применявшихся военно-политических мероприятий была фактически уничтожена как единая страна, а ее население изгнано в пределы Османской империи. Чем же были мотивированы столь радикальные различия в методах покорения единого, на первый взгляд, региона, который имел стратегическое значение сразу для нескольких великих империй и стал театром длительной военной кампании?

Внутренняя логика событий завершающего этапа Кавказской войны была предельно ясна многим ее участникам, особенно лидерам противоборствующих сторон. Так, командующий Кавказской армией фельдмаршал А.И. Барятинский 5 апр. 1860 г. в письме военному министру Н.О. Сухозанету доносил: «Между народами восточной и западной половины Кавказа есть огромная разница: в Дагестане мы нашли уже глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению властям, даже к самовластному и тяжкому игу; на западе напротив того, народы раздроблены на мелкие общины или семейные союзы, неуправляемые никакими властями, не имеющие между собой никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе. Только силою оружия можно покорить этот народ»¹.

Оставим на совести Барятинского заключение об отсутствии гражданской связи между адыгскими общинами. Современники Кавказской войны, имевшие возможность поближе узнать социальный быт адыгов, отмечали высокий уровень самоорганизации черкесского общества. Иначе станет просто необъясним тот факт, что черкесы на протяжении многих десятилетий эффективно противостояли такому военному колоссу как Российская империя. Но в главном Барятинский безусловно прав. После покорения Кабарды и образования двух относительно изолированных театров боевых действий Кавказской войны, на Восточном и Западном Кавказе реализовывались совершенно

различные стратегии мобилизации сил в борьбе против военного давления России.

На Восточном Кавказе – в Дагестане и Чечне возникло религиозно-политическое движение с целью создания теократического исламского государства – имамата. Этому способствовало два фактора. Во-первых, абсолютное доминирование исламской культуры и социальной практики в Дагестане. История ислама к началу Кавказской войны насчитывала на востоке региона уже тысячу лет. Во-вторых, этническая разнородность населения Восточного Кавказа, которое можно было объединить только под лозунгом исламского универсализма. Свою роль в процессе образования исламского государства сыграло и то, что в Дагестане и Чечне было широко распространено суфийское течение в исламе с его практикой жесткой дисциплины и беспрекословного подчинения учеников (мюридов) религиозному авторитету учителя (мюршида). Отсюда и не вполне корректное обозначение этого движения в русских источниках как «мюридизма».

В период наивысшего своего подъема имамат объединил всю Чечню, значительную часть Дагестана и стал высшей формой борьбы горцев Восточного Кавказа против военной экспансии Российской империи. Третий имам – Шамиль, довел государственную систему имамата до полного развития. Он подчинил население жесткой централизованной административно-правовой системе, основанной на нормах шариата, ввел налогообложение, организовал регулярную армию. Все эти меры на какое-то время повысили эффективность вооруженной борьбы горцев Чечни и Дагестана, но в конечном итоге предопределили их поражение. Это было ясно уже современникам и участникам событий, таким как Барятинский.

Во-первых, возникновение государственных структур обозначало для русских генералов точки приложения силы, которые до этого были неочевидны. Противником было все враждебное население. Во-вторых, жесткие, а подчас деспотические формы правления Шамиля во многом обесценивали самый успех вооруженной борьбы, которая была направлена против деспотизма имперских порядков. Стоило ли сражаться и терпеть деспотизм Шамиля, если можно было покориться и терпеть деспотизм имперский, ни с кем не воюя? В-третьих, привыкнув к необходимости подчиняться жесткой государственной власти, население Восточного Кавказа оказалось со временем психологически

готово признать Российское подданство со всеми его правами и обязательствами.

В Черкесии реализовывался совершенно другой сценарий. С самого начала эскалации Кавказской войны адыги не могли не осознать подавляющее военное превосходство своего противника. Консолидация всех ресурсов для борьбы с ним осознавалась как очевидная необходимость. Однако этому препятствовали два основных фактора:

1) Традиционная политическая культура адыгов, для которой дух индивидуальной свободы был самой характерной чертой и абсолютной ценностью. Свободные сословия были готовы подчиняться только тем решениям, в принятии которых они принимали участие или напрямую или через своих представителей.

2) Процессы социального переустройства, охватившие страну на рубеже XVIII–XIX вв., содержанием которых было ослабление феодальных институтов во всей Черкесии и усиление демократических принципов общественной организации, а следовательно дальнейшая децентрализация институтов высшей политической власти.

Фактором, напротив, значительно способствовавшим объединению Черкесии на общих политических принципах, была однородность населения, принадлежавшего к различным адыгским субэтносам, а также этнокультурно близким им абазинам и убыхам. Путем долгих переговоров, консультаций, многомесячных (а иногда и многолетних, проводившихся с перерывами) собраний – зафесов, к середине 30-х годов XIX в. адыги генерировали два зримых символа национального единства. Это, во-первых, знамя черкесской конфедерации («Санджак шариф» или «Священное знамя»), принятое на одном из собраний представителей всех независимых обществ Черкесии как общенациональное². А во-вторых, «Декларация независимости Черкесии», документ, составленный политическими лидерами черкесов, и представленный ряду европейских правительств как открытая апелляция к мировому сообществу с целью привлечь его внимание к неравной борьбе адыгов за свое естественное право быть свободным народом на своей земле³.

Что отличает эти символы борьбы за независимость Черкесии? Они обращены не только к адыгам, но и к мировому сообществу («Декларация независимости Черкесии») в том виде, в каком оно стало формироваться на базе европейской поли-

тической культуры, демонстрируют высокую степень открытости черкесского общества самым современным политическим тенденциям своего времени. Знамя черкесской конфедерации появилось в эпоху утверждения в Европе идей национального государства. И оно старше национальных флагов многих современных государств – Германии, Италии, большинства стран Восточной и Южной Европы.

Итак, на Восточном Кавказе идея имамата, персонализированная в личности светского и религиозного вождя – имама Шамиля. Его единоличная власть, жесткая централизованная государственная система, направленная на мобилизацию всех сил для ведения джихада – вооруженной борьбы против неверных. В Черкесии – «Декларация независимости», знамя, как символ национального единства, коллегиальный способ принятия решений, дискретная система конфедеративного типа, открытая миру, апеллирующая к мировому сообществу. Парадоксальным образом имамат с его централизованной властью и воинственной риторикой газавата на последнем этапе войны оказался полностью совместим с государственно-политической системой России и был инкорпорирован империей после пленения Шамиля. А черкесская конфедерация с ее идеей мирного соседства и отстаиванием права народа жить на своей земле по своим законам оказалась органически несовместима с Российской империей.

Понимание этого очевидного факта проглядывает у авторов двух диаметрально противоположных проектов покорения Черкесии – Г.И. Филипсона и Н.И. Евдокимова. 3 октября 1860 г. во Владикавказе состоялось совещание высшего кавказского начальства, во главе с князем Барятинским. По воспоминаниям начальника штаба Кавказской армии Д.А. Милютин, генерал-майор Филипсон считал, «...что горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной; что к нему вовсе неприменим тот образ действий, который привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане; что крутые меры против шапсугов и убыхов только доведут эти многочисленные племена до ожесточения и даже, быть может, вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря»⁴. Исходя из этого, Филипсон считал возможным лишь добиваться от черкесов формального признания российского подданства с занятием в стране только нескольких укрепленных

пунктов, прокладкой дорог, просек, не нарушать принципов их самоуправления и даже не препятствовать свободным торговым связям с Турцией. Этот план предполагал массу рисков, связанных с отказом от действенного контроля за черкесскими обществами, возможным вмешательством третьих сил, враждебных России, но давал шанс на мирное сосуществование и постепенную адаптацию горцев к имперским порядкам⁵.

Спустя много лет один из очевидцев покорения Западного Кавказа в своих воспоминаниях оставил точную характеристику возникшей коллизии и того как пытались ее решить высшие представители имперской элиты. Это свидетельство тем более ценно, что его оставил Лев Тихомиров – блестящий публицист, философ, человек, начавший свою сознательную жизнь как революционер-народник, пересмотревший затем свои взгляды и ставший последовательным идеологическим защитником принципов государственного единовластия и православия:

«Изгнание черкесов с Западного Кавказа началось, когда мы еще были в Темрюке, вслед за покорением Восточного Кавказа. События, касающиеся Шамиля, Дагестана и т.д., я знаю почти исключительно по литературным источникам. Но что касается Западного Кавказа, я, можно сказать, лично пережил эту страшную историческую трагедию, подобную которой едва ли знавал мир даже в эпоху великого переселения народов. Я довольно хорошо знаю и литературу этого предмета. Я знаком немножко даже с архивными данными, ее касающимися, потому что в 1887 году собирался писать историю русского завоевания моей родины и по этому поводу входил в сношение с известным екатеринодарским исследователем Фелициным, имел архивные документы Новороссийского округа благодаря любезности тогдашнего начальника войскового старшины Соколова.

Собранные мной материалы, статистические таблицы, выписки, начерченные мною планы и карты – все это погибло вместе со множеством других моих бумаг во время нашей революции (Октябрьской революции 1917г. – З.К.). Но помимо этих литературных и архивных данных, я знаю историю выселения западнокавказских горцев по рассказам участников этого дела; и наконец выселение прошло перед моими глазами. Мне тогда было десять-двенадцать лет, но я был мальчиком преждевременно развитым, а рассказы участников событий слышал в разное время вплоть до 1887 года. Таким образом, я могу говорить о всей

этой истории очень уверенным голосом, и если даже что-либо позабыл или перепутал, то в общем мое свидетельство имеет известную документальную ценность.

Это предисловие я делаю потому, что мой рассказ не вполне сходен с тем, что мы имеем в литературе предмета, и я, зная эту разницу, не отказываюсь от своих слов и готов был бы их отстаивать даже перед исследователями-специалистами.

Как уже упоминалось раньше, князь Барятинский после покорения Восточного Кавказа созвал в 1860 году во Владикавказе совещание для установки плана покорения Западного Кавказа. На совещании было выдвинуто два плана. Генерал Филипсон полагал, показав черкесам русскую мощь военными мерами, привлечь их сердца к России мерами гуманными, выражая уверенность, что мы можем завоевать их культурно. Это, разумеется, совершенная фантазия.

С одной стороны, под властью России черкесы не могли бы сохранить той степени благосостояния, какой достигли собственными силами. С другой стороны, мы ничем не могли искоренить в них привычек хищничества в отношении соседних народов. В-третьих, западные черкесы, адыге жили независимой жизнью больше веков, чем сколько существует сама Россия... Чужого же владычества черкесы над собой не захотели бы признать, даже хотя бы турецкого, несмотря на то, что султан имеет для них священное значение религиозного владыки.

Что касается России, она могла бы держать их под своей властью только при страшном гнете военной силы, то есть при таком условии, когда черкесы не могли бы ни жить в довольстве, ни чувствовать себя счастливыми (курсив наш – З.К.).

План Евдокимова был совсем иной. С черкесами ужиться нельзя, привязать их к себе ничем нельзя, оставить их в покое тоже нельзя, потому что это грозит безопасности России, разумеется, не вследствие пустычного хищничества абреков, а вследствие того, что западные державы и Турция могли бы найти в случае войны мощественную опору в горском населении. Отсюда следовал вывод, что черкесов, для блага России, нужно совсем уничтожить. Как совершить это уничтожение? Самое практичное – посредством изгнания их в Турцию и занятия их земель русским населением.

Этот план, похожий на убийство одним народом другого (курсив наш – З.К.), представлял нечто величественное в своей жестокости и презрении к человеческому праву.

...Этот план нашел полный отзвук в душе князя Барятинского, потомка созидателей Руси, готовых все ломать и крушить во имя своего дела и столетия назад выработавших афоризм: «Где рубят лес, там щепки летят». Давно, с 1835 года, зная кавказских горцев, в боях с которыми получил несколько ран и заслужил репутацию честного и бесстрашного воина, князь Барятинский, без сомнения, имел честолюбие, которое рисовало ему славу преемника Ермолова и Воронцова, превзошедшего обоих величием своих дел. Не было еще человека, способного покорить горцев, но князь Барятинский будет таким человеком. И он действительно завоевал восточных горцев. Оставались западные, с которыми сладить было еще труднее.

В Дагестане можно было совершить завоевание без уничтожения противника, и князь Барятинский охотно оставил лезгинам существование, явился покорителем, но не истребителем. Относительно адыгейских народов он ясно понял, что Евдокимов говорит дело: что тут либо мы, либо они, а вместе мы жить не можем, – и бестрепетно решил: если так, то пусть они погибнут, а мы останемся жить на их месте»⁶.

Крайне нервную обстановку, в которой принималось это роковое решение сейчас сложно даже представить. Многолетняя бесплодная война, стоившая России огромных материальных и людских жертв, недавнее поражение в Крымской войне, показавшее органическую слабость империи перед лицом современных европейских армий и крайне болезненно воспринятое русским национальным сознанием. Все это подталкивало к поиску простых решений с гарантированным быстрым результатом. Тем не менее, среди русских военных специалистов Филиппсон с его казавшимся неуместным гуманизмом оказался не одинок. В пространной записке, поданной военному министру Д.А. Милютину в начале 1863 г., военный советник Российского посольства в Константинополе В.А. Франкини пытался убедить начальство в том, что планы выселения черкесов прямо противоречат долговременным интересам России на Кавказе:

«Если этот план удостоится высшего одобрения, можно сказать, что ему суждено изменить до основания существенный характер Кавказа и что он подействует самым неблагоприятным образом на будущность этого края, ибо в общем своем значении точно также, как и в мельчайших своих подробностях, изгнание туземных племен с Кавказского края положительно вредны

выгодам России, с какой бы точки зрения они ни рассматривались... Против нас стоят два факта: значительная численность враждебных племен и невозможность для них покориться при ожидающих их условиях, которые оставляют им выбор между выселением и смертью за независимость; и если эти племена решатся на то или на другое, то, или Кавказ потеряет для нас свое значение, или нам, может быть, придется отказаться надолго от надежды достигнуть своей цели»⁷.

Кавказ без черкесов потеряет для России свое значение, убеждал Франкини, но его доводы не убедили военного министра и генералитет, так же, как и позиция Филипсона. Черкесы были признаны принципиально неуправляемыми. И такая оценка со стороны давнего врага дорогого стоит, несмотря на то, что прямым следствием этого стал план выселения черкесов в пределы Османской империи. План, который Л. Тихомиров оценил как «убийство одним народом другого», был принят и одобрен императором Александром II. Детали того как реализовывался этот план достаточно полно отражены в мемуарной литературе и архивных документах, поэтому мы не будем заострять на этом внимание. Имели место интриги, провокации, подкуп, предательство.

«Однако главным средством воздействия – как свидетельствует Л. Тихомиров – оставалось чистое насилие... Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырех лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию»⁸.

В реализации плана Евдокимова приняло участие 211 тыс. человек – офицеров и рядовых регулярной армии, казачьих войск, чинов туземной милиции⁹. В таком количестве была отчеканена медаль «За покорение Западного Кавказа». Покорители не солгали ни в одном слове. После пленения Шамиля и прекращения боевых действий на Восточном Кавказе для раздачи в войсках было отчеканено более 145 тыс. медалей с надписью «За покорение Чечни и Дагестана»¹⁰. Потому что эти регионы были действительно покорены и включены в состав империи. Черкесия же была не покорена, а уничтожена, население изгнано в Османскую империю. На родине остались лишь небольшие анклавные черкесов. Частью империи стала территория Западного Кавказа, опустевшего, разоренного, лишившегося на 90% туземного населения.

Черкесы приняли свою судьбу. Но поражение в Кавказской войне адыгское национальное сознание не восприняло как капитуляцию. Национальные символы сопротивления Российской империи остались незапятнанны. В песне «ИстэмбылакӀуэ» («Переселение в Стамбул») есть знаковая строка: «...Адыгэжъ бэракъ гуцӀэри уей жьыбгъэм зырехъ!» («Адыгское знамя развевается на ветру!»). Национальный флаг не спущен, он и сейчас один из главных объединяющих символов всех адыгов, где бы они ни жили. И это такой же очевидный результат Кавказской войны, как и изгнание черкесов с исторической Родины.

Очевидцы черкесского изгнания и даже такой вдумчивый наблюдатель как Р.А. Фадеев, предрекали адыгам быструю ассимиляцию, как в диаспоре, так и на Кавказе. Фадеев утверждал, что «турецкие черкесы просуществуют в одном поколении»¹¹. Далеко не радужные перспективы рисовались ему и по отношению к прикубанским анклавам адыгов. Исключение он делал лишь для кабардинцев:

«Адыгейские племена подверглись разложению в одинаковой степени... Народ бжедухов, бывший полумирным еще со времен императрицы Екатерины, уцелел наиболее, но и там все общественные отношения существуют больше в виде воспоминания, чем закона. Мелкие племена кубанских приставств, более 30 лет постоянно гоняемые с места на место то русскими, то немирными, почти вовсе утратили племенную организацию, а новые переселенцы – абадзехи и другие, составляют теперь только численное собрание единиц, ничем между собой не связанных. Между тем как Кабарда сохранила вполне феодальное устройство, общее в прежнее время всем адыгейским племенам, составляющее великое препятствие нравственному упрочению русской власти, потому что оно противопоставляет закон закону и поддерживает народное единство; в то же время черкесские племена Кубанской области, подорванные восстаниями черни, топором Мегмет-Амина, непрерывными переселениями и последним беспрецедентным в истории погромом, перестали быть племенами (курсив наш – З.К.). Никаких обязательных сословных отношений у них теперь уже не существует»¹².

Несмотря на такой пессимистичный прогноз, черкесы и в диаспоре, и на Кавказе сохранили свою идентичность, хотя сменилось уже пять-шесть поколений. В диаспоре практически с первых же лет черкесского изгнания проявилось желание любыми

ми мерами добиваться возвращения на историческую Родину. К этому их поощряло крайне тяжелое положение, в котором оказались черкесы в различных провинциях Османской империи. Все попытки черкесских представителей добиться через русских консулов права возвращения на Кавказ наталкивались на жесткий отказ. Резолюция Александра II по этому вопросу хорошо известна: «О возвращении и речи быть не может»¹³.

Спустя много лет после окончания Кавказской войны, российские власти ощущали непрочность своего положения на завоеванных территориях. 11 марта 1893 г. начальник Терской области в секретном донесении штабу Кавказского военного округа писал:

«Несмотря на то, что уже 35 лет прошло после окончательно покорения Чечни и Дагестана, этот край еще более не умиротворен и горцы еще не примирились, так что всегда можно ожидать восстановления беспорядков в особенности в случае наших военных осложнений. Если эти беспорядки не могут быть особенно важны в Терской области, то нельзя этого сказать о Дагестане, здесь появляются разные пропагандисты... Все вышеизложенное устанавливает, что не только *не следовало бы воспрещать желающим туземцам переселения в Турцию, но в некоторых случаях поощрять такое переселение; при этом ни под какими видами нельзя допустить обратного переселения из Турции* (курсив наш – З.К.)¹⁴». Оценка возможных угроз власти России на Кавказе, высказанная в этой записке, пожалуй, не потеряла своей актуальности и по сей день. Да и методы их нейтрализации практикуются те же.

На протяжении XX в. Северный Кавказ дважды становился источником серьезных угроз для единства Российской государственности. После революции 1917 г. в годы гражданской войны в Дагестане и Чечне развернулось движение под руководством Узун-Хаджи Кишиева, которое пыталось реанимировать идею теократического государства горцев Восточного Кавказа. В Терской области, какое-то время пользовались популярностью идеи конфедеративной республики горцев Северного Кавказа. Успехи Советской власти и сила Красной Армии восстановили власть России на Северном Кавказе под новым знаменем и новой государственной идеологией. Национальная политика в рамках советской идеологии предполагала пролетарский интернационализм и право наций на самоопределение. Однако на практике национально-государственное строительство в РСФСР

и СССР оказалось жестко увязано с прагматическими задачами обеспечения надежного контроля и управляемости национальных окраин бывшей царской империи.

Советское государство выступило правопреемником Российской империи в отношении черкесов. Более того, Советское государство оказалось более последовательным в своей политике. От Чечни и Дагестана требовалась неукоснительная лояльность союзному центру. От черкесов требовалось, чтобы их на Кавказе не было, во всяком случае, в том виде, в каком они сложились как единый народ к началу Кавказской войны и, несмотря ни на что, пережили ее. На базе адыгских анклавов были институционализированы три новые «социалистические народности» – «адыгейцы», «черкесы» и «кабардинцы». Такая политика не может рассматриваться иначе, как стремление Российского государства окончательно дезинтегрировать черкесов, заменив органически сложившееся на протяжении многих веков общеадыгское самосознание на эрзац идентичности, связанные с административным делением советского и постсоветского Северного Кавказа. Избирательность национальной политики Российского государства по отношению к черкесам становится очевидной, если мы сравним ее дух и практику с примерами администрирования в аналогичных ситуациях, как на Северном Кавказе, так и в других регионах страны. Иронцы и дигорцы, даже не имея общего самоназвания, были паспортизированы как единый народ – осетины. Многочисленные андо-цезские народности Дагестана включались в число аварцев, с которыми их связывает лишь отдаленное языковое родство. Субэтносы мордвы – мокша и эрзя – также не имеющие общего самоназвания и языкового единства, объединены в рамках единого народа и республики.

Еще более характерен пример с бурятами. Буряты на протяжении почти всего советского периода имели три автономии – Бурятскую АССР, Усть-Ордынский и Агинский АО. Но никому и в голову не пришло по этой причине конструировать три родственных бурятских народа. И только для черкесов существует исключение, поощряющее любой, даже самый курьезный партикуляризм. Так, видимо в преддверии зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи, была официально институционализована новая идентичность – «шапсуги». Под этим именем причерноморские черкесы-шапсуги даже попали в перечень коренных малочисленных народов России. Прикубанские шапсуги четырех аулов

Республики Адыгея такой сомнительной чести избежали. Невольно возникает аналогия с высказыванием Франсуа Миттерана, который возражал против объединения Германии. Ему принадлежит ставшая известной фраза: «Я так люблю Германию, что был бы счастлив, если бы их было две».

На протяжении всего советского периода были крайне затруднены связи с черкесской диаспорой стран Ближнего Востока. Они осуществлялись лишь по официальным каналам через общество «Родина» под государственным контролем. Были невозможны любые свободные контакты между черкесами Северного Кавказа и многочисленными диаспорами Турции, Сирии, Иордании. С середины XX в. в историографии безраздельно господствовала теория «добровольного присоединения», которая без разбора применялась ко всем народам Советской империи от Прибалтики до Кавказа. В научном дискурсе всячески избегалось упоминание о том, чего стоило черкесам неизбежно «прогрессивное» по своим последствиям вхождение в состав России.

Но стоило только ослабеть идеологическому давлению, появиться первым признакам свободомыслия в период перестройки и начала либеральных реформ, тема Кавказской войны и насильственного выселения черкесов сразу же заняла одно из ключевых мест в общественном сознании адыгов. Не случайно первая Всесоюзная научно-практическая конференция «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства» 24–26 октября 1990 г. прошла именно в столице Кабардино-Балкарии. Тогда же, в «Выводах и рекомендациях Всесоюзной научной конференции» впервые была осознанно артикулирована тема геноцида адыгов на завершающем этапе Кавказской войны¹⁵. Органам власти «рекомендовали» ликвидировать все символы колониальной политики царской России, в названиях улиц, населенных пунктов, памятники известных завоевателей Кавказа; не праздновать юбилеи «основания» причерноморских городов (Сочи, Туапсе и др.), которые возникали на месте разоренных черкесских аулов. Впервые была предпринята попытка превращения «черкесского вопроса» (в те годы такой «колониальной» по духу формулировки еще не существовало) в предмет широкой общественной дискуссии с привлечением парламентов субъектов Северного Кавказа. Конференция даже обратилась к парламентам республик Северного Кавказа с просьбой «оказать всяческое содействие и необходи-

мую помощь зарубежным адыгам и другим соотечественникам в их стремлении возвратиться на свою историческую Родину»¹⁶.

В реалиях современного российского общества такой порыв историков и общественных активистов радикально пересмотреть парадигму Кавказской войны выглядит несколько наивно. В самый разгар перестройки и развала СССР сторонники официальной имперской историографии не отказались принципиально от своей позиции. Но она потеряла авторитет в глазах значительной части российского общества. Убеждение в возможном торжестве исторической справедливости по отношению к черкесам было настолько сильно, что этим настроениям поддался истеблишмент адыгских республик. Постановление Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 7 февраля 1992 г. «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» аккумулировало ожидания адыгского общества:

«Столетняя колониальная Русско-Кавказская война (1763–1864 гг.), принеся адыгам (черкесам) неисчислимы бедствия и страдания, не имеет аналогов в истории нового времени. Большая часть адыгского этноса, в том числе свыше 90 процентов населения Кабарды, была физически уничтожена, более 500 тыс. адыгов насильственно изгнано царским самодержавием в Османскую империю.

Давая историческую и политико-правовую оценку Русско-кавказской войны, Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской социалистической Республики постановляет:

1) Считать массовое истребление адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны и их насильственное выселение с исторической родины в Османскую империю актом геноцида, тягчайшим преступлением против человечества.

2) Войти с предложением в Верховный Совет Российской Федерации рассмотреть вопрос о признании геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны и предоставлении их зарубежным соотечественникам двойного гражданства.

3) Поручить Президиуму Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР разработать программу мероприятий по реабилитации и репатриации зарубежных адыгов (черкесов).

4) Добиваться для зарубежных адыгов (черкесов) через Верховный Совет Российской Федерации и соответствующие международные организации статуса народа-изгнанника.

5) Объявить 21 мая, День памяти адыгов (черкесов) – жертв Кавказской войны – нерабочим днем»¹⁷.

С момента этого постановления, за подписью Председателя Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР Х. Кармокова, прошло более 20 лет. Помимо первого – собственно декларирующего пункта «Постановления» на сегодняшний день реализован только последний пункт. 21 мая стало для всех адыгов общенациональной мемориальной датой и днем нерабочим. Все остальные пункты не реализованы.

И в этом во многом вина адыгской политической элиты, черкесских общественных организаций РФ и диаспоры, которые проводят политику максимального конформизма. Адыгское сообщество оказалось не готово к последовательному отстаиванию своих интересов. Кроме того, на сегодняшний день слишком несоразмерны материальные и идеологические ресурсы адыгского сообщества и той части российской интеллектуальной и политической элиты, которая отстаивает незыблемость и легитимность результатов Кавказской войны. Парламенты адыгских республик, адыгские общественные организации многократно обращались в высшие органы законодательной и исполнительной власти РФ, лично к президентам России Б.Н. Ельцину, В.В. Путину, М.А. Медведеву¹⁸. Единственными положительными прецедентами реакции высшей политической власти России на ожидания черкесского сообщества можно считать лишь возвращение в Адыгею небольшой общины косовских черкесов (около 150 человек) и «Обращение президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны» от 18 мая 1994 г.

Обращение содержит важные морально-правовые оценки:

«...В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон»¹⁹.

К сожалению, они имеют чисто декларативный характер и относятся к уже завершившемуся в новейшей Российской истории периоду реального федерализма. История подготовки и проведения Сочинской зимней Олимпиады 2014 г. демонстрирует совершенно иное отношение к проблеме черкесского исторического контекста на черноморском побережье Кавказа и в целом в Краснодарском крае. Он был попросту проигнорирован, а Сочи в последние годы активно презентуется международному сообществу в качестве официальной южной столицы России и резиденции ее президента. Лично президент В.В. Путин на встрече со специально подобранными адыгскими «общественными активистами» озвучил официальную позицию Кремля по «черкесскому вопросу». Она заключается в том, что никаких проблем в отношениях с черкесами нет, а «так называемый черкесский вопрос» – полностью инспирирован внешними врагами России в рамках стратегии ее сдерживания.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие заключения.

Фактические результаты Кавказской войны для народов Восточного и Западного Кавказа оказались детерминированными двумя различными стратегиями мобилизации общества и организации вооруженного сопротивления колониальной экспансии Российской империи.

Политическая модель централизованного теократического государства, реализованная на Восточном Кавказе, способствовала временной консолидации общества, а после военного поражения сделала возможным инкорпорацию Чечни и Дагестана в административную систему Российской империи.

Традиционная политическая культура адыгов и созданные на ее основе формы политической самоорганизации в виде черкесской конфедерации оказались несовместимы с государственно-правовой практикой Российской империи. Убедившись в этом, правительство Российской империи посчитало возможным в государственных интересах уничтожить Черкессию. Это произошло в форме насильственного выселения горцев Западного Кавказа (собственно адыгов, убыхов, абазин) в пределы Османской империи.

Основная коллизия заключительного этапа Кавказской войны так и не разрешена. Все попытки черкесов диаспоры и адыгских республик РФ реинтегрировать единое социально-политическое, культурное пространство Черкесии на исторической

родине входят в объективное противоречие с целями и задачами государственной политики России по отношению к адыгам в том виде, как они были сформулированы 150 лет назад. Поэтому эти попытки воспринимаются как скрытая угроза безопасности России на Кавказе. Снять противоречие может либо изменение государственных задач России на Западном и Центральном Кавказе, либо прекращение всякой активности черкесских общественных организаций, направленной на сохранение единой адыгской идентичности.

Этому препятствует то обстоятельство, что результаты Кавказской войны адыгским общественным сознанием и в диаспоре и в РФ до сих пор не признаны легитимными. Очевидно, до тех пор, пока оно существует и опирается на общую историческую традицию, память, надежды на общую перспективу, будут продолжаться попытки добиться признания геноцида, совершенного по отношению к черкесам на заключительном этапе Кавказской войны. В неразрывной связи с проблемой признания геноцида будет находиться стремление добиться права на репатриацию потомков черкесских мухаджиров. Можно утверждать, что признание черкесами результатов Кавказской войны вполне легитимными и необратимыми будет означать фактический конец традиционной адыгской идентичности, которой Российская империя отказала в праве на существование 150 лет назад. Это станет зримым знаком формирования новых этнических идентичностей, давно институционализованных, которые будут иметь такое же отношение к историческим адыгам, как современные итальянцы к древним римлянам. К сожалению, этот сценарий не самый маловероятный.

Примечания

1. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Нальчик. 2000. С. 17.
2. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 46–50.
3. Дзамихов К.Ф. Из документальной истории Кавказской войны: «Декларация черкесской независимости». Нальчик, 2014. С. 12–20.
4. Трагические последствия... С. 29.
5. Там же.
6. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 128–130.
7. Трагические последствия... С. 116.
8. Тихомиров Л.А. Тени прошлого... С. 134–136.

9. <http://medalirus.ru/sobitiya1800-1864/medal-pokorenie-zapadnogo-kavkaza.php>.
10. <http://medalirus.ru/sobitiya1800-1864/medal-pokorenie-chechni-i-dagestana.php>.
11. Трагические последствия... С. 164.
12. *Фадеев Р.А.* Дело о выселении горцев / *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах. М., 2007. С. 521.
13. *Кумыков Т.Х.* Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик. 1994. С. 25–26.
14. Трагические последствия... С. 320.
15. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик. 1994. С. 260.
16. *Там же.* С. 261.
17. МЧА 1991–2011. Сборник документов и материалов. Нальчик. 2011. С. 75.
18. *Там же.* С. 67, 75–76, 338–340, 431–433.
19. <http://www.natpress.info/index.php?newsid=8676>.

Z.A. KOZHEV

CAUCASIAN WAR:
PATTERNS OF INTERIM RESULTS, PROSPECTS
OF COMPREHEN-SION

Results of The Caucasian War in The West and in the East Caucasus have fundamental differences. They are determined by differences in resource mobilization strategy of the people of Circassia, Chechnya and Dagestan in the struggle against the military-political expansion of the Russian Empire. For Circassians end of the Caucasian War, due to the forced deportation to the Ottoman Empire. The result is a steady annihilation of Circassian identity in the Diaspora and fragmented enclaves in the Caucasus. Circassian public consciousness refuses to recognize the legitimate and the final results of the Caucasian War, which are aimed at the destruction of the Circassian identity.

Keywords: Western Caucasus, the deportation of the Circassians, the results of the Caucasian War, the challenges of reintegration Circassian society.

УДК – 93/94(470.6)

Муратова Е.Г.
(г. Нальчик)

БАЛКАРСКИЕ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Статья содержит свод сведений исторических источников о балкарских обществах в период Кавказской войны. Показано их место в сложных политических процессах на Центральном Кавказе в это время. Результаты исследования являются необходимым элементом для формирования эмпирической базы научной реконструкции истории Балкарии XIX в.

Ключевые слова: *Кавказская война, Северный Кавказ, Балкария, балкарцы, кавказоведение, XIX в.*

Пожалуй, ни одна из проблем отечественного кавказоведения не имеет такую обширную историографию, как проблема Кавказской войны. Она напрямую, как убедительно показал В.В. Дегоев, связана с условиями развития исторической науки в предшествующий период и тесным образом коррелирует с колебаниями внутриполитического курса и идеологии сначала Российской империи, затем СССР и России. В постсоветский период оценка колониальной войны царской России на Кавказе и трактовка ее методов и последствий как геноцида по отношению к горским народам стала преобладающей среди современных «национальных» историков и свидетельствует о превращении комплекса идеалов этничности в ценностную парадигму, определяющую подходы и предопределяющую оценки. «Предав анафеме прежде популярный и назойливый тезис о «добровольном» характере и «прогрессивных» последствиях присоединения горских народов к России, историки ударились в другую крайность, вообще упразднив этот сюжет»¹. Постепенно современные исследователи приходят к структурному пониманию и описанию такого сложного и мозаичного исторического феномена как Кавказская война. При этом ее изучение в какой-либо

отдельной плоскости – истории международных отношений, политической, культурной, либо социальной истории северокавказских народов – явно недостаточно для целостной интерпретации этого явления. Все эти подходы являются дополнительными по отношению друг к другу.

В этой связи представляется небезынтесным рассмотреть немногочисленные свидетельства письменных источников о замкнутых в труднодоступных горных теснинах Центрального Кавказа пяти балкарских обществах, для которых Кавказская война стала одним из ключевых периодов их политической истории. Следует лишь отметить, что специальные исследования близкородственных карачаевцев в период Кавказской войны было предпринято Р.М. Бегуловым и М.И. Баразбиевым².

В последней четверти XVIII века активизировалась политика Российской империи на южном направлении, она включилась в передел сфер влияния на Кавказе. В связи с этим на Центральном Кавказе разрушилось этнополитическое равновесие, сложившееся еще в традиционную эпоху и характеризовавшееся гегемонией Кабарды в регионе. В этих условиях определилось несколько моделей реакции местных обществ на российское военно-политическое присутствие. С одной стороны, кабардинские феодалы начали борьбу за сохранение своих земель и владельческих прав над подданными. С другой стороны, в условиях протекционистской политики России продолжался процесс перехода некоторых локальных этнополитических образований Центрального Кавказа в российское подданство. Подобные шаги, правда, безуспешно, предприняли и некоторые балкарские владельцы еще в 1780-х годах³.

В первой четверти XIX в. русско-балкарские отношения можно рассмотреть только в контексте развития кабардино-русских отношений. К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань-Терек, еще не находилась под контролем русской военной администрации. Крупномасштабное переселение горцев Центрального Кавказа на равнину; строительство в 1803 году Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье, сопровождавшееся ликвидацией кабардинских районов и насильственным переселением их жителей, очередные выборы в родовые суды и расправы, учрежденные царским правительством еще в 1793 году, вызвали новый подъем антиколониального сопротивления в

Кабарде. Неоднократные карательные экспедиции в Кабарду мало затрагивали этническую территорию Балкарии, вместе с тем кабардинцы по-прежнему использовали труднодоступные горные ущелья для укрытия. Царское правительство считало, что «лучшей и коренной политикой» в отношении горских народов является стремление «отвращать между ними всякое единомыслие» и пресекать все действия в той или иной степени задевавшие интересы России⁴. Но на практике расколоть веками сложившуюся традиционную социоцивилизационную систему взаимоотношений оказалось не так легко. Касаясь этой темы, С.Н. Бейтуганов на документах конца 20-х годов XIX в. предложил следующие рассуждения. «Исходя из анализа «письменных документов», к составлению которых был привлечен товарищ управляющего Министерством внутренних дел статс-секретарь Дашков, который имел «ближайшие сведения о законах и образе мыслей народов мусульманского происхождения», Эмануэль пришел к выводу, характеризующему взаимосвязи кабардинцев и горцев. Он состоял в том, что «до 1822 года религия, одинаковый образ мыслей и одинаковые выгоды тесно связывали все многочисленные народы с кабардинцами». И, наконец, неутешительное и для самого Эмануэля, но вполне доказывающее справедливость выше им же изложенного заключения: «Они вообще хищничествовали с ними в наших границах». Вот это совместное «хищничество» и послужило Ермолову поводом к тому, чтобы привести разлад (или усугубить его) в среду одинакового образа мыслей и образа действий горцев и кабардинцев»⁵.

В 1804 году в Кабарде началось крупное восстание, в которое были вовлечены не только кабардинцы, но и соседние народы – балкарцы, карачаевцы, осетины. На его подавление была направлена карательная экспедиция во главе с командующим войсками на Кавказской линии генерал-лейтенантом Г.И. Глазенапом. 9 мая на р.Чегем произошло большое сражение. Г.И. Глазенап в рапорте Александру I писал: «Дрались в ущельях большей частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинцами, выбитыми из 12 окопанных аулов»⁶. Объединенные силы горцев потерпели поражение. Их положение еще более усугубила распространившаяся на Кавказе эпидемия чумы, в Балкарии вымирали целые поселки. Вся Кабарда была окружена кольцом кордонов и карантинных застав. С 19 мая по 6 июня 1809 года по поручению

Булгакова верховья рек Малки, Баксана, Чегема и Череха обследовал поручик Таганов, с целью «разведать как о расположении народа, так и удостовериться в совершенном пресечении язвы». Таганов наряду с другими посетил «Балкарский и Карачаевский народы, жилища которых прилегают к превысокой Кавказской горе Эльбрус». По его данным, вспышки чумы еще наблюдались в различных кабардинских селениях, но сильнее всего она свирепствовала «в горах, называемых Чегемскими, смежных с Кабардою со стороны хребта Кавказских гор, где он сам был»⁷.

С 1805 по 1810 гг. должность управляющего делами Кабарды занимал генерал-майор И.П. Дельпоццо. Глубоко изучив общественно-политическую обстановку, он выдвинул ряд предложений, касавшихся дальнейшего совершенствования административно-судебной системы, упорядочения поземельного вопроса и торговых отношений, а также предложил мероприятия, направленные на дальнейшую колонизацию края. Многие из этих предложений нашли свое воплощение в последующий период. Согласно плану И.П. Дельпоццо, начать политико-административные преобразования необходимо с Кабарды, присоединить ее к Кавказской губернии, открыть там суды с общероссийскими законами и обложить население казенными податями, а затем «приступить к введению благоустройства и в осетинских народах, во внутренности Кавказских гор в ущельях обитающих, которые имеют весьма разные наименования, весьма многочисленны и одно с другим беспрестанно имеют ссору»⁸. Для исследования споров и рассмотрения прав кабардинцев на власть над соседними горцами управляющий Кабардой предложил составить комиссию и урегулировать взаимоотношения между всеми народами. Одним из важных механизмов на пути дальнейшего продвижения российской колонизации должно было стать строительство крепостей на реках Баксан и Черек «при самых устьях ущелий». Эти форпосты наряду с другими, кроме выполнения военно-полицейских функций должны были стать пунктами монопольной торговли солью. Предполагалось «доставлять туда соль из соляных Можарских озер, в Кавказской губернии имеющихся, таковое количество, чтобы оной достаточно было не только всем кабардинцам, но и другим, далее за ними во внутренности гор обитающим народам, как-то: карачаевцам, чегемцам и балкарцам; из тех магазинов продавать соль кабардинцам по 2 коп., карачаевцам, чегемцам и балкарцам – по 4 коп. за

фунт»⁹, полученные от продажи соли доходы должны были направляться на административные и социальные нужды жителей Кабарды. Таким образом, план И.П. Дельпоццо предусматривал, во-первых, посредническую роль России в регулировании традиционных взаимоотношений Кабарды с балкарскими обществами; во-вторых, военные и экономические механизмы давления с целью наращивания военно-политического присутствия России в районе Центрального Кавказа; в-третьих, постепенное судебное-административное переустройство региона, включая и территорию Балкарии.

Несмотря на неудачи и значительное сокращение численности населения, сопротивление горцев не прекратилось. Новый его виток пришелся на 1808–1810 гг. Возглавлявшие борьбу кабардинские владельцы намеревались переселить подвластное им население с плоскости, прилегавшей к Кавказской линии, в горные ущелья, чтобы продолжить сопротивление. Два фактора во многом определили дальнейшее развитие событий. Во-первых, шариатское движение в Кабарде, развернувшееся после учреждения в 1807 году духовного суда (мехкеме), не смогло преодолеть социальный раскол внутри самого кабардинского общества: владельцы не приняли идеи социального равенства и держались за сохранение своих привилегий. Во-вторых, горские народы, балкарцы в том числе, явно тяготились зависимостью от кабардинских князей. Еще в начале века, анализируя причины беспорядков на Кавказской линии и изыскивая способы прекратить их, один из чинов военной российской власти указывал, что «подвластные им (кабардинцам) народы, видя их занятыми Россией, воспользовались случаем отбыть от их власти, и они, прервав узы, соединявшие их с ними, пустились во все беспорядки»¹⁰. В 1810 году С. Броневский по этому поводу писал: «Малкары подведомственны роду Джембулата; чегемы – родам Мисоста и Атажуки. Карачаевцы подлежат тому из кабардинских владельцев, который всех старше летами. Все три колена... несут кабардинское иго с отвращением, но в рассуждении недостатка пастбищных мест, коими пользуются в кабардинских землях, принуждены покорствоваться»¹¹. По сведениям российских военных властей от 12 февраля 1810 года, «кабардинские владельцы и уздени» находятся во вражде с балкарцами, но, имея «мысли самые дурные и отчаянные», т.е. готовясь к новому вооруженному выступлению, «теперь стараются они со всеми своими неприятелями, народами

осетинскими и балкарцами... во чтобы то ни стало примириться и действовать совместно против России неприятельски»¹². Факт такого объединенного антиколониального выступления документы вновь фиксируют в апреле 1810 года, когда в Кабарду была отправлена карательная экспедиция во главе с начальником Кавказской линии генералом Булгаковым. Верные своей тактике кабардинцы оставили жилища и увели «в неприступные места гор и семейства свои, и драгоценнейшее имущество»¹³. Входы в ущелья были под защитой владельцев и узденей. Генерал Булгаков, находясь в замешательстве, в рапорте генералу Тормасову от 30-го апреля 1810 года из лагеря при реке Черек писал: «Вооруженное их (кабардинцев) собрание более 2000 человек конных и столько же, как слышно, пеших, с помощью Балкарцев держащееся в двух укрепленных ущельях при подошве снеговых гор, мною заперто»¹⁴. Заходить в укрепленные и труднодоступные горные теснины Булгаков не стал, ограничившись разгромом и разграблением 200 кабардинских аулов на плоскости. Долго блокировать выходы из Балкарии на кабардинскую плоскость царские войска не имели возможности и вскоре отошли за кордонную линию.

Российская администрация довольно умело использовала имеющиеся противоречия между кабардинскими владельцами и балкарскими обществами, подчеркивая независимость горских народов и стремясь принять их под «российское покровительство». В 1811 году, будучи уже начальником Владикавказской крепости, генерал-майор Дельпоццо доносил главнокомандующему на Кавказе генералу Тормасову, что кабардинцы «ищут власти владеть всеми горскими народами, покорившимися предкам их, неправильно, потому что сия часть покорности оных им относится к силе и действию войска в тогдашнее время и покровительства им от Всероссийских Государей; народы сии суть осетинцы, балкарцы, карачаевцы, абазинцы, ингушевцы и карабулаки люди вольные, и хотя они с некоторых времен и платили им подати, но сие единственно последовало от вышеописанного предмета силы оружия Российского и покровительства им, кабардинцам, данного, и когда еще Российское правительство не имело совершенного сведения о состоянии и вольности тех народов...»¹⁵.

Россия стала претендовать на роль главного регулятора балкаро-кабардинских отношений, явно не поддерживая попыток кабардинской знати восстановить сюзеренитет над некоторыми

балкарскими обществами. В это время появляется ряд работ военных чиновников, где более пристальное внимание уделялось характеристике традиционных взаимоотношений горских обществ с Кабардой. В «Военно-топографическом и статистическом описании Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей», составленном офицером русской армии Д.М. Буцковским в 1812 г., в частности говорится: «Малкар или Балкар живут на высоком кряже шиферных и гранитовых гор по ущелью р. Черека, все в куче на расстоянии 5 верст. Две только деревни Бызынге и Холам сидят в ущелье Черека Хохуа. Как балкарцы, так и чегемы и карачаевцы суть татары ногайского происхождения. Дворяне их находятся в зависимости от Большой Кабарды князей рода Бекмурзы и Койтукова, коим положенную платят дань с каждого двора по одному барану в год. Будучи расположены в ущельях, выходы коих кабардинцами заняты, заставляя их необходимости покориться... для зимних в пониженных пастбищ, имея единственное пропитание от овечьих стад, кои в зимнее время в занимаемых ими горах не находят корма. Этим пользуются кабардинцы, не позволяя посещать балкарцам для торговли Российские границы для сношения с другими горцами»¹⁶. Другой офицер Генерального штаба, И.Ф. Бларамберг, анализируя характер взаимоотношений балкарцев с кабардинцами, также нашел внутренние противоречия союзников, указывая, что зависимость первых от вторых «порождает частые споры и непрекращающиеся войны», а требование старинной дани у чегемцев часто встречает отказ «с оружием в руках»¹⁷. Контролировать ситуацию, претендовать на безраздельную посредническую роль во всех конфликтах и участвовать в решении вопроса о традиционной дани, тем самым, обеспечивая нарастание пророссийской ориентации горских обществ, царская власть реально могла, только обеспечив военное присутствие в непосредственной близости от территории Балкарии. В 1813 году был назначен новый главнокомандующий на Кавказе – Н.Ф. Ртищев, считавший более надежным средством укрепления позиций России на Центральном Кавказе переход от конфронтации к поиску союзников. В 1815 году четыре дигорских князя, присягнувших на верность России, секретно доносили ему, что существует прямая дорога из Моздока в Имеретию, но «для безопасности оной и для пресечения разбоев и грабежей, кои могут быть производимы чрез места, называемые Басияни

(Балкарское ущелье), Тагаура и Двилеты, необходимо нужно для совершенного, так сказать, порабощения их поставить часть российского войска при реке Ардоне». Новое укрепление контролировало бы выходы из горных ущелий и оставляло их жителей «верноподданными России». Н.Ф. Ртищев поручил Дельпоццо послать чиновника для обозрения этих мест и бесед с поверенными от дигорского общества¹⁸. Реализовать далеко идущие планы по фактическому присоединению к России Центрального Кавказа смог только приемник Н.Ф. Ртищева – А.П. Ермолов, в 1816 году назначенный на пост главноуправляющего Кавказским краем. С его приходом Кавказская война приобрела еще более наступательный характер. По замыслу Ермолова, необходимо было перенести Центр Кавказской линии поближе к горам и «вступая в сношение с некоторыми горскими народами от кабардинцев утесненными, содержать сих последних в совершенной зависимости»¹⁹. Так, в отношении осетин-дигорцев Ермолов давал следующее предписание Владикавказскому коменданту Скворцову: «Вообще ласкайте их и уверьте, что переселение на плоскость, под защитую нашею не будут они платить за земли кабардинцам, уведомите меня, как вы распорядитесь с землями»²⁰. В декабре 1821 года в связи с не прекращавшимся сопротивлением кабардинцев и их нежеланием спуститься с гор военные действия возобновились. Кабардинцы в массовом порядке переселялись в горные теснины. Так, «аулы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий направились в верховья Уруха, Лескена и Черека, а аулы Мисостовых и Атажукиных – в верховья Гунделена и Баксана, поближе к закубанцам, оставляя свои земли»²¹. Теперь военные действия разворачивались в непосредственной близости от этнической территории балкарцев, иногда жители горских обществ принимали непосредственное участие в вооруженном противостоянии. К тому же следует констатировать высокую степень зависимости региональной имперской политики от личного фактора.

В 1822 году А.П. Ермоловым с большой жестокостью была проведена крупномасштабная военная экспедиция в Кабарде. В ходе ее царские войска несколько раз проникали в пределы Балкарии. «Экспедиция началась двадцать второго мая. Прежде всего в ущельях Уруха, Черека, Нальчика и наконец Чегема произведены рекогносцировки; кое-где происходили незначительные стычки, в ущелье Черека сожжено несколько селений...»²².

А.П. Ермолов прошел с боями к Кашкатау и 24 мая занял узкое место на р.Череке, «где горы почти смыкались». На следующий день войска выступили вдоль подошвы гор к р. Чегем, где «в самых труднодоступных местах истреблено селение»²³. Затем весь отряд передвинулся к Баксанскому ущелью и здесь остановился в ожидании колонны Сталя, которая шла с р. Кумы на соединение с отрядом Ермолова. Ермолов решил осмотреть Баксанское ущелье, еще неизвестное в топографическом отношении, кроме того, в это ущелье ушла часть мятежных кабардинцев во главе с Таусултаном Атажукиным. Во второй половине июня был предпринят поход к вершинам р. Баксан, в этом ущелье царским войскам «пришлось испытать беспрецедентные трудности». Отряды под командованием Ермолова и Сталя маршем прошли вверх по обоим берегам реки до самых истоков. «Свирепый и шумный Баксан, теснимый со всех сторон громадными утесами, с ревом и грохотом падал каскадами, с поражающей силой ворочая огромные каменные глыбы, отторгнутые от гор. Дорога лепилась по карнизам скал, висевших над безднами, и была так узка, что несколько казачьих лошадей сорвались с кручи в волнующуюся бездну»²⁴. В самом узком месте Баксанского ущелья кабардинцы и помогавшие им урусбиевцы, соорудив громадный завал на правом берегу Баксана, предприняли попытку остановить русские войска. Однако ночью четыре орудия из отряда Ермолова подняты были людьми на гору и заставили сопротивлявшихся очистить завал, а посланные в обход команды, заняв ближайшие к дороге места, затруднили отступление кабардинцев в земли карачаевского народа и за Кубань. В.А. Потто сообщал, что основное сопротивление царским войскам было оказано «около осетинского аула Ксанти» (к осетинам в русских источниках первой половины XIX в. ошибочно причисляли балкарцев), где «собрались главнейшие кабардинские владельцы» и был сооружен «ряд огромных каменных завалов». «Но кабардинцы не выждали наступления» и ночью ушли за Кубань, а «осетины пришли просить пощады»²⁵. «Заняв оставленные кабардинцами завалы, войска продолжали двигаться вперед. Батальоны шли по одному человеку, так как во многих местах тропинки на страшной высоте извивались по скалам, нависшим над Баксаном, будучи шириной не больше аршина... И такой путь шел на протяжении целых трех верст. В одном месте даже горные орудия пришлось перетаскивать на желобах, окованных железом; снаряды же роз-

даны были людям и переносились на руках»²⁶. Царские войска дошли до самых верховьев Баксана и после столкновений с «урусбийцами» вернулись в лагерь на р. Гунделен²⁷.

24 июля 1822 года военная экспедиция Ермолова была завершена, и отряд возвратился на линию. Покорение Кабарды, потеря ее суверенитета имела долгосрочные последствия и для балкарских обществ. В том же 1822 г. А.П. Ермолов заложил Урусское, Пришибское, Нальчикское, Чегемское, Баксанское и Каменноостское укрепления, тем самым передовая кордонная линия была перенесена с Малки и Терека к подошве Черных гор, а кабардинские аулы переселены на плоскость. Укрепления, построенные у самых выходов из горных ущелий, стали контролировать сношения горцев с жителями внутри линии. В силу естественно-исторических условий балкарские горы всегда были политически и экономически связаны с кабардинской плоскостью, поэтому реальное включение горских обществ в состав Российской империи было лишь делом времени. После летних событий 1822 года один из Урусбиевых обратился к А.П. Ермолову с ходатайством о разрешении ему с подвластными переселиться с р. Баксана в глубь российских земель, на правую сторону р. Кубани. В ответном предписании начальнику Кавказской области от 10 октября 1822 года генерал А.П. Ермолов отклонил эту просьбу²⁸. Вероятно, при принятии подобного решения военная администрация исходила из принципа лояльности горских владельцев России.

Однако сопротивление кабардинцев на этом не прекратилось. Уже после отъезда А.П. Ермолова в Тифлис, начальник всех войск в Кабарде Кацырев провел еще одну карательную экспедицию в балкарских горах. Узнав из доноса, что в «верховьях Чегемского ущелья скрываются семейства беглых кабардинцев», он 20 ноября 1822 года направил туда войска и все, «что осмелилось сопротивляться, было истреблено... Все имущество и стада их составили военную добычу; жилища, запасы хлеба и сена были сожжены»²⁹. Затем царские войска переправились через Чегем и трудной горной дорогой перешли в Баксанское ущелье, там от урусбиевцев Кацырев взял аманатов, которых доставили в крепость Нальчик.

Сведения о начавшемся в это время сближении балкарцев с российской военной администрацией можно почерпнуть из прошения мусульманского духовного служителя Баксанского общества Гази Эфенди, который, подчеркивая свою значимость

в этом процессе, писал: «А когда я поселился к урусбиевцам, то давал им также хорошее наставление, чтобы они покорились правительству, как и карачаевцам давал такое же наставление. Урусбиевцы принявши наставления мои в резон, то они послали меня к генералу Ермолову, где виделся я с ним и полковником Кацыревым в Екатеринограде и передал я им слова урусбиевцев и в это время при них покойный валий Кабарды князь Жанхотов и из почетных узденей Беслен Куденетов и Якуб Шорданов»³⁰. Сведения Гази Эфенди о том, что урусбиевцы заявили генералу Ермолову о своем желании принять подданство России, когда еще он находился в Екатеринограде, можно считать вполне достоверными, так как нашли свои подтверждения и другие факты, изложенные этим священнослужителем в указанном прошении.

Исследователь XIX в. П.А. Гаврилов считал, что с обнаружением в 1822 году прокламаций генерала Ермолова начались споры балкарских обществ с кабардинцами за право первых пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости, споры, затянувшиеся потом ни на одно десятилетие. Со времени создания Кабардинской передовой кордонной линии «горцы без стеснений от кабардинцев могли занимать необходимые им пастбища; но все-таки и в это время, как и прежде, горские овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли влиятельных кабардинцев, принадлежавших обыкновенно к высшим кабардинским сословиям. Отсюда также явилась претензия кабардинцев на право взимания с горцев ясака за пастьбу стад на плоскости»³¹.

Уклонение балкарцев от уплаты привычной подати вызвало недовольство кабардинских князей и узденей. Они, воспользовавшись проездом через Кабарду в 1827 году начальника Главного штаба генерал-адъютанта Дибича, подали ему жалобу на действия А.П. Ермолова с требованием сохранения их прав и обычаев старины. В прошении содержался пункт о сохранении дани с тех народов, с которых они брали ее раньше. Кабардинские владельцы мотивировали это тем, что «все народы, в горах живущие, равно и земли ими населенные, издревле принадлежали кабардинцам». В объяснении представленных прошений со слов кабардинских владельцев Кучука Джанхотова, Мисоста Атажукина и других были зафиксированы прежние правоотношения с балкарскими обществами. В частности, относительно жителей Черекского ущелья было записано, что с них кабардин-

ские владельцы «никакой дани не получают... и наказываются за все наравне по правилам кабардинским». Что касается чегемцев и урусбиевцев, то согласно этому документу, они «с давнего времени принадлежат Атажукиной фамилии и никто в них не вмешивается», а князь Атажукиной фамилии требует с чегемских старшин в случае раздела 9 душ крестьян, а «черный народ с каждого двора должен давать князю по одной рогатой скотине и сверх того каждое лето по одной корове для молока». Кроме того, обычай регламентировал целую серию мелких подношений и услуг, а также предусматривал значительные штрафы в пользу князя в случае уголовных правонарушений, таких как воровство или ранение. Что касается хуламцев и безенгиевцев, то в выписке говорилось, что они «по очереди в год дают князьям по барану с дома»³². Выводы генерала Эмануэля соответствовали объяснениям кабардинских князей. «Податью с осетин и других народов, позволенную Высочайшей грамотою в 15 день июля 1771 года, кабардинцы пользовались по 1822 год. Начальство русское, дабы народы сии не принимали и не пропускали через свои земли закубанцев и беглых кабардинцев для хищничества в Российские границы, требовало от них аманатов, кои в залог верности от них выданы, чрез то и подать платить кабардинцам отказались». В связи с этим князья добивались у Дибича «позволения брать с них по прежним обрядам подать» и ручались удерживать горцев «на будущее время от всех неблагонамеренных для России поступков»³³.

Прощение кабардинских князей, апеллировавшее к традиционному праву, было оставлено российскими властями без каких-либо последствий. Предыдущий опыт покорения Кабарды подсказывал правительству, что политика по присоединению Центрального Кавказа может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление балкарцев освободиться от этих платежей, и, во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость. В замечаниях кн. Бековича-Черкасского касательно просьбы кабардинского народа, представленных в рапорте гр. Паскевичу, по этому поводу говорилось: «Карачаевцы, Чеченцы (чегемцы), Балкары, Хуламцы, живущие на самых дальних горах, не составляющие большого целого, всегда были угнетаемы кабардинцами, как народом сильным, которому они даже платили дань... По поводу сего необходимо воспретить кабардинцам селиться в вершинах рек, ибо в противном случае

вышесказанные народы снова подпадут игу, будучи ближними соседями, долженствующими иметь проезды через их земли»³⁴.

Проводимая царским правительством политика вскоре принесла свои плоды. 11 января 1827 года представители урусбиевских, чегемских, хуламских и собственно балкарских таубиев, к которым присоединились также представители от дигорских бадилят, прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Эмануэлю и подали прошение о принятии их в русское подданство. Они выразили готовность принести присягу и поступить на военную службу, обязались выдать аманатов. В частности в обращении уполномоченных старшин в переводе с турецкого языка говорилось: «быв отправлены к вашему превосходительству для испрошения покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича яко поставленного от него наместника с тем ежели наше прошение принято буде, то мы равно и весь народ за отдачею уже аманатов детей наших принес и на верность подданства присягу всероссийскому великому государю Императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу и затем буде готовы и на службу его величества, если в том мы востребованы будем...». Тогда же была составлена «Ведомость о числе дворов дигорских и прочих народов, новопокорившихся русскому правительству», в которой также были зафиксированы имена депутатов от различных балкарских обществ³⁵.

При подаче прошения представители балкарского народа ходатайствовали о сохранении всех их древних прав и обычаев, шариатского суда, свободного исповедания ислама и «получения владельцами издавна установленной с поданных дани». Генерал Эмануэль привел балкарских и дигорских старшин к присяге и отпустил депутатов по домам, поручив им привести к присяге свои народы. В его обращении к уполномоченным старшинам в частности говорилось: «по возвращении к своим народам тотчас привести оные на верноподданство к присяге доставив оные ко мне сколь возможно поспешнее чрез господина полковника Швецова и объяснив в оных согласно желанию народа готовность к службе его величества по первому востребованию Российского правительства если бы в том предстояла надобность аманатов от всех народов – разделяющихся на разные

фамилии как то: дигорцев от пяти – одного, балкарцов от двух одного, чегемцов от трех одного и холамцов и бизингов одного, взять с тем чтобы переменять ежегодно я не могу согласиться, но доставить от каждой фамилии порознь по одному. О прочих же просьбах ваших по рассмотрению в след за сим последует особенное решение»³⁶. Об этом событии Эмануэль донес командующему армией генерал-адъютанту Паскевичу, а тот довел до сведения императора Николая I. Генерал-лейтенанту Эмануэлю было выражено «высочайшее благоволение за приведение балкарцев к подданству»³⁷.

Еще два десятилетия российское правительство воздерживалось от прямого вмешательства в вопросы внутреннего управления балкарскими обществами. Их традиционное самоуправление выражалось в сложившихся ранее формах гражданских общин, руководимых старшими членами владельческих фамилий того или иного ущелья. В 40-х годах XIX в. К.Ф. Сталь, служивший в это время в штабе войск Кавказской линии, подвел итог политики России на Центральном Кавказе: «В настоящее время Кабарда совершенно покорна, владение ее разложено на первоначальные составные части. Общества татарские и дигорские освобождены от дани, которую они платили завоевателям и, отделенные от Большой Кабарды, каждое особо принесло нам покорность»³⁸. Балкарские общества поступили в ведомство начальника центра Кавказской линии. Ввиду формального характера подданнических отношений традиционные балкарские и российские властные институты на этом этапе практически не взаимодействовали; до 60-х годов XIX века шел поиск приемлемых форм управления горскими территориями.

В 1829 году, после покорения карачаевцев, генерал Эмануэль организовал военную экспедицию к Эльбрусу с участием ученых Российской Императорской Академии наук под руководством академика Купфера. В ходе этой экспедиции учеными кроме естественнонаучных изысканий в области геологии и биологии Приэльбрусья были собраны этнографические и исторические материалы. В архиве Адольфа Яковлевича Купфера сохранилось «Описание Кабарды», которое содержит интересные сведения о балкарских обществах. Характеризуя положение на Кавказской линии в 1827 году, составитель документа пишет: «Болкарские, Холамские и Безенгиевские татары ведут себя в отношении и к русским и к кабардинцам покойно... Чегемские татары, поло-

вина была покорена прежде русскими и имела аманатчиков, другая же столь же сильная находилась не под зависимостью нашею, приставшая к одному старшине Кучуку Коншаовову, который имел тесную связь с карачаевцами заграничными жителями, часто допускал закубанцев проходить через свои земли и доставлял способ им делать набеги в Кабарде осенью прошлого года, от него силою взят сын его малолетний в аманаты, а сам с народом на верность подданства приведен к присяге с приличным для правительства российского условиями. Урусбиевские татары, до 70 домов, народ мирный и подчиненный России. Старшина оных по происхождению из княжеских фамилий – Мирза Кул, один из преданнейших Правительству нашему»³⁹.

Политика России на Центральном Кавказе в рассматриваемый период сделала невозможным автономное и независимое функционирование горских обществ. Традиционная этнополитическая организация балкарцев постепенно разрушалась, их этнический ареал включался в административно-политическую систему Российской империи. «Вместе с тем, преследуя цели только военно-политического контроля, но не экономической интеграции региона, правящие круги России не предусматривали на этом этапе ни глубокого вторжения в традиционный общественный и хозяйственный уклад народов Северного Кавказа, ни их полной социокультурной «ассимиляции»⁴⁰. Специфические формы правления, сложившиеся в регионе к середине XIX в., приобрели в рамках политической системы Российской империи институциональный статус. Это давало возможность более или менее эффективно разрешать противоречия, возникавшие между центральной властью и местными этнополитическими сообществами. Балкария в это время продемонстрировала довольно лояльный тип социополитической адаптации к государственно-административным реалиям Российской империи, поскольку имела достаточно зрелые формы политической самоорганизации общественных единиц, опыт социального расслоения и политической поляризации. Российская власть нашла в балкарском обществе адекватную своим политическим целям социальную базу и «открытость» традиционных социально-политических институтов для такого «навязанного диалога», что обеспечило совместимость этой общественной системы с российской государственностью и в дальнейшем привело к формулированию идеологемы «добровольного вхождения в состав России».

Примечания

1. *Дегоев В.В.* Проблемы Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000. С. 243.
2. *Очерки истории карачаево-балкарцев.* М.-Ставрополь, 2002. С. 103–110; *Барзbieв М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник. 2005. № 2. С. 126–140.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Д. 192. Л. 140–141.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже. В 12-ти тт. Тифлис, 1868. Т. II. С. 100.
5. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик, 1993. С. 193.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже. В 12-ти тт. Тифлис, 1868. Т. II. С. 940.
7. Из документальной истории кабардино-русских отношений: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / сост. Х.М. *Думанов.* Нальчик, 2000. С. 242.
8. Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-западного Кавказа / сост. Х.М. *Думанов.* Нальчик, 2001. Т. 1. С. 34.
9. Там же. С. 32.
10. Из документальной истории кабардино-русских отношений... С. 127.
11. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 218.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже. В 12-ти тт. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 860.
13. Записки А.П. *Ермолова.* 1798–1826 гг. М., 1991. С. 284.
14. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже. В 12-ти тт. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 868.
15. Там же. С. 879.
16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 414. Д. 300. Л. 76. Об. 77.
17. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. В.К. *Гарданов.* Нальчик, 1974. С. 431.
18. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 442.
19. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 26.
20. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 249.
21. *Туганов Р.У.* Кабарда и Балкария в период ермоловщины. (1816–1822) // Живая старина. Нальчик, 1992. Ч. 1. № 2. С. 10.
22. *Потто В.А.* Кавказская война. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 370.
23. Записки А.П. *Ермолова...* С. 378.
24. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 370.
25. Там же. С. 378.

26. Там же. С. 373.
27. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. IV. С. 94.
28. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берге. В 12-ти тт. Тифлис, 1875. Ч. 2. Т. VI. С. 459.
29. Потто В.А. Указ. соч. С. 379.
30. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 115.
31. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 11.
32. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 46—47об.
33. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берге. В 12-ти тт. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 366.
34. Там же. С. 872.
35. Документальная история образования многонационального... С. 450—451.
36. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 18—19.
37. Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 242.
38. Русские авторы XIX в. о народах Центрального... С. 212.
39. Санкт-Петербургское отделение архива Академии Наук России. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 2—8 об.
40. Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1998. № 1. С. 243.

E.G. MURATOVA

BALKAR SOCIETIES DURING THE CAUCASIAN WAR

Caucasian War. Their place in complex political processes in the Central Caucasus at this time is shown. The research results are indispensable for the forming empirical base for the scientific reconstruction of the history of Balkaria in XIX-th century.

Keywords: Caucasian War, North Caucasus, Balkaria, Balkarians, Caucasian studies, XIX century.

Базиева Г.Д.
(г. Нальчик)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в.*

В статье рассматривается художественная концепция Кавказской войны в контексте осмысления исторического пути России в творчестве русских писателей А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, романтизация, драматизм, национальная трагедия.*

Художественная концепция Кавказской войны в русской литературе XIX в. развивается в контексте широкой проблемы осмысления исторического пути России. Упоминания о Кавказе содержатся уже в одах М.В. Ломоносова, творчестве А.Н. Радищева, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского. Но подлинным открытием Кавказа явилась поэма А.С. Пушкина «Кавказский пленник», в которой сам автор более всего ценил изображение горских нравов, по существу мало связанное с сюжетом произведения¹. Кавказ оказал огромное воздействие на творчество М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, Л.Н. Толстого, А.А. Бестужева-Марлинского.

В начале XIX в. на разработку темы Кавказской войны влияли не только политические и социокультурные причины, но и получившее широкое распространение в художественной среде направление – романтизм. «Экзотика» кавказского бытия занимала важное место в освещении темы Кавказа в русской поэзии начала XIX века. В «Кавказском пленнике» А.С. Пушкин пишет:

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитание,

* Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции, обычай, ритуал в истории и культуре» по проекту «Идентичность в поисках традиции: народы Кабардино-Балкарии в государственно-политических и социокультурных трансформациях».

Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани
Движений вольных быстроту
И легкость ног и силу длани².

Русских поэтов и писателей привлекали бесстрашие и героизм горских народов, естественность простой, не обремененной излишествами и ложным пафосом жизни. «Мифологизация» Кавказа в произведениях русской литературы XIX века была продиктована романтическими устремлениями, связанными с западноевропейскими тенденциями изучения жизни «естественного человека» (Ж.-Ж. Руссо). В статье «Русская литература. М.Ю. Лермонтов», опубликованной в Лондоне, А. Герцен и М. Мейзенбург писали: «Лермонтов так полюбил тот край, что в известном смысле его можно назвать певцом Кавказа: вынужденный служить в армии, которая в течение многих лет безуспешно сражалась против полудиких вольнолюбивых племен Кавказа, Лермонтов был захвачен поэтическими картинками, постоянно раскрывавшимися его воображению. Он искал облегчения в пустынности бескрайних степей, по которым он любил мчаться верхом, в величии Кавказских гор, в далекой от цивилизации, но тем не менее полной благородства свободной жизни народов, населявших тот край. Да, он был бесстрашен в схватках с этими людьми, но не потому, что питал к ним вражду или считал правым то дело, за которое ему невольно приходилось сражаться, но потому, что сражения опьяняли его, потому, что в них он находил забвение своим тревогам, потому, что не очень дорожил жизнью, в которой не мог найти достойного применения. Его симпатии к черкесским народностям очевидны: об этом со всей очевидностью говорят наиболее поэтические его произведения»³.

В стихотворении «Валерик» (Валерик(чеч. Валарг) – река, приток Сунжи, впадающей в Терек (название реки этимологизуется из чеченского Валеран хи – «смерти река»), М.Ю. Лермонтов полемизирует с официальным воззрением на войну с горцами, с поверхностным, бьющим на внешние эффекты ее изображением, ярко описывая события боя, в котором принимал личное участие:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть....

И зной и битва утомили
Меня, но мутная волна
Была тепла, была красна⁴.

«...Вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью»⁵, – пишет М.Ю. Лермонтов в письме к А.А. Лопухину от 12 сентября 1840 года. В стихотворении поднята тема бессмысленности жестокого кровопролития и его бесплодности (осенью чеченский отряд вернулся в тот же Гехинский лес, к той же речке Валерик), что усугублялось неблагоприятностью Николая I, отказавшего в военных наградах многим участникам валерикского сражения.

Трагизм ситуации, по мнению Лермонтова, заключался в том, что в войне, которая горцами была по сути проиграна, применяются жестокие меры по отношению к «местным племенам». «Экспедиции русских войск носили скорее карательный, чем боевой характер», – отмечается в «Лермонтовской энциклопедии», и далее в подтверждение данного высказывания приводятся более подробные данные: «В журнале военных действий 20-й пехотной дивизии генерала А.В. Галафеева отмечены случаи бессмысленной жестокости по отношению к горцам. Занятые аулы после ночлега предавались огню, поля вытаптывались. Так, 37-й и 39-й донские казачьи полки 1 и 2 июля 1840 года вытоптали все поля по берегу р. Сунжи на 30 верст»⁶.

В конце 40 – начале 50-х гг. Кавказская война начинает осмысливаться как национальное бедствие не только для народов Кавказа, но и для передового офицерства, всех просвещенных умов России. «Воспитанные в безусловном преобладании экстернального локуса контроля, в жестких социальных рамках двойного беспрекословного подчинения (как граждане тоталитарной империи и как военнослужащие, связанные присягой), они (офицеры – Г.Б.) были вынуждены своими же руками разрушать вновь обретенный в чужом краю свой легендарный край «вольности святой», мир, ставший им родным, уничтожать людей, завоевавших их уважение и любовь»⁷.

«К 1859 году вся степная и отчасти предгорная полосы этого региона (Северного Кавказа – Г.Б.) были покрыты сетью казачьих станиц, солдатских слободок, крепостей и кордонных укреплений. Горцы были оттеснены в горные районы. К 1867 году в пределах Кубанской и Терской областей их насчитывалось 365 028 че-

ловец. Что же касается русского и украинского населения, то оно составляло тогда на Северном Кавказе, не считая Дагестанской обл. 963 603 человека, т.е. превышало число коренных жителей края более чем в два раза»⁸.

В результате военных действий царской России на Северном Кавказе начинается массовое переселение горцев в пределы Османской империи. Оставшееся на Родине местное население было не просто «оттеснено в горы», а выселено с насиженных мест, загнано в новые непривычные условия, к которым было вынуждено постепенно приспосабливаться. Отношение к народам, населяющим регион, в русской литературе было противоречивым. С одной стороны, как уже отмечалось выше – восхищение, любовь, уважение к «черкесским народностям», а с другой – «бесплодного Кавказа племена питаются разбоем и обманом»⁹.

Суть этих противоречий изложены М.Ю. Лермонтовым в программном произведении «Герой нашего времени». Голыши, головорезы, оборвыши, дикари, разбойники – вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми наделяет горцев Максим Максимович, «для которого жить значит служить и служить на Кавказе» (В.Г. Белинский). На вопрос не зачала ли Бэла в неволе, с тоски по родине, добрейший, но «зачерствелый» (В.Г. Белинский) Максим Максимыч, отвечает: «Помилуйте, отчего же с тоски по родине? Из крепости видны были те же горы, что из аула, а этим дикарям больше ничего не надобно»¹⁰.

Однако, Максим Максимыч не скрывает иногда удивления: «бешмет всегда изорванный, а оружие в серебре», ловкость («а уж ловок-то, ловок-то как бес»), бесстрашие и др. «Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы: нынче слава богу смирнее, а бывало на сто шагов отойдешь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазеваешься, того и гляди – либо аркан на шее, либо пуля в затылок. А молодцы!..»¹¹.

Противоречивое отношение к Кавказу характерно и для других героев русской литературы. Так, в рассказе «Рубка леса» Л.Н. Толстого капитан Тросенко – «старый кавказец в полном значении этого слова, то есть человек, для которого рота, которой он командовал, сделалась семейством, крепость, где был штаб, – родиной...., человек, для которого все, что не было Кавказ, было достойно презрения, да и почти недостойно вероятия; все же, что было Кавказ, разделялось на две половины: нашу и не нашу; первую он любил, вторую ненавидел всеми силами своей души...»¹².

Другой тип «кавказца», описанный в рассказе, – это ротный командир Николай Болхов, приехавший на Кавказ за свежими впечатлениями, но обманувшийся в своих ожиданиях. «В России существует престранное предание про Кавказ: будто это какая-то земля обетованная для всякого рода несчастных людей...»¹³. «Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными льдами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками, – все это страшное что-то, а в сущности, ничего в этом нет веселого»¹⁴.

Но наиболее яркие впечатления Кавказской войны Л.Н. Толстой отразил в повести «Хаджи-Мурат», раскрывающей ее проблемы «изнутри».

В повести подробно описывается ужасающая картина разоренного чеченского аула: разрушенные сакли, поломанные и сожженные абрикосовые и вишневые деревья, разоренные пчелиные улья... «Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее»¹⁵. ... «Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить со страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или, противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским, покориться им»¹⁶.

Повесть «Хаджи-Мурат» впервые была опубликована в «Посмертных художественных произведениях Л.Н. Толстого» (М., 1912) с большими цензурными поправками (сильно сокращена глава о Николае I и почти полностью цитируемый нами отрывок о разоренном чеченском ауле), оригинальный текст был напечатан В.Г. Чертковым в том же 1912 году в Берлине.

В русской литературе «...описание изменяющейся в ходе столкновения с Россией культуры горцев, и представление изменений, происходивших с российским обществом под влиянием Кавказской войны, были теми основными моментами, которые наиболее отчетливо показывали культурно-психологические особенности русско-кавказской драмы»¹⁷, – отмечает М.В. Архиреев.

Осознавая непригодность насильственных мер для окончательного покорения региона, царская администрация начинает активно привлекать к сотрудничеству представителей высшего сословия коренного населения (через обучение в учебных заведениях, а также службу в царской армии). Также предпри-

нимаются безуспешные попытки нивелирования этноконфессиональных различий через христианизацию населения, но впоследствии начинаются процессы детального изучения культуры горцев, продиктованные необходимостью создания зоны экономических и культурных контактов и постепенного вхождения региона в общекультурное пространство России.

Примечания

1. Русские писатели: биобиблиогр. словарь. М., 1971. С. 546.
2. Пушкин А.С. Кавказский пленник // Пушкин А.С. ПСС в 10-ти т. Поэмы. Сказки. М., 1963. Т. 4. С. 114.
3. Цит. по Аринштейн Л.М. Неизвестная статья А.И. Герцена и М. Мейзенбург о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. М., 1979. С. 300.
4. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. Лениздат, 1965. С. 145–146.
5. Лермонтов М.Ю. Проза. Письма // ПСС в 4-х тт. М.;Л., 1959. Т. 4. С. 623.
6. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 88–89.
7. Бройдо А.И. Кавказская война и духовная трагедия русского прогрессивного офицерства (по произведениям М.Ю. Лермонтова) // Кавказские научные записки. Академия наук Абхазии, Российский государственный торгово-экономический университет. М., 2012. № 3. С. 193–202 // URL: <http://www.apsuara.ru/portal/node> (дата обращения 25.07.14).
8. Куриянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981. С. 26.
9. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. Лениздат, 1965. С. 237.
10. Там же. С. 497.
11. Там же. С. 486.
12. Толстой Л.Н. Рубка леса // Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1979. Т. 2. С. 76.
13. Там же. С. 65.
14. Там же. С. 66.
15. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1983. Т. 14. С. 99.
16. Там же.
17. Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820–1830 х гг.: дис... канд. филолог. наук. Тверь, 2004 // URL: <http://www.dslib.net/.../kavkazskaja-vo...30-h-godov.htm> (дата обращения 31. 07. 14).

G.D. BAZIEVA

CAUCASIAN WAR IN RUSSIAN LITERATURE OF THE NINETEENTH CENTURY

The article considers the artistic conception of the Caucasian War by the context of understanding the historical path of Russia in the works of Russian writers A. Pushkin, M. Lermontov and L. Tolstoy.

Keywords: North Caucasus, romanticism, drama, a national tragedy.

УДК – 94(479)

Алов Т.Х.
(г. Нальчик)

РЕФЛЕКСИИ О НЕКОТОРЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ОСМЫСЛЕНИИ ГЕНОЦИДА АРМЯН И ЧЕРКЕСОВ

В центре исследовательского внимания статьи оказывается исторический опыт преступления против человечности через оптику сравнительной перспективы. Пафос работы сводится к необходимости выработки действенных модусов диалога как армянам с Турцией так и черкесам с Россией с целью преодоления тяжелейшего наследия геноцида в их истории.

Ключевые слова: *сравнительная перспектива, черкесы, армяне, трагедия, геноцид, диалог.*

Историографическое состояние современного кавказоведения вполне позволяет постулировать тезис о том, что с точки зрения долгосрочных перспектив российского присутствия в регионе наиболее значимым результатом, главным геополитическим итогом Кавказской войны явилось уничтожение страны адыгов – Черкесии.

Данное положение, так или иначе, характеризуется высоким уровнем консенсуса. Однако относительно юридической квалификации системы мероприятий, реализованных Российской империей в отношении населения Западной Черкесии на заключительном этапе Кавказской войны, наблюдается специфическая полемика. Ее своеобразие сводится к следующему. Спустя многим более чем столетие после уничтожения Черкесии, ряд научных форумов, а также высшие представительные органы двух субъектов Российской Федерации – Кабардино-Балкарская Республика и Республика Адыгея – приняли документы, признающие злодеяния царского правительства в отношении черкесов актом геноцида, и направили соответствующее обращение в Государственную Думу Российской Федерации. В силу ряда причин федеральные власти могли себе позволить отнестись к данным документам как к проявлению «внутренней

речи» черкесского национального движения¹, игнорирование которого не влечет за собой сколько-нибудь значимых последствий. Пренебрежительный взгляд на научное осмысление преступления имперского правительства первой половины 60-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе и современное правовое оформление посредством легитимных в рамках российского этатизма инструментов и процедур привели к тому, что миттельшпиль утверждения дискурса черкесского геноцида был упущен «центром». Показательно в этом плане, что научное сообщество России в течение более чем десятилетия в целом не выдвигало развернутых возражений относительно правомерности обозначенной черкесами позиции.

Объявление г. Сочи местом проведения XXII Зимних Олимпийских игр и возникшие в связи с этим задачи информационного сопровождения международного форума простимулировали стремительное формирование идеологически нагруженного дискурса, предполагавшего минимизацию, профанирование и в целом дискредитацию черкесского компонента в конструируемом информационном контенте вокруг столицы спортивного мероприятия.

В силу того обстоятельства, что черкесский компонент в историческом контексте ареала Большого Сочи в определяющей мере был отягощен опытом осуществленного в 60-х гг. XIX в. геноцида, а олимпийская хартия исключает возможность проведения игр в местах осуществления подобных злодеяний, в РФ был запущен механизм формирования определенного рода нарратива, направленного на демпфирование черкесской проблематики в актуальном для адыгов формате.

Выступления черкесских активистов в Ванкувере и Лондоне, научные форумы на заграничных площадках, посвященные национальной катастрофе XIX в., и, наконец, принятие Парламентом Грузии документа о признании совершенных Российской империей в отношении черкесов деяний как акта геноцида способствовали максимальному ускорению данного процесса. В результате сложился монологичный и безапелляционный дискурс, в репертуар которого входят как вполне наукообразные тексты отобюрокраченных think tanks («мозговых центров») (впрочем, обнаруживающих явные лоббистские черты и политическую ангажированность), так и продукты, заведомо относящиеся к разряду junk science («помойной науки»), т.е. системы

псевдонаучных нарративов, используемые для продвижения скрытых и особых интересов.

Очевидно, что полемическое острие подобного дискурса по черкесской проблематике было нацелено на ревизию (к слову отметим, что и отрицание геноцида армян рассматривается как «ревизионистское направление в историографии») предшествующего этапа научных усилий по осмыслению трагического опыта геноцида. Собственно периодический пересмотр тех или иных взглядов, как известно, является имманентным свойством плодотворного научного процесса. Однако отчаянно, если можно так выразиться, стадиально запоздавший, лишенный сколько-нибудь значимого когнитивного содержания «рефлекторный» модус реагирования на данную ситуацию лишил «взгляд из центра» диалогичности. Конъюнктурно мотивированный поток текстов, в которых «прошлое подгоняется под заранее определенную, навязываемую этому прошлому форму ответа, представление о нем в угоду тем или иным веяниям...»². выдержанным в тональности и риторике информационной войны, обрек «взгляд из центра» на обвал в яму «тоннельного мышления» с его зауженным коридором интеллектуального обзора.

Ввиду явной контрпродуктивности такого подхода нами было предложено перевести рефлекторный монологический дискурс «центра» (между прочим усиливающий культурные разломы в федеративном государстве), конфронтирующий с приобретшим за многие годы прочную легитимность научным обоснованием и юридической оценкой совершенного российским государством преступления против человечности, в рамки академического русла³. Тем самым предполагалось вывести режим коммуникации из состояния специфической полемики, характеризующейся своеобразной «дискурсивной дисритмией», на рельсы транспарентного инклюзивного диалога. Однако эта инициатива не получила поддержки.

Вместе с тем, данную ситуацию вряд ли имеет смысл представлять как результат фатальной предопределенности сложившегося «дискурсивного барьера» и что он обусловлен принципиальной неспособностью к диалогу. Очевидно, что утверждение такого положения во многом объясняются рецидивами хронического «синдрома осажденной крепости». И хотя ощутимый уровень демонизации данной проблематики очевиден (о чем недвусмысленно свидетельствует, к примеру, суждение В. Путина о черкесском

факторе как сдерживающем развитие РФ инструменте⁴) просматриваются серьезные возможности для исправления ситуации.

В этом плане, задача определения путей к продвижению если и не к дискурсивному консонансу, то хотя бы к минимальному уровню консенсуса приобретает императивный характер. Имея ввиду данное обстоятельство, в рамках настоящего очерка предпринимается попытка нащупать оптимальный формат российско-черкесского диалога обратившись к неоднозначному, внутренне противоречивому, болезненно разворачивающемуся, но все же демонстрирующему позитивную симптоматику опыту армяно-турецкого взаимодействия по тематике трагедии 1915 года.

Разумеется, здесь вряд ли во всем уместны прямые аналогии (учитывая географические и культурно-исторические различия, а также хронологическую дистанцию) и не стоит переоценивать «дидактический» ресурс подобной компаративной инициативы. Вместе с тем, очевидно, что рассмотрение ситуации с черкесской катастрофой первой половины 60-х гг. XIX в. и армянской трагедией 1915 г. через оптику сравнительной перспективы не лишено важных эпистемологических преимуществ. Ознакомление с работой «Диалог о Геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны» американского исследователя с армянскими корнями Р.Г. Суни вполне убеждает в этом. Ввиду того обстоятельства, что он, по собственному признанию, «долго доказывал необходимость диалога между турками, армянами и другими заинтересованными сторонами по вопросу о Геноциде⁵», имеет смысл обратиться к основным тезисам его работы. Тем более, что в ней отчетливо демонстрируются переменные в конфигурации налаживающегося взаимопонимания двух изначально антагонистичных взглядов на одни и те же исторические события. При этом симультанное сопровождение обозначенных исследователем позиций по проблематике армянской трагедии сюжетами черкесской катастрофы первой половины 60-х гг. XIX в., на наш взгляд, позволит выстроить более-менее сбалансированный текст.

Ввиду того обстоятельства, что в тексте Р.Г. Суни наблюдается артикулирование прецедентов масштабной трагедии, заведомо не подпадающих под квалификацию геноцида, думается, что предварительное обращение к этому мотиву послужит контекстуализирующей отправной точкой и зримым маркером

различения качественно разных с международно-правовой точки зрения явлений. Так, автор пишет: «Геноцид 1915 года нельзя рассматривать как простое продолжение массовых убийств армян турецкими властями, которые случались и ранее, – это была принципиально иная, гораздо более радикальная попытка решения «армянского вопроса»⁶. Далее последовали уточняющие оценки того, чем являлись предыдущие волны насилия в отношении одного из древних народов Анатолии. Он указывает, что в своих трудах пытается «показать различия между хамидскими массовыми убийствами 1894–1896 годов, убийствами в Адане в 1909 году и Геноцидом 1915 года. В первом случае это была попытка консервативной реставрации несправедливого и жестокого порядка; во втором случае резня произошла во время наступления контрреволюционных сил на младотурок...»⁷.

В плане сравнительного рассмотрения подобных трактовок показательны примеры чрезмерно жестоких, заслуживающих эпитета «бесчеловечных» намерений и акций, осуществленных Российской империей на Северном Кавказе. В этом отношении любопытно одно из высказываний генерала Ермолова. В одном из писем датируемом декабрем 1818 г. он писал про чеченцев: «Только успел приучить их к некоторой умеренности, отняв лучшую половину хлебородной земли, которую они уже не будут иметь труда возделывать. Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать земли и спасать стада свои... голоду все подвержены, и он поведет к повиновению»⁸. Не меньшую одержимость демонстрировал и ближайший соратник «проконсула Кавказа». «Главным средством к покорению горцев Вельяминов считал все-таки голод; который [надо] стараться всеми мерами усилить между черкесами, лишив их возможности получать жизненные потребности...»⁹. Хрестоматийным стало и обращение императора Николая I к командующему российскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу последовавшее вскоре после подписания Адрианопольского договора в сентябре 1829 г. «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁰. Сложно не осознавать, в качестве чего воспринималось монаршее предначертание генералитетом армии, нахо-

дившейся уже многие десятилетия на острие имперской экспансии и на что обрекало многие тысячи человек изложенная в столь бескомпромиссных выражениях государственная задача. Вместе с тем, очевидно, что и отрыв или же намек на пренебрежение принципом историзма при рассмотрении конкретной ситуации и подверженность соблазну «обличительства» гарантированно блокируют возможности рационального осмысления тех или иных феноменов. В этой связи представляется целесообразным обратиться к источнику если и не всецело разъясняющему, то, по меньшей мере, приближающему к адекватному восприятию содержания, вложенного в слова императора.

Так, в одной из дореволюционных работ указывается, что в этот период царь «исходил из той мысли, что слава оружия нашего, распространившаяся по всему краю по случаю наших побед, должна убедить горцев в ничтожности их сил и в невозможности нам противиться»¹¹. Думается, что подобный штрих очерчивающий контуры военно-политической ситуации, при которой Николай I изложил свой знаменитый (по крайней мере, в кавказоведческой среде) пассаж, позволяет подойти к корректной расстановке акцентов значимости и, соответственно, определению авторской семантики текста. Если судить только по ассерции «обращения», может сложиться впечатление о паритетности концептов «усмирения» и «истребления» в царском наказе. Однако контекстуализация позиции российского императора, на наш взгляд, позволяет говорить о наличии отношения второстепенности и, в некотором смысле, «инструментальности» второго понятия к первому. Впрочем, устойчивость действий в данном направлении вполне подтверждает такое мнение. Так, в 1840 г., после небывалых успехов черкесов на черноморском побережье «его величество изволил повелеть: чтобы в продолжение как частных, так и общих поисков против горцев виновным в действиях против нас аулам не было оказываемо никакой пощады, чтобы принадлежащие им стада, посевы, жатвы и запасы всякого рода, какие только захватить будет можно, непременно были истребляемы и сами аулы их разрушаемы до основания. На развалинах подобных аулов ставить столбы с надписью на языке, более в горах употребительном, в которой излагать преступления разрушенного аула и постигшую оный кару»¹². Думается, что и в данном случае мотив «усмирения» является определяющим в позиции царя. И в этом отношении он консонирует с вышеука-

занной риторикой «повиновения» и «покорения», образуя с последними лексическими единицами единое семантическое поле.

Принимая во внимание, что в основополагающем документе по геноциду в качестве «осевых» категорий рассматриваются «действия, совершаемые с намерением» достижения определенных задач, предполагающих «предумышленность» их осуществления, представляются оправданными усилия приложенные Р.Г. Суни к выявлению вопроса о том, насколько использование таких лексических единиц как «преднамеренность / непреднамеренность» и «цель» релевантно объяснению феноменов, послуживших первоначальными импульсами свершившейся трагедии армян.

Позиция автора относительно вопроса о предварительной разработке правительством в Стамбуле плана по решению армянского вопроса в тексте раскрывается довольно подробно. Приведем некоторые суждения Р.Г. Суни по данному аспекту проблемы. «Геноцид не планировался заранее, задолго до Первой мировой войны – скорее это было внезапное решение, принятое в разгар войны»¹³. Далее он указывает, что смотрит «на Геноцид как на спонтанное событие, произошедшее в момент политической радикализации, последовавшей за катастрофическим поражением османской армии при Сарыкамыше зимой 1914–1915 года»¹⁴. Не принимая тезиса «о том, что планы Геноцида стали разрабатываться еще до Первой мировой войны», автор указывает, «что турецкая элита задолго до войны была настроена против армян. Точно так же очевидно, что отдельные экстремисты давно вынашивали планы радикального «решения» армянского вопроса. Нельзя отрицать и то, что война предоставила блестящую возможность для проведения в жизнь самых жестоких планов в отношении армян и что жертвам были предъявлены ложные обвинения в подготовке восстания. Но все это, по моему мнению, нельзя отождествлять с заранее подготовленным и разработанным планом по уничтожению армян. Если бы не разразилась Первая мировая война, то не было бы и Геноцида – и не только потому, что война позволила скрыть эти события. Война крайне обострила у турок чувство грозящей им страшной опасности. Без этого у них было бы гораздо меньше стимулов к радикальному решению вопроса и больше политических возможностей для других вариантов»¹⁵. Проявляя последовательность Р.Г. Суни пишет: «...я утверждаю, что депортации и массовые убийства не были запланированы за-

долго до самих событий, а стали результатом решений принятых правительством младотурок в момент поражения, когда им представился удобный повод»¹⁶. Впрочем ученый признает, что «...специалисты, занимающиеся историей Армении, подобно исследователям Холокоста, разделены на два лагеря: «интернационалисты» считают, что турки давно вынашивали планы Геноцида армян, а «функционалисты», напротив, полагают, что события носили достаточно случайный характер и произошли под воздействием представлений об армянской угрозе, возникших в годы Первой мировой войны...»¹⁷.

Взгляд на события, последовавшие в первой половине 60-х гг. XIX в. в Черкесии сквозь призму степени их предварительной подготовленности, альтернативности / безальтернативности рисует несколько иную картину. Достаточно красноречивы, к примеру, свидетельства Ростислава Фадеева воочию наблюдавшего развернувшуюся тогда трагедию во всех стадиях ее осуществления. Он писал: «В сентябре 1860 г. генерал-адъютант граф Евдокимов был назначен командующим войсками Кубанской области, и в то же время окончательно решен план завоевания и заселения русскими Западного Кавказа, исполненный впоследствии»¹⁸. Ниже этот автор признавался, что «план конечного покорения Кавказа» заключался в том, чтобы осуществить «истребление горцев, поголовное изгнание их вместо покорения»¹⁹. Далее он продолжал: «Изгнание горцев из их трущоб и заселение Западного Кавказа русскими, – таков был план войны в последние четыре года (после 1860 г. – Т.А.)»²⁰. Недвусмысленно характеризуют положение дел и следующие слова: «... огромность жертв, сопряженных с предположенным планом изгнания горских населений из их убежищ, даже кажущаяся жестокость такой меры смущали энергию исполнения. Государь император убедился лично на месте в недействительности всякой другой меры»²¹. Один из архитекторов реализации подобной системы мер Д.А. Милютин так вспоминал о кульминации владикавказских совещаний в начале октября 1860 г. «С *обычными ясностью, отчетливостью, простотой изложил граф Николай Иванович свой план* (выделено нами. – Т.А.) действий основанный на прежних предположениях, поддерживаемых самим главнокомандующим и состоящих в том, чтобы решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию»²². Правда

здесь требуется серьезное уточнение; «уход в Турцию» рассматривался военным министром Александра II не как альтернатива, а как императив плана, реализованного в Черкесии. Это подтверждается, в частности, его отношением к тезисам записки военного советника при российском посольстве в Константинополе В.А. Франкини к военному министру «об условиях скорейшего водворения спокойствия на Кавказе», датированной 1863 г. На замечание дипломата о том, что проводимая правительством система «покорения края» «ведет к тому, чтобы выбить туземные племена со всего Кавказа» адресат сделал в документе помету на полях следующего содержания: «Да, это единственное средство навсегда покончить войну на Кавказе»²³. В новейших исследованиях по данному вопросу показано, что никакой альтернативы насильственному выдворению черкесов в пределы Османской империи российское командование не оставило²⁴. Впрочем, для пущей убедительности обратимся еще к одному свидетельству непосредственного участника тех событий. М.Я. Ольшевский – представитель когорты генералов, завершивших вековое противостояние на Кавказе, риторически вопрошал: «Не по его ли (Барятинского. – Т.А.) инициативе началось переселение закубанцев в Турцию?»²⁵. Согласно его суждениям именно «почин» главнокомандующего российскими войсками в регионе определил «насильственное переселение горцев в Турцию и водворение на Западном Кавказе христианского населения»²⁶. Здесь остается лишним раз добавить, что все это осуществлялось согласно определенному плану и данное обстоятельство четко осознавалось задействованным пулом военных командиров. Так, кутаисский генерал-губернатор Н.П. Колюбакин отмечал: «Действия войск, командуемых генерал-адъютантом графом Евдокимовым, *нося характер той энергии и последовательности, которые принадлежат не случайному увлечению, а зрело обдуманному и прочно усвоенному плану* (выделено нами. – Т.А.), убедили непокорных горцев, что приближается последний час их независимости»²⁷.

Любое планирование детерминируется необходимостью достижения определенной цели. В работе Р.Г. Суни вопрос о наличии целеполагания в рассматриваемой исторической ситуации занимает приоритетное место и затрагивается рефреном. Вот лишь некоторые из авторских суждений. «Это был Геноцид, свершившийся, когда государственная власть приняла решение о выселении армян с их исторической родины. Выселение было

затяжно ради достижения некоторых стратегических целей, а именно – устранения предполагаемой армянской угрозы в ходе войны с Россией, наказания армян за подрывную, повстанческую – с точки зрения турецкого руководства – деятельность и, наконец, реализации собственных амбиций по созданию на всем пространстве от Анатолии до Кавказа и Средней Азии пантюркской империи»²⁸. Он так же полагает, что «...в 1915 году имел место Геноцид... государственная власть стремилась в измененной форме сохранить старую турецко-исламскую империю, распространить ее на восток, включив в ее состав другие тюркские народы и устранив физически тех, кого это государство считало наиболее чужеродными, наиболее опасными и наименее лояльными по отношению к османам, – а именно армян»²⁹. «Геноцид был вызван... амбициозными планами воссоздания на новом фундаменте Османской империи, которые предполагали пантюркскую экспансию на Востоке»³⁰. «...Геноцид был уникальной попыткой радикально изменить демографическую ситуацию в Анатолии»³¹. «Официальное решение о выселении армян, принятое военным режимом – этим триумвиратом (Энвер, Кемаль, Талат – Т.А.), предполагало депортацию из этого региона, всех армян без исключения»³².

Относительно черкесов стратегическая цель их противника детерминировалась следующим императивом: «Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой необходимости»³³. Следует подчеркнуть, что данная идея целиком разделялась на самом высоком уровне. В рескрипте царя от 24 июня 1861 г. на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска рельефно выражена конечная цель столь тяжелых для империи мероприятий – «совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское население»³⁴. Младший брат царя был так же непреклонен. «Непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»³⁵. Полностью гармонирует с обозначенным курсом августейших особ, узнаваемая фразеология Р. Фадеева. «Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все побережье»³⁶. «Самая цель ее (войны. – Т.А.), не покорение, а изгнание черкесов...»³⁷. Ему же принадлежит взгляд обозначенный без всяких сантиментов:

«... надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие». «Надобно было кончить покорение Западного Кавказа так скоро, чтобы нам не успели помешать. К этой цели была направлена вся деятельность последнего времени»³⁸.

Вполне понятно, что в фокус сравнительного рассмотрения двух однотипных феноменов всегда можно поместить чрезвычайно широкий спектр сопоставляемых параметров. Однако, вероятно, не все они обладают равным «эпистемологическим потенциалом». Очевидно, что выявление некоторых отдельных характеристик предпочтительнее с точки зрения осмысления как общих, так и специфических черт исследуемых явлений. В этом плане представляется оправданным стремление понять, насколько схожими / различными были применявшиеся в отношении армян и черкесов дегуманизированные «технологии». Важно уяснить, кто были конкретные акторы развернувшихся трагедий народов и каковы были их, так сказать, «организационные профили». Относительно уровня организации процесса по окончательному решению «армянского вопроса» Р.Г. Суни отмечает: «Изучение того, как проводился Геноцид, привело меня к убеждению, что, вопреки принятой точке зрения, это была слабо скоординированная, довольно беспорядочная акция»³⁹. В тексте автора подчеркивается, что непосредственной силой осуществлявшей Геноцид, в превалирующей степени были спецслужбы и нерегулярные формирования⁴⁰.

Ознакомление с ситуацией в западных областях Черкесии в конце столетнего противостояния позволяет говорить об исключительно организованном и планомерном характере имперского курса на уничтожение страны адыгов. Сам факт того, что он проводился без каких либо значимых отклонений более четырех лет, невзирая на смену действующих лиц и различных обстоятельств, вполне иллюстрирует системность реализованной в отношении черкесов политики. Следует отметить, что и само российское руководство периодически декларировало неизменность избранного курса посредством тех или иных документов, к которым можно отнести, к примеру, царский рескрипт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска от 24 июня 1861 г. или же издание «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» 10 мая 1862 г. Задачи обозначенные как в

самом плане, утвержденном в октябре 1860 г. так и в промежуточных документах показывают, что они были реализуемы только в случае привлечения на их решение всей мощи российской армии на Кавказе. О том насколько планомерно она развернула свои действия в западных областях Черкесии, позволяют судить источники. Приведем некоторые свидетельства одного из видных офицеров формулировавших методу действий в регионе. «До будущего лета (1862 г. – Т.А.) предположено было... выгнать черкесов из плоскости между Пшехой и Пшишем... В половине декабря, когда наступили морозы... отряд снова воротился на плоскость, изгнал остатки горского населения из полосы земли между нижней Пшехой и Пшишем»⁴¹. Красноречивы и другие факты: «Опустошив еще раз плоскость от Абина до Хабля, на которую выгнанные горцы постоянно возвращались из своих ущелий для полевых работ, генерал Бабич заложил станицу при выходе Хабля из гор... В течение октября и ноября шапсугское население было поголовно изгнано из горных пространств, на северном склоне – до Антхыря, а на южном – по морскому берегу до Мзыби»⁴². Описания другого участника событий таковы: «Военные действия пшехского отряда, по естественному ходу дел, должны были открыться... с целью очищения окрестностей от абадзехов... командующий войсками Кубанской области, на всю зимнюю экспедицию, то есть с 1-го ноября 1862 г. до 1-го апреля 1863 г., предположил окончательно только следующие задачи: 1. Очистить, до весны, все пространство между Белой и Пшехой до самых гор, уничтожая аулы, запасы и захватывая как пленных, так и имущества враждебных горцев»⁴³.

В целом, ознакомление с фактической канвой тех исторических катаклизмов, которые были затронуты в настоящей работе, показывает, что база для последующих компаративистских инициатив весьма широка. Сравнительный анализ по таким позициям, как роль идеологии в трагедиях, подобных черкесской и армянской, или же выяснение того, насколько ссылка на концепт «гражданская война» нерелевантна беспристрастному подходу к изучению опыта геноцида, а также выявление динамики сближения изначально идиосинкратичных интерпретаций обозначают далеко неполный перечень сюжетных линий для последующих изысканий.

Настоящую же статью, думается правомерно завершить также – сравнением. Когда в одной университетской аудито-

рии Р.Г. Суни спросили об отношении армян к туркам, он искренне заявил, что «большинство из них ненавидят турок и за совершенное ими зло, и за постоянное отрицание Геноцида»⁴⁴. Совершенно очевидно, что на сегодняшний день ни один человек не может, не пренебрегая истиной, высказаться в подобном ключе об отношении черкесов к русским. Такая ситуация является прочной базой для инициирования полноценного российско-черкесского диалога. И это тот случай, когда формулировка М.М. Бахтина особенно актуальна: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие»⁴⁵.

Примечания

1. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2012. С. 29.
2. *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. М., 2010. С. 18–19.
3. Материалы круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления». Нальчик, 2013. С. 151.
4. Владимир Путин назвал «черкесский фактор» одним из инструментов сдерживания развития России // www.aheku.org/news/society/5573.
5. *Суни Р.Г.* Диалог о Геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 75.
6. *Там же.* С. 80.
7. *Там же.* С. 89.
8. *Гордин Я.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011. С. 154.
9. *Короленко П.П.* Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 331.
10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века // Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 58.
11. *Волконский Н.А.* Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 150–151.
12. *Короленко П.П.* Указ. соч. С. 375–376.
13. *Суни Р.Г.* Указ. соч. С. 80.
14. *Там же.* С. 83.
15. *Там же.* С. 84.
16. *Там же.* С. 89.
17. *Там же.* С. 102.
18. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 179.
19. *Там же.* С. 182.
20. *Там же.* С. 184.
21. *Там же.* С. 198.
22. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 475.
23. Кавказ: Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. С. 262.

24. Марзей А.С. Выселение адыгов Западной Черкесии в Османскую империю в период с 1862-го по 1865 год: определяющие факторы процесса // Материалы круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Нальчик, 2013. С. 28, 32.
25. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 2003. С. 476–477.
26. Там же. С. 425.
27. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 203.
28. Суни Р.Г. Указ. соч. С. 76.
29. Там же. С. 77.
30. Там же. С. 80.
31. Там же. С. 89.
32. Там же. С. 105.
33. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 240.
34. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Нальчик, 2003. Ч. II. С. 80–81.
35. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи // Сб. архивных материалов. Нальчик, 2001. С. 264.
36. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 184.
37. Там же. С. 216.
38. Там же. С. 215.
39. Суни Р.Г. Указ. соч. С. 92.
40. Там же. С. 105–106.
41. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 210–211.
42. Там же. С. 212.
43. Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник. СПб., 1866. Т. XLVII. С. 15.
44. Суни Р.Г. Указ. соч. С. 77.
45. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского //www. vehi. net/dostoevssky/bahtin/ 08. html.

T.H. ALOEV

REFLECTION ABOUT SOME OF THE SIMILARITIES
AND DIFFERENCES IN THE INTERPRETATION OF THE GENOCIDE
OF ARMENIANS AND CIRCASSIANS

In the centre of the investigative attention of the article turn out to be the historical experience of the crime against the humanity through the optics of the comparative perspective. The pathos of this work comes to the necessity of working out of the efficient moduses of the dialogue both the armenians with Turkey and the circassians with Russia for overcoming the severe heritage of the genocide in their history.

Keywords: comparative perspective, Circassians, Armenians, tragedy, dialogue, genocide.

Биттирова Т.Ш.
(г. Нальчик)

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Основным фактором сохранения диаспоры в иноэтнической среде является культура в широком смысле этого термина. В понятие культура входит и коллективная память о прошлом, что отразилось в исторических песнях, посвященным событиям конца 19 и нач. 20 в. История в полном объеме не могла сохраниться в диаспоре, оторванной более 100 лет от событий, происходивших на покинутой родине и, соответственно, песни с историческим содержанием несут печать недостаточности и фрагментарности.

Ключевые слова: литература и фольклор, карачаево-балкарская диаспора, Кавказская война, историческая память и культура.

Карачаево-балкарская диаспора в Турции возникла в XIX веке и пополнялась несколькими волнами эмиграции, связанными с Кавказской войной и ее итогами, Октябрьским переворотом и Гражданской войной. В последний раз – в период Великой Отечественной войны. Большинство авторов, изучающих причины мухаджирства народов Северного Кавказа, говорят о двух его основных причинах: целенаправленная политика России в отношении покоренных народов, вынуждающую их покидать родные места, и заинтересованность турецких правителей в привлечении в Османскую империю кавказцев, как способ увеличения мусульманского населения в среде христианских племен Балканского полуострова и усиления приграничных позиций в Малой Азии¹.

Диаспора, как определенная форма существования социума создается там, где есть определенные условия для сохранения родной культуры и исторической памяти. Стоит подчеркнуть, что при всем стремлении мухаджиров к созданию этнокультурного пространства, адекватного покинутому, такое было невозможно, ибо цели репатриантов и принимающей стороны

существенно расходились. Попытки сохранения национальной идентичности не встречали поддержки со стороны турецких властей, стремившихся их рассеять по всей стране. Впрочем, подобный формат встречается почти без исключения в странах, массово принимающих беженцев или трудовых мигрантов.

В данных условиях среди карачаево-балкарских мухаджиров наблюдалось коллективное осознание необходимости сохранения в иноэтнической среде. Попытки уберечься от этнического рассеяния и ассимиляции выполнялись такими экстраординарными действиями, как сохранение эндогамных браков, попытки изучения и преподавания родного языка в условиях запрета (усилившийся с приходом младотурков к власти), ужесточения культурной составляющей свадебных обрядов. Если на покинутой родине изгнанников в процессе свадьбы вносились какие-то изменения в устоявшийся обряд, то в среде мухаджиров вплоть до 70-х годов XX века, это было невозможно. Обязательным было присутствие на свадьбе всей молодежи села и ее активное участие в танцах. Исполнение ийнарлов (шуточных импровизаций) стало непременным атрибутом свадьбы, почти забытым на Кавказе.

В таких условиях более века сохранился фольклор, основной корпус которого был создан на Кавказе. В первую очередь, это исторические песни и легенды. О том, что они сохранились в диаспоре лучше, чем на родине писал один из первых исследователей карачаево-балкарского фольклора Махмуд Дудов². Перед самой войной совместно с Х. Лайпановым им было издано два фольклорных сборника, не потерявшие своего научного и культурного значения и по сей день. Сохранность в диаспоре фольклорных текстов, приближенных к критическому, М. Дудов объясняет отсутствием идеологического давления, которому он сам был подвержен при подготовке к изданию фольклорных сборников.

Стремление сохранить себя в качестве национального сообщества, естественно, связано с коллективной памятью мигрантов. В этом отношении велико было значение фольклора и тех авторских произведений, которые были созданы соплеменниками накануне переселения в Турцию. В основном это песни социального протеста и песни, направленные на борьбу с жестокими методами царского администрирования.

Важное значение имеют песни-плачи, которые проецируются на обстоятельства, вынудившие мухаджиров покинуть родину. В них названы события, напрямую связанные с предпосыл-

ками переселения. Так в основе популярной в диаспоре «Песни о Шамиле» лежат конкретные исторические события, в других песнях мухаджиров – отголоски политической борьбы и социального протеста периода второго исхода в Стамбул – «Экинчи Стамбулчула» (1905–1906 гг.), как было принято называть данный процесс в народе. К такому можно отнести песню-кюю о Байчорове Солтане-хажи, известного общественного деятеля и мецената, дважды подвергшийся репрессии вместе с родными и близкими в третий раз – при Советской власти. В ней рассказывается о борьбе героя песни с царскими чиновниками за сохранение исконных земель, о том, как народ был разобщен тяжелыми социальными условиями (те, кто должен был подписать «приговор» в поддержку Солтан-хажи, отказываются это делать из-за страха), о том, с каким отчаянием горцы ведут борьбу за существование:

... Бойнум чыдамайды мени Армавирде ургъан сууукъгъа,
 Ай, жауум а ышансын Чокуна деген къатын а жууукъгъа.
 Уллу пулошадда сени атанг да Ожайны юйлери,
 Юйлени да башына кек да кегюрчюнлер да къоналла,
 Жолоучуладан сени эгечлеринг хапар соралла.
 – Сорсала уа сорсунла, энди мени жоюп баралла,
 Жоюп жибергендиле мени Армавирден узакъ да Уралгъа,
 Не хата этгенем мен кесим да жашагъан къыралгъа?
 Емюрюм кюрешди да жарлылар ючюн, жер ючюн,
 Емюрюм а кюрешдим жарлылар ючюн, эл ючюн.
 Мени жойдургъанла бири да болур сахтиянчы да чюйютлю...

Сени жашынг Туугъан да париговорну жазады,
 Къатынгы а Кябахан, кечеден кюннге азады.
 Эгечинг Джанышхан да санга ырыслайд жыламайды,
 Хай, да ма ит къумукълу приговоргъа къол салыргъа унамайды.
 Энтда нек жазмайды да не болгъанд Туугъанны къолуна?
 Жоюлуп а бараса, хажи, энди Аллах болушсун да жолунга.

К стр. 3

Подстр. перевод:

Моя грудь не выносит холодный ветер из Армавира,
 Пусть мой враг доверится родственникам жены, как Чокуна,
 На большой площади дома твоего отца Ожая,
 На крыши домов садятся сизые голуби,
 Твои сестры спрашивают путников о тебе.
 – Пусть спрашивают, но меня ведут на погибель,
 Отправляют меня с Армавира на далекий Урал,
 Что плохого я сделал стране, в которой живу?

Всю жизнь боролся за бедных, отстаивая их землю,
Всю жизнь боролся за бедных, за свое общество,
...Твой сын Тууган подписывает приговор,
Жена его Кябахан похудела с ночи на утро.
Сестра Жанышхан не плачет, суеверничает,
Да только собака кумык не хочет подписывать приговор.
Почему теперь не подписывает, что случилось с руками Туугана?
Тебя ведут на погибель, хажи, пусть Аллах поможет тебе в пути...

В период кавказской войны в жизни горских обществ появилось такое социальное явление, как абречество. Оно было вызвано, по словам Басията Шаханова тем обстоятельством, что «туземец, доведенный до отчаяния неравной и непосильной для него борьбой с непрошенными пришельцами, отодвинувшими его в глубь бесплодных суровых гор, пустил в ход против своего врага единственно оставшееся в его руках оружие – партизанские набегги. Это назвали разбоем». Рассуждая о путях преодоления данного социального явления, талантливый публицист и юрист делает вывод: «Вот туда, где требуются самые обычные меры подъема материального благосостояния к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевшим колом в голове – предрассудком, приходят с репрессиями, в которых давно лишь и без того безотрадное status quo. Приходят и орудуют по отжившей свой век традиции, по устаревшему шаблону, на помощь предрассудку и предубеждению являются тысячи добровольцев, действующих отчасти «выгоды и корысти ради», отчасти же по свойственному россиянину легкомыслию, побуждающему его ни над чем серьезно не думать, все принимать на веру и беспечно повторять всякую нелепость и глупость, не задумываясь ни на минуту, не останавливаясь над ней ... и получается... Ах, какая колоссальная, какая ужасная несправедливость получается здесь!»³.

Осуждение этой «колоссальной и ужасной несправедливости» – главная тема исторической песни «Канамат», созданной в пореформенный период. В ней разоблачается лицемерие и жестокость царских чиновников. Проникаясь чувствами, заложенными в песне, каждый слушатель сопереживал ее герою, ибо и собственная судьба беженца проецировалась на трагические обстоятельства гибели абрека Канамата, поверившему обещаниям царского чиновника. По своей структуре жанр песни является промежуточным – от баллады к поэме. Здесь полнокровный сюжет, содержащий коллизии времени ее создания, много героев,

философские и житейские рассуждения и главное – кюй-плач, который соотносится не только с погибшим в неравной схватке Канаматом, но и тысячами горцев, не нашедших выхода из создавшейся ситуации.

КЪАНАМАТ

Эбзеланы жигит туугъан Къанамат!
Эки кезюнгден къан агъад.
Этер эдинг санларынга бош болсанг,
Сени ургъан итге бла къазауат.
Кекде бир жарыкъ ждудуз,
Таугъа айланып батады.
Ой, аланла, Учкуланда
Бир тулпар елюп жатады.
Чыкъыгъан эдинг Сынты къабакъдан абрек.
Кеченг беру болуп, кюнюнг ит болуп,
Жети жылны Амгъата бойнун сакъладынг.

Подстр. перевод:

Джигитом рожденный из рода Эбзеевых Канамат!
Из глаз твоих текут кровавые слезы.
Ты бы сражался отчаянно с этими псами,
Если бы ты был свободным.
На небе яркая звезда
Падает в направлении горы.
Ой, аланы, в Учкулане
Лежит погибший богатырь.
Ты вышел абреком из аула Сынты,
Ночью был волком, днем – собакой,
Семь лет охранял берега Амгаты...

Друзья и родственники Канамата уговаривают сдать русским войскам и остаться в живых и в поисках посредников отправляются к нескольким высокопоставленным лицам Карачая. Но не все готовы помочь. В конце концов они оправляются в Учкулан к Хаджибекиру сыну Гюллю, которого пристав «считает своим и обращает особое внимание его письмам»:

Бизни кергенлей ол гинжи кибик кийинди,
«Хошкелдинг Къанамат» деп, тюлкую кибик суйюндю.
Алай баргъанлай, бизни къонакъ юйге салгъанед,
Хыйла была сауугларыбызны къолубуздан алгъанед.

Кечесинде, татлы хантладан тойдурду,
Кюндюзюнде, бир къара къойлай сойдурду.
– Мен барайым да къагъыт-къалам алайым,
Санга Къанамат, ариу къагъыт жазайым.

Киши кермезча сени иги жашырайым,
Паспорт алып, Тюрк патчахха ашырайым.
Алай айтып ол, бизни къоюп кетгенед,
Эшиклерибизни тышындан къадау этгенед.

Подстр. перевод:

Увидя нас, он нарядился, как кукла,
«Добро пожаловать, Канамат», – как лисица он ласков,
Но устроил он нас в гостиницу,
Хитростью забрал у нас оружие.

Вечером накормил вкусными блюдами,
А днем дал нас зарезать как черных барашек.
– Я пойду принесу, бумагу да перо,
Тебе, Канамат, напишу красивую бумагу.

Я спрячу тебя так, что никто не увидит,
Возьму для тебя паспорт и отправлю тебя в Турцию.
Говоря так, он оставил нас и ушел,
Закрыв за нами крепко двери.

Вероломный чиновник выдал героя песни и его друзей, вызвал наряд стражников, и они погибают в неравной схватке:

... Девять пуль сразили тебя, Канамат,
Черный день настал для храброго сына Алия.
Что случилось с твоим черным кинжалом,
Твой мозг разбрызгался на двери дома.

Пишут протокол твоей же кровью,
Могилу твою копают в Карабагане.
Джигитом рожденный из рода Эбзеевых Канамат,
В боку у тебя было лишнее ребро

Твою кровь не простит этим собакам
Оставшийся в живых твой отпрыск.

Обращает на себя внимание, как сочинитель песни гармонично вписывает в текст новые слова-заимствования из русского. Они все вносят в песню не только соответствующую информа-

цию – характеристику военного положения, но и создают тревожное настроение, являются символами возмездия.

Приведенный текст – из записей Махмуда Дудова и является наиболее полной ее версией. В карачаево-балкарской диаспоре существует и относительно новая песня «Канамат», контаминированная с сюжетной основой известной исторической песни. В основе сюжета песни – история Халкечева Канамата Имметалиевича, который, примкнув к большевикам, с 1918 исполнял обязанности комиссара одного из карачаевских аулов, а в 1920–1921 гг. являлся первым секретарем Малокарачаевского района в 1921 году. Судя по тексту песни, Канамат был устранен чекистами. Общими для этих двух песен, кроме имени героя, заимствованные из исторической песни строфы, художественное обрамление, чувства гнева и печали.

Сохранились в карачаево-балкарской диаспоре песни, которые не могли быть изданными на родине. Это, в первую очередь, песни, в которых упоминается социальный статус героя, в особенности, если это касалось зависимых сословий. Одна из таких уникальных песен, записанных нами в диаспоре, создана, если судить по ее содержанию, до 1868 г. В этот год один из героев песни – реальная историческая личность, брат известного богослова и устаза Али-эфенди Энеева – Жумакку оказался среди мухаджиров в Турции⁴. Судя по легенде, рассказанной исполнителем песни, красавица Даулетхан и юноша из фамилии Энеевых полюбили друг друга, но, поскольку молодые вступили во внебрачную связь, имам села Энеев Жумакку запретил им жениться. И, девушка вынужденная выйти замуж за «инвалида Тукум по кличке Кырау»), проклиная Жумакку.

Ариу Даулетхан окъа тюеди
Кийиз уюкьгъа.
Гюнахым жетсин Жумакку деген
Бурма мыйыкьгъа.

Барыгъыз да къарагъыз Аккалада
Чакъгъан жюнюме.
Жумакку амалтын къара кийгенме
Тутхан диниме.
Энейлары Малкъарукъланы
Къулламы, дейле.
Алып баргъаныбыз да
Энейланы тулламы, дейле.

Биз да баргъанек
Басиятлагъа болуш къонакъгъа.
Берип ийдиле да, ол Къырау деген
Тукъум чолакъгъа.

Кюндюз болса, жип салалла
Бойнума, дейме.
Кече болса, жиян иедиле
Къойнума, дейме.

Не бек битгенди
Энейланы ашлыгъы.
Бош къалгъа эди
Жумаккуну башлыгъы.

Атам Темир баш ашасын
Бичакълап.
Анам Гушахир жиясын
Андыз жамчыны къучакълап.

Уллу къарындашым
Жыл тутмакъда чирисин.
Гитче къарындшым да анга
Келечиге жюрюсюн.

Подстр. перевод:

Красавица Даулетхан пришивает Золотые позументы к войлочным сапогам.

Пусть будет грешным сам Жумакку – Кучерявые усы.
Идите и смотрите у Акаевых Потеребленную мною шерсть.
Из-за Жумакку я отлучена От своей веры.
Энеевы Балкароковых Рабы, говорят.
А та, которую мы везем, Энеевых женщина, говорят.
Мы ходили к Басиятовым Как к кунакам.
Они отдали фамильному увечному По имени Кырау.
Когда наступает утро, Завязывают мне горло веревкой.
Когда приходит ночь Запускают ко мне за пазуху змею, говорю.
Как хорошо уродились У Энеевых колосовые,
Да чтобы остался без хозяина Башлык Жумакку.
Пусть отец Темир ест Баранью голову, сдирая мясо ножом.
Пусть мать Гушахир плачет Обнимая его бурку.
Пусть старший брат Год сгнивает в тюрьме.
Пусть младший брат Носит ему передачи.

В песне встречается прием, применяемый в шуточных жанрах фольклора, когда эстетический эффект достигается соединением или перечислением несовместимых вещей. Сказанное можно отнести и к поведению самой Даулетхан, которая «к войлочным сапогам пришивает серебряные позументы». В песне много индизнаказательного, скрытого подтекста, осуждающего поведение Даулетхан, несмотря на то, что песня сочинена от ее имени.

Сохранились и зафиксированы в диаспоре песни, сочиненные неизвестными авторами в период Кавказской войны. Одна из самых проникновенных в этом цикле песня-баллада об Умаре – героя сражения на Хасауке в 1829 году. Среди исследователей песни нет единого мнения об ее авторстве – одни исследователи считают ее создателем Ключюка Байрамукова, другие Хачирова Юсуфа. Многие склонны считать ее народной, однако, поэтика и образная система, заложенные в произведении, эмоциональность звучания, экспрессивность дают основания говорить о том, что песня была сочинена талантливым, пока еще достоверно не установленным автором.

Как было сказано выше, для мухаджиров не создавалось условий для сохранения своей национальной идентичности, в Османской империи их расселяли в разные концы страны, хотя и разрешали создавать поселения компактного проживания. К примеру, карачаево-балкарские мухаджеры 1905–1906 гг., по решению турецкого военного руководства должны были быть направлены в Сирию. Прибывших из Новороссийска в Стамбул на кораблях горцев сажали в поезда до Дамаска. Однако по пути мухаджеры настояли на поселении в Турции и их стали высаживать во внутренних районах страны и расселять вблизи городов Эскишехир, Конья и Афьон. Все же часть мухаджиров была поселена на сирийской стороне границы. Со временем они перебрались поближе к столице, где образовали поселения Блей и Бойдан. В Сирии к этому времени находилось более двух тысяч (преимущественно балкарцев), прибывших туда в конце 80-х годов XIX века. В последующем мухаджеры мигрировали как в Турцию, так и в другие арабские страны.

Начиная с первой волны эмиграции, карачаево-балкарские мухаджеры участвовали практически во всех войнах Османской империи, а в последующем и Турецкой республики. Молодежь из среды мухаджиров призывали наравне с другими жителями страны. О том, как представители северокавказских диаспор ве-

рой и правдой служили интересам вновь приобретенной родины существует много красноречивых фактов, в том числе количество офицеров и награжденных из числа переселенцев. Участие в защите интересов вновь приобретенной родины не осталось незамеченным и в духовном наследии карачаево-балкарской диаспоры. Фольклор и авторское творчество карачаевцев и балкарцев XX века передают из поколения в поколение имена и деяния тех, кто сражался в составе турецкой армии за независимость страны. По рассказам старожилков, из каждого аула мухаджиров на фронт уходили сотни молодых и не очень молодых горцев. По данным администрации села Якапынар, при сражении при Чанаккале погибло 57 карачаевцев⁴. Поскольку сто лет назад большинство семей были многодетные, на войне погибали несколько братьев из одной семьи или же отец семейства со своими сыновьями. Так, к примеру, названный выше Джумаку Энеев в преклонном возрасте погиб в Чанаккале вместе с двумя своими сыновьями.

Несмотря на «железный занавес», в диаспоре узнавали о событиях и процессах, происходивших на покинутой ими родине. А с новыми, зачастую нелегальными, эмигрантами проникали и песни, сложенные в советской время и имеющие в своем содержании протест против существующего строя.

Представляет большой интерес книга «Multeci kamplarindan karasy-malkar turkcesi mektuplari» («Письма на карачаево-балкарском языке из лагерей для перемещенных лиц»)⁵, изданная турецким ученым ногайского происхождения Исмаилом Доганом. В ней содержится уникальный материал, рассказывающий о судьбах перемещенных лиц в период Второй мировой войны. Существует и устная поэтическая память о прошедших, кровавых эпизодах войны. А в песне, сочиненной Ибрагимом Ульбашевым, «Анкара» от имени всех мюльтежи (от арабского «беженец») говорится о признательности государству, их приютившему:

Ассалуму алейкум,
Жуддузубуз Анкара!
Ассалуму алейкум,
Келдик санга жалбара.

Сыннган жүрек талпына,
Мен аллынга келеме.
Туркияны халкына

Кавказдан салам береме.
Къан ичинде жууулгъанланы
Сен къутхаргъын, Я Аллах!
Ватанындан къууулгъанланы
Сен къутхаргъын, Я Аллах!

Подстр. переревод:

Ассалуму алейкум, Звезда наша – Анкара!
Ассалуму алейкум, Пришли к тебе за милостью.
Раненое сердце в надежде Стремится к тебе навстречу.
Всему народу Турции Я передаю привет с Кавказа.
Тех, кто искупался в крови, О Аллах, ты спаси!
Изгнанников из Родины О Аллах, ты спаси!..

Условиями сохранения национальной идентичности в диаспоре на протяжении почти двух веков были компактность проживания в сельской местности и пополнение диаспоры новыми потоками мигрантов после известных событий Российской истории. Вторая [после 1917 г.] и третья волны [40-е годы XX века] мухаджирства привнесли в жизнь диаспоры новые цивилизационные идеи. В этом плане велико было значение деятельности тех, кто оказался в диаспоре после трагических событий Второй мировой войны. Эмигранты данного периода попадали в Турцию разными путями и у каждого из них за плечами наравне с трагическим опытом войны были пережитые в Советском государстве годы. Большинство из них были образованные люди, некоторые даже с высшим образованием в отличие от представителей диаспоры того периода, когда люди со средним техническим образованием были большой редкостью. Тех, кто составил третью волну эмиграции, в карачаево-балкарской диаспоре называют «мультежи». Хотя мультежи составляли небольшой отряд среди мухаджиров, в 50–60-е годы их влияние в области культуры и литературы было весьма ощутимым, что подтверждается и фактами литературно-публицистической деятельности их представителей. Следует отметить, что большое место в публицистике конца 40-х и начала 50-х гг. занимает тема исхода в период Второй мировой войны, в том числе и события конца мая 1945 года на реке Драу.

Литература карачаево-балкарской диаспоры начиналась поэтическими жанрами и полвека развивалась в пределах этих жанров. Только в конце 70-х годов была написана Хамитом Бота-

шем первая повесть – «Харам тала» [«Проклятая поляна», издана в Нальчике в 1993 году, переведена на русский язык в 1998 году]. Хамит Боташ потерял в огне репрессий близких родственников и подростком был вынужден с престарелой матерью покинуть родину, ибо не видел для себя перспективы при сталинском режиме. Какие бы трудности ни пришлось пережить автору, полученное им в советском государстве образование, приобщение к великой русской литературе дали ему возможность реализовать впоследствии свой талант на чужбине. Автор повести, рассказывает о трагическом эпизоде конца Второй мировой войны, когда колонна кавказских горцев, убежавших от сталинских репрессий вместе с немцами, взяв с собой свои семьи – родителей, детей, жен, коварно была возвращена англичанами в горнило режима. Он рассказывает в деталях о побоище, устроенном англичанами на берегу реки Драу, на границе Австрии и Италии. Эти события не раз заставляли Хамита Боташа братья за перо – на протяжении всей своей жизни на чужбине он писал стихи, статьи и очерки, наконец, – повесть о пережитых им и его близкими страданиях.

Основным содержанием фольклора и литературы карачаево-балкарской диаспоры на протяжении полувековой ее истории была тема потерянной родины. С течением времени, со сменой поколений в диаспоре наступил определенный душевный комфорт – современные потомки мухаджиров уже не находятся под давлением противопоставления «новой» родины «стране предков», появилось понятие «исторической родины», что не так болезненно воспринимается. Сегодня на первый план вышла новая тема – тема потерянного этноса, ибо ускорение процессов урбанизации и глобализация изменили жизнь сельских поселений Турции. Для получения образования и в поисках работы сельские жители, в том числе и потомки мухаджиров покидают села и небольшие города. Это обстоятельство ставит перед диаспорой непреодолимые проблемы в деле ее сохранения. И теперь многие поэтические, публицистические произведения посвящены теме надвигающейся ассимиляции и многие стихи имеют названия «Тас болдукъ» – «Мы потерялись»⁶. Начиная с 70-х годов прошлого века, создана новая, американская диаспора в штате Нью Джерси, в которой также ведется активная работа по сохранению этнической культуры. Семь лет функционирует культурный центр европейской диаспоры, который находится в Германии, в городе Мюнхен. В ее составе, как представители мухаджиров, так

и современные гастарбайтеры. Жизнь, как и во всем мире, постепенно переместилась в большие города. Если для больших этносов данное обстоятельство имеет социально-культурологическое значение, то для таких небольших этнических сообществ, как диаспора, оно имеет драматическую подоплеку. Думается, что если карачаево-балкарская диаспора второй раз потеряет места своего компактного проживания, вслед за этим процессом начнется забвение исторической памяти.

Примечания

1. *Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000; *Лайтанов Х.О.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. 5; *Кучмезова М.Ч.* Карачаево-балкарская диаспора в странах Ближнего Востока (история и современность) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000; *Улаков М.З.* «Этнос-диаспора» как модель функционирования социокультурного пространства // Кавказоведение. М., 2003 г. № 4. С. 44–52; *Каракетов М.Дж.* От вооруженных столкновений до брачных связей; из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. Диаспора. М., 2004. № 4. *Борлакова Ф.А.* Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции. Автореф. дис. канд. истор. наук. 2009.

2. <http://www.elbrusoid.org/>

3. *Басият Шаханов.* Избранная публицистика. Введение, комментарий, составление Биттировой Т.Ш. Нальчик, 1991. С. 102

4. Полевой материал автора.

5. «Multeci kamplarından karacy-malkar turkcesi mektuplari» («Къачхынчы лагерледен къарачай-малкъар тилде письмола») Кония, 1992 г.

6. *Биттирланы Т.Ш.* Ата журтну ийнакълап... («С любовью к родине отцов...»). Нальчик, 2014.

T.SH. BITTIROVA

FRAGMENTS OF HISTORY IN LITERATURE AND FOLKLORE KARACHAY-BALKAR DIASPORA IN TURKEY

The main factor in maintaining the ethnic Diaspora in the environment is the culture in the broad sense of the term. The concept of culture includes the collective memory of the past, which is reflected in historical songs, dedicated to the events of the late 19 th and early 20 th century History in full could not have survived in the Diaspora, divorced for over 100 years from the events that took place at the abandoned home and, respectively, songs with historical content are printing innuendo and fragmentation.

Keywords: literature and folklore, Karachay-Balkar diaspora, Caucasian war, historical memory and culture.

Варивода Н.В.
(г. Нальчик)

МИГРАЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В XIX в.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

В данной статье исследуются некоторые аспекты миграции восточнославянского населения на территорию Центрального Предкавказья в XIX в. Автором рассматриваются причины и особенности колонизационно-переселенческих процессов в рассматриваемом регионе, основные этапы миграционного движения, правительственные меры по организации переселений в данный регион, выявляются динамика численности переселенцев, их социальный и этнический состав, места их выхода и размещения.

Ключевые слова: миграция, колонизация, Центральное Предкавказье, Кавказская война, переселение, укрепленные линии, казаки, крестьяне, переселенцы.

Изучение этнических процессов, в частности этнических переселений – одна из актуальных проблем современной исторической науки. Переселенческое движение стало одним из каналов формирования и развития среди многонационального населения Центрального Предкавказья русской национальной группы, сыгравшей значительную роль в хозяйственно-экономической, социально-политической и культурной жизни края. Исследование данного вопроса может иметь широкое научное и практическое значение для понимания проблем развития народов, находящихся в условиях постоянных межэтнических контактов в иноэтничном окружении, так как формирование славянского населения проходило в постоянном взаимодействии с местными этносами северокавказского региона.

Миграция восточнославянского населения на территорию Центрального Предкавказья была неразрывно связана с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе во второй половине XVIII века. В связи с этим усиливается русская колонизация региона. Колонизационный процесс протекал в двух формах: правительственной и народной. Правительственная

колонизация определялась не только задачами обороны присоединенного края и интересами хозяйственного освоения новых земель, но и стремлением ослабить остроту аграрного вопроса в центральных, малоземельных районах России¹.

Наряду с этим, колонизация по типу может быть военно-казачьей и гражданской. Завоевательная политика царизма на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. определила военно-казачий тип колонизации. Нужда в казачьих частях все больше и больше возрастала, тем более, что казачье население имело низкий естественный прирост, а потери, которые оно несло в ходе Кавказской войны росли. Поэтому пополнение линейного казачества было постоянной заботой местных и центральных властей. Гражданская же колонизация проходила в это время как составная и подчиненная часть этой политики.

Миграция восточнославянского населения на территорию Центрального Предкавказья была связана с заселением укрепленных линий. С 70-х гг. XVIII в. Россия начинает создавать Кавказскую линию, стремясь тем самым прочно закрепиться в регионе. С заселением Кавказской линии связано образование Моздокского казачьего полка, перевод волжских, хоперских казаков, которые размещались в новых станицах. Благодаря переселению новых групп казаков, на Ставрополье и Тереке значительно увеличивается их общее число: с 10118 – в 1793 г. до 13274 душ м.п. – в 1796 г.²

В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в., когда Кавказская война приняла особенно острый характер, рядом указов в казачье звание стали приниматься даже без представления увольнительных от обществ. Вследствие этого в состав казачества просачивалась значительная часть беглых крепостных. К 1825 г. на Кавказскую линию было переведено 13246 человек мужского пола. Всего с семьями здесь поселилось не менее 30 тысяч человек³.

Все предпринимаемые меры к увеличению казачьего населения не могли дать желаемых результатов. Выходом из создавшегося положения правительство считало перевод многих казенных селений в казачьи станицы, а казенных крестьян в казаки, что было определено указом 2 декабря 1832 г. В 1833 г. свыше 30 казенных селений были переведены в разряд казачьих станиц⁴.

В январе 1847 г. Николай I утвердил новые предложения военного министра о переселении людей из внутренних губерний в Кавказское линейное казачье войско. При этом предполагавшееся ранее одновременное переселение в Черноморию временно

откладывалось, т.к. «Кавказское линейное войско несравненно более нуждается в народоумножении»⁵. Уже в 1848–1849 гг. на Кавказскую линию прибыло около 3 тысяч семейств. Так, в 1847–1849 гг. в Кизлярский полк было причислено из Черниговской и Харьковской губерний 2899 душ обоюбого пола государственных крестьян, в Гребенской полк – 400 семей государственных крестьян из Харьковской и 75 из Воронежской губерний⁶.

В 30–40-х годах XIX в. русское военное командование приступает к укреплению границы по линии Военно-Грузинской дороги и созданию Сунженской кордонной линии, что повлекло за собой новые миграционные потоки и образование новых казачьих полков и станиц⁷. Так, в 1845 г. был сформирован Сунженский полк. Он имел наибольшее число «чистых» казаков, переселенных сюда из других мест: с Дона – 1105 семейств, с Терека, преимущественно из Моздокского полка – 1063 семьи, с Кубани – 670 семей (две первые группы русские, последняя в значительной мере украинская)⁸.

Как мы могли заметить, терское казачество в первой половине XIX в. пополнялось разнородными группами. Интересные сведения по этому поводу приводит С. Писарев: казаки и крестьяне «великорусского племени» составляли 62,8% от общего населения войска, а представители малороссийских губерний – 26,6%⁹. Таким образом, прослеживается преобладание русских. Численность украинского населения возрастала с востока на запад. П.А. Востриков указывает: «Начиная от г. Кизляра до станицы Прохладной, по течению Терека, население казачьих станиц состоит, по большей части, из великорусов; от Прохладной и дальше по р. Кубани попадает вперемежку малороссийское население»¹⁰.

В первой половине XIX в. в большей степени действовали механизмы «искусственного» роста казачества за счет приписных. С окончанием же Кавказской войны связана положительная стабильность численности казачьего населения. Так, войсковое сословие Терского казачьего войска к 1877 г. достигало 129,651 чел., а к 1887 г. – 145,657. Таким образом, естественный прирост населения составил 16000 чел.¹¹ А в следующее десятилетие естественный прирост составил 31680, т.е. почти в 2 раза больше¹².

В 80-е гг. XVIII в., когда основные укрепленные линии были уже сооружены, активизируется гражданская, крестьянская колонизация. Массовое основание крестьянских сел было положено в 1782 г. Указом Екатерины II о разрешении заселения края гражданским населением.

Основную массу переселенцев составляли однодворцы (59,4%), затем следовали экономические (13,9%), дворцовые (8,4%), государственные (4,8%), ясашные (1,4%) крестьяне. Характерной особенностью крестьянской колонизации Северного Кавказа является ничтожный удельный вес переселяющихся помещичьих крестьян. В 80–90-е гг. XVIII в. они составили только 2,9% всех мигрантов¹³. Незначительную часть мигрантов составляли отставные солдаты, беглые, малороссийские экономические крестьяне, войсковые и казенные обыватели. Первые переселенцы «были люди вообще зажиточные», так как бедным крестьянам такой переезд был не по силам¹⁴.

Новые селения образовывались в малоосвоенных регионах. Крестьянское заселение ограничивалось в основном районом между Ставрополем и Моздоком. Интенсивнее всего осваивался в конце XVIII в. Георгиевский уезд (33,1% общего числа переселенцев). Затем следовали Александровский (23,7%), Ставропольский (23,7%), Моздокский (16,2%) и Кизлярский (2,7%) уезды¹⁵.

Почти все мигранты были русскими. Поражает небольшое число выходцев с Украины (казенных малороссиян, войсковых обывателей, казаков). Они достигали лишь 5,5% всех переселенцев, а в начале XIX в. – 7,9%. Почти все украинцы вышли из Курской, Воронежской и Харьковской губерний. Переселенцы-украинцы селились в основном в Моздокском и Георгиевском уездах¹⁶.

За 13 лет (1820–1833) в Кавказскую область прибыло 105765 государственных крестьян¹⁷. Характерно, что в 1816–1835 гг. в Ставрополье возникло мало новых селений гражданского ведомства (23), и мигранты размещались в уже существующих. В 1840 г. в казенных селениях Кавказской области проживало уже 112413 душ обоего пола, а в 1845 г. – 162549. Основное количество казенных крестьян в начале 40-х гг. находилось в Ставропольском округе, где их сосредоточивалось до 73% от общего числа всех казенных крестьян северокавказского края¹⁸.

Новый этап в переселенческом движении в регион приходится на 60-е годы XIX в., которые ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа, куда в эти годы усиливаются массовые миграции, достигшие апогея в конце XIX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Этот этап заселения края совпал с «экономическим за-

воеванием» Кавказа. Важной предпосылкой аграрной колонизации явились реформы 60-х гг. XIX в., в результате которых огромные земельные площади перешли в частную собственность. Переселенцев привлекали эти земли, которые можно было довольно легко купить или арендовать. Арендные цены и посаженная плата в Терской области были невысоки¹⁹. Объектом купли и продажи становились земли частного владения, а объектом аренды – войсковые запасные, и с конца 70-х гг. – станичные общинные земли. Одним из факторов притока русского населения в Терскую область стало строительство в 1875 г. Владикавказской железной дороги.

Переселенческая политика российского правительства на Северном Кавказе отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Несмотря на ее общий ограничительный характер, в пореформенный период правительство было вынуждено открыть «клапан» для переключения переселенческого движения в направлении Кавказа²⁰. В связи с окончанием Кавказской войны государство было заинтересовано в скорейшем заселении местностей Кавказа. Именно так была сформулирована цель «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г.²¹ Правительство надеялось, что «туземное население... в смеси с русским населением скорее забудет свое обособление от русских и взаимную вражду»²². Вслед за казачеством и одновременно с ним на присоединенных землях Северного Кавказа крестьянство служило закрепляющим материалом политического господства российского государства, участвуя в широком экономическом освоении региона.

Правительство, вынужденное считаться с потребностями экономического развития страны, законом от 29 апреля 1868 г. «во всех без изъятия казачьих войсках русским поданным невоинского сословия» предоставлено было «право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества, а также покупать не только казачьи усадьбы, но и пусто-порожные места под строения и сады в городах и станицах, не причисляясь к казачьим сословиям»²³.

Вследствие вышеперечисленного, приток населения извне в Ставропольскую губернию и Терскую область за 30 лет (с 1867 по

1897 г.) составил около 640 тыс. человек²⁴. В 60–90-е гг. XIX в. Северный Кавказ оставался основным переселенческим районом.

Особенностью колонизации этого периода было и то, что подавляющее большинство переселенцев устраивалось на положении иногородних. В 1899 г. в Терской области проживало 113898 иногородних, что составляло 15,42% всего населения, из них почти половина не имела оседлости²⁵. Постепенно иногородние все более и более сосредоточивали в своих руках казачьи наделы, покупали усадебные постройки, и при таких условиях бедные, а преимущественно нерадивые и ленивые казаки, быстро растратив деньги, полученные за продажу или аренду земли, попадали к ним же в кабалу и не имели никакой возможности снарядиться на службу собственными средствами. Поэтому правительство пыталось ограничить приток иногородних в станицы, поставить их в зависимость от казачьей общины, сократить все предшествовавшие льготы переселенцам. Со временем иногородние оказались лишены если не всех, то многих важнейших прав, имущественных и общественных. «Казаки относились к посторонним обывателям чрезвычайно гордо, надменно и недружелюбно. Такое отношение... вытекает отчасти из сословных предрассудков, а отчасти из экономических причин»²⁶. Атаман Пятигорского отдела Попов в рапорте начальнику Терской области предлагал «очистить» станицы от иногородних. Он писал, что, если внимательно присмотреться к влиянию иногороднего населения на казачество, то «можно смело сказать, что это ржавчина на будате»²⁷.

Социальный состав переселенцев был неоднороден: крестьяне, мещане, отставные солдаты, зажиточные арендаторы, крупные скотопромышленники. Говоря об этническом составе переселенцев, следует отметить, что до 30-х годов XIX в. украинцы практически не принимали активного участия в заселении Ставрополя. Но с 40-х гг. поток украинских переселенцев стал играть здесь ведущую роль. Статистика того времени не разделяет русских и украинцев, поэтому определить численность каждого из этих народов в отдельности, как правило, не удается. Но, судя по переписи населения 1897 г., где идет распределение по родному языку, на территории Ставропольской губернии к концу XIX в. сложился следующий этнический состав. Оседлые жители губернии составляли 91,97% всего населения, в том числе: великорусы – 55,25%, малороссы – 36,62%

и белорусы – 0,10%. Несмотря на общее преобладание русского населения, были целые уезды, большинство жителей которых составляли украинцы²⁸.

В начале XX в. темпы миграционного движения на Северный Кавказ оказались гораздо более скромными, так как земли Ставрополья и Терской области были уже давно розданы ранее прибывшим новоселам, либо принадлежали казачеству. В динамике численности восточнославянского населения региона к началу XX в. роль «внешних» (миграция) и «внутренних» (естественный прирост) факторов почти сравнялась.

Таким образом, в связи с активизацией российской политики на Северном Кавказе во второй половине XVIII века усиливается миграция восточнославянского населения на территорию Центрального Предкавказья. Это был сложный процесс, осуществлявшийся разнообразными по составу группами, наиболее многочисленными из которых были казачество и казенное крестьянство. Массовые миграции в Центральное Предкавказье усиливаются во второй половине XIX в., так как в это время плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток, при этом народная колонизация превосходила масштабы правительственной. Мощное миграционное движение способствовало формированию в исследуемом регионе русской этнической территории, которая охватывала предгорные районы Ставропольской губернии и север Терской области. В итоге, если в начале XVIII в. на Северном Кавказе еще почти не было русских и украинцев, то в начале XX в. они уже преобладали в регионе (41,7% и 29,8% соответственно).

Примечания

1. Громов В.П. Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. Общественные науки. 1983. № 4. С. 34–35; Бурькина Л.В. Переселенческое движение в 90-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX в.: Автореф. ... канд. истор. наук. Майкоп, 2002. С. 24–25.

2. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. С-Пб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 220 с. С. 43.

3. Савченко Д.И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI–XIX вв.). – Пятигорск: Технологический университет. 2005. 168 с. С. 38.

4. *Невская Т.А.* Формирование славянского населения Ставрополя (XIX – начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Краснодар, 1987. С. 49.
5. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т. 12. С. 287.
6. ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 68–69, 75.
7. *Максимов Е.Д.* Терское казачье войско. Владикавказ, 1890. С. 32.
8. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX века). Историко-этнографические очерки. М.: МГУ, 1974. 422 с. С. 143.
9. *Писарев С.* Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881. С. 43.
10. *Востриков П.А.* Станица Наурская // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 108.
11. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 179; *Максимов Е.Д.* Указ. соч. С. 57.
12. Терский календарь на 1899 г. Владикавказ, 1898. С. 13.
12. *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 35.
13. ЦГА КБР. Ф. И-51. Оп. 2. Д. 14. Т. 2. Л. 15; *Невская Т.А.* Указ. соч. С. 47.
14. *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 35–36.
15. *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 35; Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 182.
16. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 257 с. С. 52.
17. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2001. С. 93; *Савченко Д.И.* Указ. соч. С. 42.
18. *Тхалокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 238 с. С. 37.
19. ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1730. Л. 10,11,20; см. *Суздальцева И.А.* Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX – начале XX в.: Автореф. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1997. С. 21–43.
20. ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 84 об.
21. *Долгушин А.А.* О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. С. 8.
22. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1. Л. 16.
23. Очерки истории Ставропольского края / под ред. А.А. Коробейникова. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1984. Т. 1. 462 с. С. 220.
24. Терский календарь на 1901 г. Владикавказ, 1900. С. 8.
25. ЦГА РСО-Алания. Ф. 20. Оп. 1. Д. 389. Л. 16; Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. Тифлис, 1877. С. 48.
26. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 10. Д. 132. Л. 2, 3. Об., 5.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1905. Т. 67. С. 5.

N.V. VARIVODA

**MIGRATION OF EAST-SLAVONIC POPULATION INTO THE TERRITORY
OF CENTRAL CISCAUCASIA IN XIX CENTURY:
MAJOR TRENDS AND SPECIALITIES**

This article explores some aspects of the migration of East – Slavonic population into the territory of Central Ciscaucasia in XIX century. The author discusses the causes and characteristics of colonization, resettlement processes in this region, the main stages of the migration, governmental arrangements for resettlement in the region, identifies population dynamics of migrants, their social and ethnic composition, place of their issue and placement.

Keywords: migration, colonization, Central Ciscaucasia, the Caucasian war, relocation, fortified lines, the Cossacks, peasants, settlers.

УДК – 94(470.64)

Дзуганов Т.А.
(г. Нальчик)

ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР ЧЕРНОМОРСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЧЕРКЕСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ПО ДАННЫМ К. ПЕЙСОНЕЛЯ*

В статье исследуется характер Черноморской торговли черкесов во второй половине XVIII в. Устанавливается, что это направление торговли в указанный период отставало в темпах развития, не способствовало росту экономики края, было преимущественно ориентировано на удовлетворение потребностей в товарах роскоши для аристократической элиты. Отмечается, что не влияло на развитие товарно-денежных отношений в Черкесии. Делается вывод, что причиной подобного явления стало нежелание и неспособность Османской империи, вассалом которой номинально считалась Черкесия, изменить существующее положение. Удовлетворившись сбором таможенных пошлин, Турция самоустранилась от активного участия в Черноморской торговле. Торговые отношения черкесов с Россией, напротив, развивались бурными темпами.

Ключевые слова: черкесы, Тамань, Черноморская торговля, торговые интересы, экспортная продукция, товары первой необходимости, Пейсонель, Франция, Российская империя.

Вопрос о развитии торговли у адыгов в первой половине XVIII в. никогда не становился объектом специального научного исследования. Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что предпринимались определенные попытки ее изучения в контексте анализа социально-экономического и политического развития адыгского общества. Эта ситуация объясняется почти полным отсутствием, за исключением трактата Пейсонеля¹, достоверных источников, на которые можно было бы опереться при освещении данного вопроса. Если говорить о предпринимательстве у адыгов в XVIII в., то нет четкого видения общей картины, выстроенной в хронологической последовательности.

* Исследование выполнено при поддержке ВОО «Русское географическое общество» в рамках реализации договора гранта № 03/2014-Н5 от 10 августа 2014 г.

Исследователи, затрагивавшие эту проблему в своих работах, ограничивались оценкой экономического развития адыгского общества в целом. При этом в науке устоялось парадоксальное мнение, что внутренняя торговля в противовес внешней была развита крайне слабо. Ремесленное производство отставало по темпам развития и находилось в зачаточном состоянии, а потому было отсталым и не коммерческим. Как правило, исследователи ограничиваются описанием традиционных занятий адыгов в этот период и констатацией «зачаточного» состояния обрабатывающей промышленности. По нашему мнению, такая оценка явно устарела, так как отражает лишь детали единого целого, а потому нуждается в серьезном пересмотре.

В XVIII в., как свидетельствуют источники, черкесы уже имели регулярные торговые отношения не только с соседями, народами Северного Кавказа, но и с Турцией, Крымским ханством, Персией и Россией. Если говорить о торговых магистралях, используемых ими в этот период, то следует выделить два основных направления черкесской внешней торговли – Черноморское и Волжско-Каспийское.

Первое было ориентировано в основном на Турцию, Крымское ханство и некоторые западные державы, допущенные Портой для ведения коммерческих операций в Крыму и на черноморском побережье Кавказа (Франция, Великобритания, несколько позднее Голландия). Крупнейшими центрами этой торговли традиционно являлись Кафа, Тамань и Бахчисарай.

К концу XVII в. только Великобритания² и Нидерланды допускаются Портой для торговли в Черном море. Франция, по словам В. Уляницкого, главным образом заботилась о своей Левантийской торговле³. В то же время, заинтересованная в ее развитии, старалась не упускать из виду и Черноморский регион. Подтверждением служит то обстоятельство, что субинтендант торговли и навигации французского королевства мессир Уэ, уже в начале XVIII века располагал сведениями о состоянии черноморской торговли, в том числе и ее черкесского сегмента⁴.

Для европейских торговых компаний определенные трудности представляло нежелание Турции допускать в Черноморский бассейн иностранные корабли. Таким образом, турки старались оградить Черное море, которое они считали своим внутренним, от проникновения кораблей иностранных держав. Товары могли доставляться только на специально нанятых для этого турец-

ких кораблях, ходящих под флагом Великобритании, и, позднее, Нидерландов. Главными предметами вывоза служили продукты скотоводства, пчеловодства и охоты. Уже к 50-м гг. XVIII века из Черкесии через Тамань и Кафу вывозилось до ста тысяч центнеров овечьей шерсти, сто тысяч кусков сукна (чекмень), от пяти до шести тысяч шитых чекменей, до шестидесяти тысяч суконных портков (шальвар), двести тысяч бурок, от пяти до шести тысяч бычьих кож, около шести тысяч центнеров хорошего меду, пятьдесят тысяч кунных шкур, сто тысяч лисьих, три тысячи медвежьих и пятьсот тысяч овечьих⁵.

Особенный интерес для ученых-кавказоведов представляет «Трактат о торговле на Черном море» Карла Пейсонеля, опубликованный в 1878 г. В нем «подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне»⁶. Данные, содержащиеся в этой работе, до сих пор являются важнейшим источником информации для всех исследователей, занимающихся историей Черкесии второй половины XVIII в. Эти сведения представляют исключительную ценность, так как ни один другой источник XVIII в. не дает подобного материала и заслуживают безусловного доверия; они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, взимаемых в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана.

Приводимые Пейсонелем данные отображают состояние черкесской торговли, сложившееся к началу второй половины XVIII столетия. На сегодняшний день, это наиболее подробное описание черноморской торговли черкесов данного периода, известное науке.

Результаты исследований черкесского рынка, представлены в виде таблицы – росписи товаров с комментариями. В таблице содержится около 80 наименований товаров, ежегодно ввозимых в Черкесию и 25 экспортируемых. Импорт условно можно разделить на товары для знати, ремесленников и простолюдины, причем удельный вес последней категории ничтожно мал.

Вместе с тем, не следует забывать о некоторых важных моментах, которые следует учитывать при анализе данных, приводимых французским консулом. Речь идет о цифрах, включенных Пейсонелем в общие сведения по Черкесии, но относящимся при этом к торговым операциям их соседей. Сам автор по этому

поводу говорит: «Импортная и экспортная торговля ногайцев включена в подробности, которые я дал относительно торговли Черкесии, частью которой она и является»⁷.

В другом месте, видимо для удобства французского читателя, он включает в список ежегодного черкесского экспорта мед, производимый на экспорт Абхазией⁸, которая, как известно, не входила в состав Черкесии. Идущий на экспорт улов казаков – Сари Инад, подданных, как отмечает консул, крымского хана⁹, также включен им в общий список вывозимой от черкесов рыбы.

Мануфактура открывает список импортируемой в Черкесию продукции. Всего в перечне присутствует 18 наименований, как в виде полуфабрикатов, так и готовой продукции. Это, преимущественно, ткани – ситец, тафта, шелк. Подробно указан список изделий – одеяла, простыни, передники, пояса и пр. Обращает на себя внимание скромный ассортимент и относительно небольшие объемы этих поставок. Так, материи из Бруссы ввозилось всего 200 штук, а шелка из Магнезии – около 7 тыс. кусков, одеял – до 500 штук в год. Купальных простынь – до 600 штук, матерчатых поясов из Гербо – 400, 1000 кусков дюльбента или кисеи для женских покрывал¹⁰.

Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию ясно указывают на конечного потребителя – аристократическую элиту страны. То же самое можно сказать и о большинстве других товаров, импортируемых через черноморские порты Черкесии в 50-х годах XVIII столетия. Их конечным адресатом могла выступать только верхушка аристократической элиты страны. Именно на удовлетворение ее потребностей в роскоши и была ориентирована черноморская импортная торговля.

Трудно себе представить, что такой специфический и дорогой товар как 3–4 тыс. фесок из Франции и Туниса, ежегодно ввозимых в Черкесию, по данным Пейсонеля, пользовались спросом у местных крестьян и мелкой аристократии. Таким образом, можно предположить, что число состоятельных клиентов, готовых ежегодно потреблять такое количество дорогих товаров, не превышало 3–4 тыс. человек. И это с учетом кубанских ногайцев.

В перечне, приводимом Пейсонелем, присутствует только один товар, который мог быть востребован исключительно в сельском хозяйстве – это германские косы, которых ежегодно ввозилось до 35 тыс.¹¹

Если бокасины (бумажные крашенные ткани), импорт которых в Черкесию не прерывался с XII века, традиционно приобретались не только зажиточным крестьянством, но и мелкой знатью, то ружейные стволы, порох, крымские луки и прочий дорогостоящий импорт был явно рассчитан на более богатых клиентов.

Помимо этого в Черкесию ежегодно ввозилось: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар катир (обувь); от 2 до 3 тыс. седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; от 2 до 3 тыс. тебенков (часть упряжи, покрывающая бока лошади); 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных уди¹² и т.д.

К предметам роскоши, исходя из стоимости, могут быть отнесены также: сандаловое дерево, ладан, кофе, маслины¹³ и пр. И если табак, ввозимый в Черкесию в этот период еще можно признать товаром, востребованным разными социальными слоями, то дорогой крымский сафьян, мыло из Смирны, а также дорогие сорта бумаги не оставляют сомнений в социальном статусе своего конечного потребителя.

Приведенные в таблице импортные товары дают интересную информацию о численном составе покупателей и подтверждают наше предположение о 3–4 тыс. наиболее платежеспособных клиентах из числа высшей аристократии.

Существенная разница между объемами ввозимого сырья и готовой продукции (12 – сырье и полуфабрикаты, 6 – готовая продукция)¹⁴ свидетельствует о том, что черкесская аристократия в этот период предпочитала одеваться в одежду, изготовленную местными производителями из импортных, более высококачественных материалов, но в соответствии с национальными канонами моды и практичности.

Существовавшее в Черкесии разделение труда в домашнем производстве, отводило женщинам исключительную роль в изготовлении не только одежды и разнообразной утвари, но и большинства предметов первой необходимости¹⁵. Академик Паллас, посетивший Черкесию в конце XVIII в., говоря о мастерстве местных женщин в изготовлении тончайшего сукна и одежды из него, отмечал, что их еще с детства приучают вязать, плести позументы, шить платья¹⁶. По свидетельству Дюбуа де Монпере, посетившего Кавказ несколько позднее российского академика, женщины в каждой черкесской семье были заняты изготовлением большинства предметов первой необходимости¹⁷. Следовательно, можно утверждать, что все сырье и полу-

фабрикаты попадали в руки черкесских мастериц и именно они формировали ассортимент и объемы импорта в Черкесию.

Отдельной статьей проходит косметика. Пейсонель сообщает, что в Черкесию ежегодно ввозилось от 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен¹⁸. Это составляет, примерно, от 250 до 350 кг. Данный вид косметики используется женщинами и по сей день. Каждая из них расходует, в среднем, до 10 г. за год, отсюда можно предположить, что завозимая ежегодно косметика была рассчитана приблизительно на 20–30 тысяч покупательниц. Пейсонель на страницах своего труда утверждает, что: «Все местные женщины, черкесские, абазские и кубанских ногайцев употребляют их (румяна и белила) в большом количестве», тем не менее, эти его данные вызывают определенные сомнения. Насколько часто в XVIII в. черкешенки пользовались косметикой, соответствуют ли заявленные цифры действительности? Черкешенки, абазинки и ногайки, о которых говорит автор, в XVIII веке еще не имели такой устойчивой традиции. Косметика использовалась ими в случаях крупных народных или семейных праздников. По крайней мере, свидетельствами обратного, мы на сегодняшний день не располагаем. Упоминания об использовании черкешенками косметики в этот период встречаются крайне редко.

Вместе с тем, некоторые данные этнографии подтверждают это сообщение французского консула. Учеными зафиксирована довольно интересная традиция, имеющая отношение к черкесским народным игрищам, продолжавшая встречаться у бжедугов еще в начале XX века. Речь идет о выборе «королевы красоты» на народных празднествах. По словам Бгажнокова: «Не случайно, чтобы зрителей не ввел в заблуждение макияж (пудра, румяна, подведенные сурьмой брови), девушек заставляли умыться. Судя по сообщениям информаторов, в начале XX века у бжедугов это был едва ли не обязательный компонент рассматриваемой церемонии»¹⁹. События, о которых поведали информаторы, относятся к 1914 году и подтверждают вероятность использования черкешенками косметики в дни больших народных празднеств и в более ранний период. К тому же, не позже XVIII столетия среди черкесов распространяются при сказки и поговорки, посвященные косметике и ее чрезмерному употреблению «Краснощекая (румяная, нарумяненная) словно анатолийская лисица (имея в виду турецких модниц)», «глаза сверкают, словно анатолийская сурьма» и др.

И хотя в этих присказках содержится намек на турецкую косметику, о ввозе которой и сообщает французский консул, мы располагаем косвенными данными о поставках французской косметической продукции в Черкесию, но тремя десятилетиями позже того времени, когда Пейсонель находился в Крыму. Так парижская «Gazette De France» в октябре 1787 года сообщала на своих страницах о принятии Декрета Двора от 20 сентября 1787 г. о запрете на производство и экспорт в Черкесию грима (румян, губной помады). Они были признаны вредными для здоровья²⁰. Этот документ свидетельствует о поставках косметики из Франции в Черкесию в значительных объемах. Участие Двора в столь щекотливом вопросе должно говорить о степени важности для французских коммерсантов этого вида торговли.

Традиционная экономика черкесов, складывавшаяся на протяжении многих веков, к началу XVIII являла собой сложную и противоречивую в своей неоднородности структуру. Османское законодательство и администрация действуют лишь на территории, подконтрольной военным гарнизонам. Их влияние ограничено во времени и пространстве. По сути, это экономика фронта, заложника противостояния двух извечных антагонистов – Турции и России.

Экономические интересы, как «объективные мотивы деятельности людей, отражающие их место в системе общественного производства», в масштабе Черкесии не получили своего четкого оформления. То есть, совокупность побудительных мотивов разных слоев черкесского общества, лежащих в области экономической, как таковая, к XVIII в. не сложилась.

Для Турции торговля с черкесами не представляет большого практического интереса. Не обладая необходимыми ресурсами и временем для интеграции Черкесии в общеимперскую экономику, Диван ограничил свои действия сбором пошлин и контролем над торговлей по кавказскому побережью Черного моря.

Порта практически не развивает кавказское направление торговли, не являющееся для нее ни прибыльным, ни перспективным. Кавказские рынки отданы на откуп мелким торговцам и редким представителям европейской коммерции. Пейсонель, описывающий торговлю с черкесами, раскрывает картину остановившегося в своем развитии рынка. И, несмотря на довольно серьезные обороты, по подсчетам И.Н. Клингена на основе данных Пейсонеля, общий объем внешней торговли Черкесии,

только через Тамань, в указанный период достигал 1600 тыс. рублей серебром по ценам того времени²¹, черноморское направление торговли черкесов заперто в коллапсе политических противоречий между Турцией и Россией.

Примечания

1. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.
2. Английская Левантийская или иначе Турецкая компания была основана в 1581 г.
3. Уляницкий В. Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. М., 1883. С. 20.
4. Уэ М. История торговли и навигации древних. Париж, 1727. С. 220.
5. Пейсонель К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 196–197.
6. Пейсонель К. Указ. соч. С. 179–180.
7. АБКИЕВА. С. 198.
8. АБКИЕВА. С. 196.
9. АБКИЕВА. С. 196.
10. АБКИЕВА. С. 192.
11. АБКИЕВА. С. 195.
12. АБКИЕВА. С. 194.
13. АБКИЕВА. С. 194.
14. АБКИЕВА. С. 192.
15. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 105.
16. АБКИЕВА, Паллас. С. 222–223.
17. Dubois de Montpereux, Voyages du Caucase, chez les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1883.
- 18.. АБКИЕВА. С. 194.
19. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик. «Эльбрус». 2011. С. 266.
20. «Gazette De France». Paris. 1887. № 85.
21. Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.

T.A. DZUGHANOV

FEATURES AND CHARACTER OF THE BLACK SEA TRADE OF CIRCASSIA IN THE SECOND HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY, ACCORDING TO K. PEYSONEL

The paper investigates the nature of the Black Sea Trade Circassians in the second half of the XVIII century. Establishes that it is the direction of trade in this period, lagged behind the pace of development, did not contribute to the growth of the region's economy was primarily focused on meeting the needs of luxury goods for the aristocratic elite. It is noted that no effect on the development of commodity –

money relations in Circassia. It is concluded that the cause of this phenomenon was the unwillingness and inability of the Ottoman Empire, which is nominally a vassal of Circassia, to change the status quo. Satisfied with the collection of taxes and customs duties, Turkey itself from active participation in the Black Sea trade. Trade relations with the Russian Circassians, by contrast, have evolved at a rapid pace.

Keywords: Circassians, Taman, the Black Sea trade, trade interests, export products, essential goods, Peysonel, France, the Russian Empire.

**ПОХОД ИМАМА ШАМИЛЯ В КАБАРДУ В 1846 Г.
В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В 30–40-Е ГГ. XIX В.**

В данной статье рассматривается поход имама Шамиля в Кабарду в контексте военно-политической ситуации в Центральном Предкавказье в 30–40-е гг. XIX в. Выявлено, что поход предполагал решение ряда стратегических задач, важнейшей из которых являлось соединение двух фронтов северокавказского сопротивления, создание сплошной линии фронта в борьбе с царскими войсками, перекрытие сообщения по Военно-Грузинской дороге. Автор приводит причины, по которым эти задачи не были решены.

Ключевые слова: прокламации Ермолова, Кавказская война, Кабарда, имам Шамиль, закубанские кабардинцы.

Военное противостояние феодальной элиты кабардинцев и России в 1804–1825 гг. завершилось потерей суверенитета Кабарды. Из субъекта международных отношений, игравшего важную роль в противостоянии Ирану и Турции, Кабарда стала объектом политики российской администрации, что повлекло за собой определенные территориальные, административно-судебные и социокультурные преобразования.

К настоящему времени издан ряд монографий, статей, сборников архивных документов, в которых в той или иной степени рассматривается военно-политическая ситуация в Центральном Предкавказье в 30–40-е гг. XIX в., и, в частности, поход Шамиля. К их числу относятся работы Г.А. Кокиева, Р.Х. Гугова, Т.Х. Кумыкова, Х.М. Думанова, К.Ф. Дзамихова, В.Х. Кажарова, А.В. Кушхабиева и др. В данной статье, ранее не привлеченные архивные источники дают возможность составить более полную картину событий, происходивших в Кабарде в первой половине XIX века. В исследовании использованы ранее не привлекавшиеся исследователями документы Центрального государственного архива КБР (Фонд 16 – Управление начальника Центра Кавказской ли-

нии). В них отражены события, связанные с походом имама Шамиля в Кабарду в 1846 г.

Как известно, в 1822 г. были изданы прокламации Ермолова, которые коснулись практически всех кабардинцев. 14 января 1822 г. А.П. Ермолов обратился к кабардинскому народу с прокламацией: «...Долго и без успеха употреблял я терпение и кротость, и знают все кабардинцы, сколько желал я отвратить от них бедствие. В 1818 году лично мне даны обещания сии, также как и прежде, много раз данные клятвы – не исполнены; разбои и убийства умножились. Я дал повеление войскам вступить в Кабарду и жителям оной объявляю: владельцы, которые чувствуют себя невинными, могут обратиться ко мне с доверием. Они сохраняют права свои, сохраняют власть над подданными их, и они одне признаны будут в достоинстве владельцев; те же владельцы, которые не явятся к начальнику российских войск, будучи прежде замешаны в злодействах, – изгоняются из Кабарды. Подвластным их объявится свобода и независимость, и впредь над ними не будет власти, кроме власти великого нашего государя; и их в самой Кабарде наделю я землями и выгонами»¹.

Следующая прокламация Ермолова была направлена кабардинцам 1 августа 1822 г. В прокламации объявлялось о введении ограничений на «сношения» с населением, оставшимся за чертой Линии. Ермолов предполагал переселить все аулы и селения с левого на правый берег Малки. Река Малка признавалась пограничной.

Для нейтрализации мусульманского духовенства Ермолов прокламацией от 29 августа 1822 г. учредил Кабардинский временный суд. «Восстанавливая порядок в Кабарде и учреждая через земли эти новую линию для охраны жилищ наших, признаю я полезным для собственного благословения вашего и разбора случающихся дел между вами установить суд»².

К прокламации о введении новой формы судопроизводства для Кабарды имелось приложение, которое насчитывало 27 пунктов. В одном из них в частности отмечено: «Уголовными преступлениями кабардинцев считаются:

- а) Убийство.
- б) Измена.
- в) Возмущение в народе.
- г) Побег за пределы линии со злым намерением.

- д) Подвод хищников к злодействам и сношения с ними.
- е) Набеги на границы линии, нападения и хищничества в оной.
- ж) Обнажение оружия в ссорах с причинением ран.

Кабардинцам воспрещается отлучаться из Кабарды без письменных видов. Всякий, кому необходимо по надобностям своим отъехать в другие места, снабжается печатными билетами:

- а) Внутрь линии – по билету от временного суда;
- б) За Кубань в горы – по билету начальника в Кабарде;
- в) В дальние места в Россию – по билету начальника линии»³.

А.Т. Урушадзе отмечает: «Вместе с тем, введение новых учреждений в Кабарде сопровождалось мерами репрессивного характера, которые, зачастую, именно здесь практиковались «про-консулом Кавказа» с наибольшей последовательностью и систематичностью. Опыт, приобретенный российской администрацией в Кабарде, находил свое дальнейшее применение в различных областях Кавказа и на более поздних этапах инкорпорации региона в пространство империи»⁴. Переселение кабардинцев на плоскость под контроль российских властей, строительство военных укреплений на их землях, административные мероприятия А.П. Ермолова лишили кабардинских феодалов и мусульманское духовенство их прежних прав и привилегий. Данные преобразования подрывали основы существования княжеского сословия и ведущей роли духовенства в обществе. Их опасение вызывал переход в руки российской администрации судебно-управленческих функций.

В то же время недовольство феодалов и всего населения вызвала конфискация царскими властями земель под строительство крепостей и дорог. Так, в 1825 г. генерал Вельяминов передал в пользу Хоперского и Волжского казачьих полков пастбищные земли и соляные озера на рр. Этоко и Золке, которыми с 1822 г., в соответствии с «Прокламацией» Ермолова, пользовались кабардинцы. К.Ф. Дзамихов отмечает: « В 1822 г. в связи со строительством ...укрепленной линии и выселением многих кабардинских аулов, расположенных между Малкой и Кубанью, началось мощное антиколониальное движение в Кабарде, возглавляемое феодальной знатью и мусульманским духовенством»⁵.

Установление новых судебно-административных порядков в Кабарде привело к восстаниям в Кабарде в 1822–1825 гг. Местные

власти установили контроль над общественной жизнью кабардинцев. Отлучка без билета, подозрение в сношениях с ушедшими в горы или за Кубань, подозрение в грабежах и разбоях, даже неупотребление в известных случаях оружия – все это могло навлечь кары на кабардинцев и делало их уязвимыми. Как бы ни была прогрессивна часть мероприятий А.П. Ермолова в 1822 г. в Кабарде, в целом она привела к установлению здесь порядков, которые шли вразрез с вековыми традициями и обычаями кабардинского народа⁶.

Не смирившиеся с новыми условиями феодалы со своими подвластными стали переселяться в Западную Черкесию, Чечню и Дагестан. Многие кабардинцы из привилегированных сословий уходили в имамат Шамиля и вступали в его армию. Российская администрация объявила их «беглыми» или «абреками»⁷. Очень часто в документах, наряду с определением «беглый» или «абрек», встречалось определение «хищник», «хищническая партия».

Будучи талантливым тактиком и стратегом, имам Шамиль был заинтересован в том, чтобы поднять Кабарду на борьбу с царскими властями. Во-первых, он стремился соединиться через Кабарду с Западной Черкесией и создать сплошную линию фронта в борьбе за независимость; во-вторых, Шамиль хотел таким образом перекрыть сообщение царских властей с Закавказьем по Военно-Грузинской дороге. В 40-е гг. XIX в. наблюдался подъем национально-освободительной борьбы кабардинцев под влиянием имамата Шамиля.

В мемуарах Муссы Кундухова, сына осетинского алдара-мусульманина Алхаста Кундухова (1818–1889), российского генерал-майора, впоследствии османского дивизионного генерала отмечается: «Здесь нужно заметить, что такому небывалому между ними единству способствовал не религиозный фанатизм или мюридизм (как убеждают русские), а то, что до вступления их под власть русских они не имели понятия о величайшем несчастье, т.е. об общем народном горе. Теперь они одинаково испытали тяжесть русского гнета и почувствовали всю его силу и значение и потому просто, по внушению сердца и разума, нашли необходимым дружно соединиться и признать власть Шамиля, для твердого и совокупного сопротивления и действия против врага. В чем они не ошиблись и что по всей справедливости делает им честь»⁸.

Стали учащаться контакты имама Шамиля с кабардинцами и закубанцами. Важным моментом, составляющим массовых

миграций кабардинцев в Чечню в середине 40-х гг. XIX в. выступала непрекращающаяся агитация религиозно-освободительного характера со стороны тайно пребывающих в Кабарде «миссионеров-вербовщиков». Естественно, это не могло остаться и без внимания властей. Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту Граббе, неоднократно поступали донесения о прибытии в Кабарду посланцев Шамиля. Например, в рапорте на имя генерал-адъютанта Граббе от 27 июля 1842 г. о кабардинских депутатах, отправленных Шамилем к закубанцам, говорится: «Во предписание Вашего превосходительства от 26 июля № 398 честь имею донести, что депутаты, отправленные Шамилем в закубанские племена проезжали через Кабарду по одиночке и останавливались на Аргудане у Магомата Кожокова, на Урвани у Магомата Тытырова и на Шелухе у Бек-Мурзы Зекова. Я употребляю все меры, зависящие от меня, для отнятия у депутатов возможности к обратному следованию. Имена присланных Шамилем – Сослаббек Атажукин, Эрбуздук Мирчагов и Жапар Мхов. Они все трое кабардинские абреки и имели при себе двух чеченцев. Остановясь на несколько часов у вышеупомянутых кабардинцев, они отправились к непокорным абадзехам, расположенным в вершине Лабы»⁹.

Царские власти опасались роста абречества и предпринимали серьезные меры по борьбе с ним. В Кабарде «беглых» кабардинцев называли хаджиретами (хъэжрэт – переселившийся, эмигрант). Их укрывали во время преследований¹⁰. Ушедшие из Кабарды – так называемые «беглые» кабардинцы принимали активное участие в борьбе за независимость народов Западной Черкесии, Чечни и Дагестана. Они также регулярно пробирались в Кабарду, где вели секретные переговоры.

Так, например, в рапорте пристава Малой Кабарды майора Анастасьева начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому от 20-го июля 1840 г. говорится: «Сейчас получил я известие от лазутчика моего, возвратившегося из Чечни, что житель Большой Кабарды аула эфендия Аджи – Умара Шеретлокова, черкес Хатали Тудоков назад тому с месяц... ездил в Чечню, где пробывши долгое время, несколько раз был у возмутителя Шамиля и сообщников его Ахверды Магомата и Шуаип муллы, с коими беспрестанно имел секретные переговоры. Назад сему пять или шесть дней возвратился из Чечни обратно в Большую Кабарду, откуда привел с собою трех заводных лошадей. Ла-

зутчик мой удостоверяет, что Хатали Тудоков участвовал в утоне у жителя деревни князя Ахлоа конного табуна. Сверх того, тот же лазутчик знает достоверно, что по уменьшении воды в реках Большой Кабарды, черкес Хатали Тудоков непременно намерен бежать в Чечню со всем семейством и имуществом своим»¹¹.

Царская администрация рассматривала абреков как врагов российской власти и принимала меры для борьбы с агитацией Шамиля. Одной из подобных мер являлось взятие аманатов из семей, не вызывающих доверия власти. Вот что по этому поводу докладывал пристав Малой Кабарды майор Анастасьев начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому 9-го марта 1841 г.: «Имею честь почтеннейшее донести Вашему Превосходительству, что некоторые из числа малокабардинцев есть неблагонадежные люди и нельзя надеяться, чтобы при появлении возмутителя Шамиля в Малую Кабарду не передались к нему. Почему я считаю необходимо нужным взять от них аманатов, для чего и назначил всем малокабардинцам собраться 10-го числа сего месяца в деревне князя Бековича-Черкасского. По собрании их туда настоятельно истребую от тех людей, которые неблагонадежны аманатов, от кого же именно взяты будут мною аманаты, буду иметь честь донести о том Вашему Превосходительству»¹².

При всех предпринимаемых мерах по недопущению беспорядков, царская администрация боялась повторения восстаний 1822 и 1825 гг. и старалась привлечь кабардинских феодалов на свою сторону. В мемуарах М. Кундухова упоминается поездка кабардинских депутатов в Тифлис для знакомства с начальником штаба Коцебу и корпусным генералом Головиным. «Генерал Головин, приняв от депутатов народные просьбы, долго говорил с ними о прошедших ошибках русских и горцев и будущем благе тех и других. Затем, на третий день, князья, получив от корпусного командира щедрые подарки, возвратились в дома свои, а просьбы об утверждении за ними личных поземельных прав по обыкновению остались в делах к сведению. Перед тем как я хотел повести их принять подарки и проститься с корпусным командиром, зашел в номер гостиницы, где стояли князья Алхас Мисостов и Магомет Мирза Анзоров, которых я уважал больше других кабардинских депутатов»¹³.

И Алхас Мисостов и Магомет-Мирза Анзоров были недовольны решением Головина в отношении земель Золки и Этоко и хотели отказаться от подарков корпусного командира. Кунду-

хов отговорил их от подобного шага, аргументируя это тем, что подобный демарш будет воспринят царской администрацией как готовность примкнуть к антиправительственному движению Шамиля. «– Ого! – воскликнул князь Мисостов, – напрасно, напрасно опасается генерал общего восстания. Скажите ему, что я могу ручаться за неосновательность его опасения. Кто в Кабарде восстанет? Разве он не знает, что в Кабарде осталось только пустое имя Большая Кабарда, а кабардинца, думающего о высших интересах Кабарды, не осталось ни одного. А в вашем Тагауре еще хуже; все сословия от своего отказались и отдали себя на произвол русских. Если же они оба не восстанут, то каким образом может состояться общее восстание? – Гм! странно, что гяур сам нас заживо похоронил да еще полагает, что мы живем»¹⁴.

Тем не менее, следует отметить, что Шамиль неоднократно планировал походы на Кабарду. В начале 40-х гг. XIX в. постоянно поступали сообщения о готовящихся нападениях на населенные пункты Кабарды. Так, например, в донесении начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому от 9-го марта 1841 г. говорилось о сборе Шамилем значительных сил и намерении напасть на Надтеречные деревни или на Кабарду: «Шамиль собирает значительные силы и имеет намерение до сбора наших войск для экспедиции, нанести нам какой-либо вред. Хотя Шамиль распускает слухи, что хочет вторгнуться в кумыкское владение, но я имею достоверное сведение, что он располагает напасть на Надтеречные деревни или на Кабарду, или же на назрановцев и карабулак. Лазутчики уверяют, что приказано быть в готовности в продолжение недели»¹⁵.

Об этом же свидетельствует еще один документ – рапорт пристава Малой Кабарды майора Анастасьева начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому от 21-го марта 1841 г.: «Сейчас прискакал ко мне из Чечни верный мой лазутчик и дал знать, что возмутитель Шамиль с 1000 человеками горцев прибыл 20-го числа марта в Гребенчуки и через три дня ожидает к себе из гор еще несколько тысяч человек. ...Намерение его есть разделить свое скопище на три части. Первую послать вниз по Тереку от Брагун до Старого Юрта, вторую – на Большую и Малую Кабарду, третью – на назрановцев и карабулак. И если ему все это удастся, склонить на свою сторону или истребить. Тогда начать уже действия свои на Военно-Грузинской дороге»¹⁶.

В ответ на подобные действия царской администрацией предпринимались меры предосторожности: «Из предписания генерала Ольшевского видно, что Шамиль собирает многочисленную партию в Чечне и как некоторые лазутчики говорят, хочет напасть на верхнюю часть Терека или на Кабарду, почему предписываю дистанционным и постовым начальникам принять все меры воинской осторожности к недопущению неприятеля вторгнуться в наши пределы и особенно наблюдать за бродами и выставлять сильные секреты. Господина Моздокского коменданта покорнейше прошу уведомить пристава Малой Кабарды о намерениях сбора хищников»¹⁷.

Весной 1846 г. Шамиль решил, что сложилась благоприятная ситуация для организации похода на Кабарду. М.С. Воронцов (генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе в 1844–1854 гг.), объясняя цели похода Шамиля в Кабарду, отмечал стремление имама помешать мирным переговорам российского командования с западными адыгами. Мир на Западном Кавказе позволял бы командованию перебросить войска на Восточный Кавказ и крупными силами обрушиться на имамат. С походом в Кабарду Шамиль связывал и задачи укрепления собственной власти внутри имамата.

17 апреля 1846 г. имам Шамиль с десятитысячным войском вступил в Кабарду. В донесении начальника Центра Кавказской линии генерал-майора князя Голицына от 17 апреля 1846 г. указано: «Получив вчерашнего числа известие о переправе значительной партии чеченцев в Эльхотовском ауле через Терек и о занятии аула Магомета Мирзы Анзорова на Урухе, я отправился на Военно-Грузинскую дорогу через укрепление Черекское, но там был вынужден остановиться по причине прервания сообщений, тем более что все аулы кабардинские между Черекем и Урухом перетасили имущество в горы... Донеся об этом Вашему превосходительству, я имею честь присовокупить, что нечаянное появление в значительном количестве неприязненных сил в аулах князей Кайтукиных, Атажукиных и Бекмурзиных могло породить в них некоторое колебание насчет семейств их и имущества, но что измены в Большой Кабарде по сие время не оказалось. И если впоследствии открыты будут между ними участники в прибытии чеченцев, то над ними необходимо показать строгий пример, на что я своевременно предоставляю себе испросить разрешения Вашего превосходительства»¹⁸.

В рапорте командующего Горским казачьим полком войскового старшины Кулакова начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору и кавалеру князю Голицыну от 17 апреля 1846 г. отмечено: «Сейчас я получил известие от есаула Венеровского 1-го, что Шамиль с огромным скопищем двинув сего числа с рассветом вместе прибыл к Моздокской переправе и намеревается переправляться через Терек и сделать нападение на Моздок, где уже имеется с ним пушечная перестрелка»¹⁹.

18 апреля 1846 г. генерал-майор князь Голицын сообщал полковнику Беклемишеву: «Шамиль с значительным скопищем вторгнулся вчерашнего числа в Большую Кабарду и расположился в Лескенском ущелье. Генерал Фрейтаг находится на правой стороне р. Терек с 5-ю батальонами при 6-ти орудиях, а Тенгинского пехотного полка полковник Левкович с двумя батальонами при двух орудиях у Минарета, таким образом, неприятель стеснен с двух сторон; а дабы ему поставить препятствие для дальнейшего вторжения в Кабарду, я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие выслать ко мне в Нальчик две сотни казаков Волжского казачьего полка с таким расчетом времени, чтобы к вечеру завтрашнего числа они были в Нальчике. Вместе с тем, я разрешаю Вам всю следующую через вверенную Вам линию пехоту остановить и направить к ближайшим пунктам Кабарды, дабы в случае надобности она в один переход могла быть в Нальчике»²⁰.

Также 18 апреля начальник Центра Кавказской линии Голицын докладывал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу от кавалерии Завадовскому: «Имею честь донести Вашему превосходительству, что по смутным обстоятельствам в Кабарде я вместе с сим предписал командиру 4 батальона Тенгинского пехотного полка полковнику Левковичу следовать с батальоном усиленными маршами из Екатеринограда через Пришибскую и Котляревскую станицы и укрепление Черекское в Нальчик; если же партия чеченцев, угрожавшая переходом через Терек и преследуемая генерал-лейтенантом Фрейтагом не возвратилась еще на свое место, то приказано остаться в Екатеринограде»²¹.

В открытом известии, отправленном от станицы Солдатской до станицы Павловской в три часа дня 18-го апреля 1846 г. начальник Солдатской станицы хорунжий Кудрявцев извещает: «Сейчас дал мне знать подпоручик Хаджели Кошев, что жители

Большой Кабарды, большая часть аулов бежали в горы и Шамиль имеет намерение отправиться в крепость Нальчик, а сего числа будет иметь ночлег на Чегеме. О чем для зависящего распоряжения имею честь уведомить г.г. станичных начальников»²².

Переправившись через Терек, отряды Шамиля расположились в аулах кабардинских узденей Анзоровых, где стал ждать подкрепления из Чечни и ополчения западных адыгов. Против Шамиля были брошены значительные силы, которые насчитывали 5 батальонов в составе Тенгинского пехотного полка под командованием полковника Левковича. В журнале военных действий Тенгинского пехотного полка содержится подробная информация о событиях апреля 1846 г.: «В следующее утро 18 числа ... назначил я в полном составе 2 батальона Кубанского егерского полка и в 11 часу утра направил его при однополевом орудии Горской казачьей № 14 Батареи к Аулу Тау-Султановскому.

Приближаясь к Уруху не было еще получено сведений о причине сильной стрельбы из орудия на Тереке. Не сомневаясь однако же в известии прежде полученном от полковника Ильинского, что генерал-лейтенант Фрейтаг с отрядом находится в Казак-Кичу и будет преследовать сборище Шамиля, я по догадкам моим предположил, что неприятель уже им атакован, как вдруг получаю записку его превосходительства, в которой он через жителя Малой Кабарды поручика Айстемирова извещает об атаковании Шамиля на переправе. Проходя станицу Урухскую, я через того же Айстемирова донес его Превосходительству, что следую на переправу и, атакуя Шамиля, буду ему преградою пробраться в Большую Кабарду»²³.

В 2 часа дня 18 апреля Левкович с отрядом приблизился к аулу Хату Анзорова и, избрав удобную позицию перед фронтом на правом фланге атаковал Шамиля в надежде, что сможет отвлечь его от переправы и предоставит возможность отряду генерал-лейтенанта Фрейтага ударить ему в тыл.

А.Д. Панеш отмечает, что источники содержат противоречивые сведения о численности отрядов Шамиля. «По одним источникам силы имама насчитывали 20 тыс. человек. Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи сообщает, что войско Шамиля состояло из 9 тыс. человек (4 тыс. конницы и 5 тыс. пехоты). Однако по другим сведениям их насчитывалось 12 тыс. человек (4 тыс. конницы и восемь тысяч пеших)»²⁴.

В журнале военных действий Тенгинского пехотного полка приводится другая цифра: «Несколькими меткими выстрелами из орудий, обратив на свой столь малочисленный отряд все почти силы Шамиля, завязал с ним сильную перестрелку. Окруженный до 8 тысяч неприятельской кавалерии при 3-х орудиях с двенадцатью значками, я должен был отступить не потому, чтобы сомневался в малочисленности отряда моего, а для того, чтобы за смелость Шамиля, наказать его нашим огнем с двух сторон»²⁵. Командир Тенгинского пехотного полка полковник Левкович отмечает, что урон русских войск убитыми – 18 человек, ранеными – 84 и контуженными – 53 человека²⁵.

Шамиль, усилив огонь из артиллерии, пошел в атаку и нанес царским войскам большой урон, но после пятичасового боя, опасаясь приближавшегося отряда полковника Меллера-Закомельского, посланного генерал-лейтенантом Фрейтагом, отступил на прежние позиции.

19 числа в 5 часов утра отряд под командой Левковича выступил из Уруха для соединения с полковником бароном Меллером-Закомельским, после чего получил предписание от генерал-лейтенанта Фрейтага следовать к укреплению Черекскому.

21 апреля 1846 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Голицын в рапорте начальнику Левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанту Фрейтагу сообщал о местонахождении и дальнейших намерениях Шамиля: «1-е. Шамиль находится в ауле князя Казиева от укрепления Черекского верстах в десяти, вчера он намеревался идти в вершину р. Нальчика и атаковать меня со всеми силами, но остановился от дурной погоды. 2-е. Войск в Центре Кавказской линии два батальона линейных, из которых один в Георгиевске и Пятигорске, другой в Кисловодске, с откомандированием из него двух рот на правый фланг, в Кабарде осталось пехоты один батальон Ставропольского пехотного полка, в подкрепление которого я вытребовал из кордона Кисловодской линии один батальон 4-го Кубанского егерского полка с тремя сотнями Волжского казачьего линейного полка и двумя орудиями. Полковник Беклемишев, следующий с этими войсками, ночевал в Баксане, я его ожидаю в Нальчике к 9-и часам утра. Кроме этого в Кабарде 4 сотни Донского № 144 полка и [неразб.] артиллерийская по укреплениям Черекскому, Нальчикскому и Баксанскому.

3-е. Аулы на Баксане и Чегеме, а также на Малке по большей части отослали семейства свои и имущество в наши пределы,

другие потянулись в горы, но при появлении русских войск в значительном количестве и оседлости их в Кабарде до изгнания Шамиля, все пришло бы скоро в устройство, ибо по левую сторону Нальчика лежащие аулы гораздо более имеют сочувствия к русским, чем те, которые лежат близ Терека и вообще на правой стороне Нальчика, по частым сношениям и родству в Чечне. На переселение из Кабарды никто не изъявлял желание и не иначе как по принуждению оставят ее владельцы. Само собой разумеется, что при успокоении края, подвластные бежавших или передавшихся кабардинцев, в силу прокламации генерала Ермолова, должны будут получить свободу, что и объявлено всем по кордону»²⁶.

Начальник Центра Кавказской линии Голицын также сообщил генералу Фрейтагу, что 20 апреля Шамиль послал пять закубанцев в Чечню с требованием подкрепления, и двух кабардинцев к абазехам для соединения с ним в Кабарде. Исходя из этого, Голицын сделал вывод, что Шамиль намерен театр войны перенести из Чечни в Кабарду, а в случае неудачи – за Кубань.

В рапорте начальнику Левого Фланга Кавказской линии генерал-лейтенанту Фрейтагу от 22 апреля 1846 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Голицын сообщал: «Предписание Вашего превосходительства от 21-го апреля за № 135 я имел честь получить сию ночь и потому замедлил с ответом, что ожидал возвращения лазутчиков, в разные стороны посланных. Шамиль выступит сего числа из аула князя Казиева, но куда, это содержится в величайшей тайне между его приближенными. Движение войск, вчера произошедшее с линии, встревожило его, и неблагоприятный ответ, полученный им от кабардинцев на Чегеме, Баксане и Малке проживающих, заставляет его сомневаться в дальнейшей безусловной преданности тех кабардинцев, которые передались ему»²⁷.

В донесении генерал-майору князю Голицыну также от 22 апреля 1846 г. отмечалось: «Посланные мною в разные места люди сообщили мне следующие сведения. От Шамиля посланы 70 человек чеченцев и кабардинцев к закубанским племенам с приглашением поспешить соединиться и общими силами уничтожить русское владычество на Кавказе. Если закубанцы согласятся на предложение, то они обязываются идти в Кабарду или через Карачай, или, при успешном действии возмущений линией, через Пятигорск. Обширность и важность заставила меня в непременною обязанность сообщить о нем Вашему сиятельству,

присовокупив, что дорога на Карачай совершенно свободна, и верность народа карачаевского также зыбка и нетверда как преданность народа и судей кабардинских»²⁸.

24 апреля батальон под начальством генерал-лейтенанта Фрейтага двинулся к ст. Урухской, в которой находился батальон Кубанского полка для усиления войск на Военно-Грузинской дороге.

25 апреля имам Шамиль начал отступление. Однако переправа через р. Терек была занята отрядом Меллера-Закомельского. На освобождение переправы была брошена конница Хаджи-Мурата, одного из наибов Шамиля. Именно он явился прообразом главного героя в повести участника Кавказской войны Льва Толстого «Хаджи-Мурат», являясь вторым лицом в имамате после Шамиля. Противник был оттеснен и войско имама, с минимальными потерями переправилось через Терек. Кундухов пишет о произошедших событиях: «Шамиль же, действуя нерешительно, стал недалеко от русской крепости Нальчика, которая, будучи в центре Кабарды с очень слабым гарнизоном, легко могла бы быть взята, если бы Шамиль согласился на просьбу кабардинских своих наибов штурмовать ее и, ожидая там десять дней в бездействии общего кабардинского восстания, был окружен со всех сторон русскими войсками, от которых с помощью кабардинцев ночью, хитро скрыв свое движение, успел близ русского отряда благополучно переправиться через Терек и невредимым возвратиться в Чечню со всем ополчением. Он сильно сконфузил всех бывших против начальников русских отрядов»²⁹.

Вместе с Шамилем ушли 37 кабардинских князей и дворян и значительное число крестьян. Князей и дворян, ушедших с имамом Шамилем, царские власти объявили абреками. Их крестьянам была дарована свобода. 29-го мая 1846 г. в предписании начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Хлюпина Кабардинскому временному суду с формулировкой «за участие в вызове в Кабарду Шамиля» были объявлены абреками жители Большой Кабарды подпоручик Магомет-Мирза Анзоров, прапорщик Магомет Кожаков, уздени Магомет Тимтиров, Магомет Куденетов и мулла Березгов, а «... с имуществом коих имеет быть поступлено согласно прокламации генерала Ермолова, холопьям же их предлагаю немедленно объявить свободу с тем, что они могут переселиться в Вольный аул, поселенный на правом берегу Нальчика или жить там, где пожелают»³⁰.

Мусса Кундухов отмечает: «Из этого движения Шамиль приобрел, что из числа кабардинцев Магомет Анзоров, Магомет Куденетов с несколькими авторитетными узденями и из Тагаурских алдар Дударов ушли в Чечню, где с большою пользою служили Шамилю в звании наибов. Так кончилось нашествие Шамиля на Кабарду и стремление некоторых кабардинских и тагаурских почетных людей, желавших доброго, но по разногласию влиятельных людей невозможного дела соединения Дагестана с Закубанью»³¹.

26 августа 1846 года генерал-лейтенант Лабынцов в рапорте временно исправляющему должность начальника Центра Кавказской линии, господину полковнику и кавалеру Хлюпину сообщал: «Получено мною достоверное сведение, что наиб М. Чечни Магомед Мирза Анзоров, назначенный на место Атабея собирает партию из 1000 доброконных, чтобы сделать набег на Сунжу или в Кабарду 27 или 28 августа. А после Байрама, 10-го сентября, Шамиль намерен с большими силами выйти для действий как кажется в Кабарде, к чему способствуют постоянные с жителями ее сношения через посредство беглых кабардинцев, живущих теперь в Чечне, которые постоянно получают лошадей из Кабарды»³².

В сентябре 1846 г. Кабардинский временный суд принял постановление, согласно которому, за укрывательство абреков выносилось наказание: в первый раз штраф в 150 рублей серебром; во второй раз – арест виновных и предание военному суду. В последующие годы кабардинцев, уличенных в связях с «немирными» горцами, царские власти подвергали конфискации имущества, ссылке в Сибирь, отправке в арестантские роты³³.

В песенном фольклоре сохранилась песня Кабардинского Егерского полка «Вторжение Шамиля в Кабарду», в которой были строки:

«Гремит слава трубой,
Мы дралися за Лабой.
По горам твоим, Кавказ,
Раздалась слава про нас!

Вы, черкесы, не бранитесь,
Мы вам место подберем –
За Кубанью за рекой
Мы дороженьки прошли»³⁴

Таким образом, поход Шамиля в Кабарду, который состоялся в апреле 1846 г., предполагал решение ряда стратегических задач, важнейшей из которых являлось соединение двух фронтов северокавказского сопротивления и создание сплошной линии фронта в борьбе с царскими войсками. В задачи похода также входило перекрытие сообщения по Военно-Грузинской дороге. Но поход не решил поставленных задач в связи с тем, что Кабарда была ослаблена предшествующими годами сопротивления, а ее территория находилась под контролем российской армии. Кабардинские князья и дворяне, уйдя вместе с Шамилем, не смирились с поражением и продолжили сопротивление.

Примечания

1. Прокламации Ермолова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitutions.ru/?p=3587>
2. Там же.
3. Там же.
4. Урушадзе А.Т. Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности. Былые годы. 2011. № 4 (22) С. 15.
5. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 1994. С. 70.
6. Саралиева Л.Ш. Восстание в Кабарде в 1825 году: причины, ход и следствие. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 32.
7. Панеш А.Д. Поход Шамиля в Кабарду в 1846 г. и геополитическая ситуация на Центральном Кавказе. Архивы и общество. 2011. Выпуск № 14. С. 42.
8. Кундухов Мусса. Мемуары. [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.
9. УЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 138. Л. 11.
10. Кушхабиев А.В. Черкесия в борьбе за независимость (1763–1864). [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/>
11. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 39. Лл. 85–86.
12. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 43.
13. Кундухов Мусса. Указ. соч.
14. Там же.
15. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 36.
16. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 47.
17. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. Д. 46. Л. 20.
18. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 22 об.
19. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 18–18 об.
20. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 29.
21. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 9 об.
22. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 31.
23. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 536. Л. 13–19.
24. Панеш А.Д. Указ. соч.
25. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 536. Л. 13–19.

26. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 35–36 об.
27. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 40–40 об.
28. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 548. Л. 44.
29. *Кундухов Мусса*. Указ. соч.
30. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 575. Л. 2–2 об.
31. *Кундухов Мусса*. Указ. соч.
32. УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 593. Лл. 25–25 об.
33. *Кушхабиев А.В.* Указ. соч.
34. *Песенная летопись Кавказской войны*. СПб., 2002. С. 112.

Z.M. KESHEVA

CAMPAIGN OF IMAM SHAMIL IN KABARDA IN 1846 IN THE CONTEXT
OF THE MILITARY-POLITICAL SITUATION
ON THE CENTRAL CAUCAS IN 30–40 YEARS XIX CENTURY

The article is devoted to a campaign of imam Shamil in Kabarda, which took place in april 1846 and assumed the solution of strategic tasks, the most important of which was to join the two fronts of the North Caucasus resistance, creating a solid front line in the struggle against the tsarist troops, overlapping messages on the Georgian Military Highway. The author cites the reasons why these problems have not been solved.

Keywords: Ermolov's proclamations, Caucasian War, Kabarda, imam Shamil, Trans-Kuban Kabardians.

УДК – 94 (352.3)

Кушабиев А.В.
(г. Нальчик)

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В РАБОТАХ НЕКОТОРЫХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АВТОРОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с фальсификацией истории зарубежной черкесской диаспоры в работах некоторых северокавказских авторов. Показаны основные «мифы» (миф о добровольном характере массового выселения черкесов в Османскую империю; миф о единой северокавказской диаспоре), ошибки по этнологии черкесов; искажения фактов (занижение численности зарубежных черкесов; подмена названий черкесских вооруженных формирований), которые содержатся в их монографиях.

Ключевые слова: фальсификация, зарубежная черкесская диаспора, северокавказские авторы, мифы, ошибки.

В эпоху социализма исследование проблем зарубежных северокавказских диаспор носило ограниченный характер в связи с идеологическими установками. В конце 1980-х гг. повысился интерес российских исследователей к проблемам зарубежных северокавказских диаспор, что было обусловлено, прежде всего демократическими преобразованиями в СССР, развитием сотрудничества республик Северного Кавказа с зарубежными соотечественниками в сферах культуры, образования и др.

В 1990-е гг. и в начале XXI в. были опубликованы десятки работ по истории и современному положению зарубежных северокавказских диаспор. Ряд научных работ, подготовленных на основе российских и зарубежных источников – архивных документов, мемуарной литературы и др., внесли весомый вклад в изучение зарубежных северокавказских диаспор¹.

В то же время были опубликованы работы некоторых северокавказских авторов, в которых содержится значительный объем ложной информации, необъективных выводов и заключений по истории самой многочисленной из зарубежных северокав-

казских диаспор – черкесской (адыгской) диаспоре. В этой связи, возникает необходимость дать анализ наиболее «странных» ошибок в работах, посвященных северокавказским диаспорам.

Миф о добровольном характере массового выселения черкесов в Османскую империю. Трактовки проблемы массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.) подвергались идеологизации и политизации в работах российских авторов, начиная со времени ее возникновения. Значительное внимание уделено этой проблеме в работах авторов имперской школы (исследованиях, мемуарной и публицистической литературе). В советский период имперскую школу также называли дворянско-буржуазной, дореволюционной, официозной, охранительно-монархической и т.п. Концепция авторов этой школы отражает государственную идеологию Российской империи. Авторы имперской школы отказывались признавать вину царизма в массовом выселении черкесов и трактовали эту проблему как результат выбора самих черкесов, пропаганды турецкой и британской агентуры, а также мусульманского духовенства. Они акцентировали внимание на том, что у черкесов, якобы был выбор – подчиниться царской власти и согласиться на переселение на Прикубанские равнины, или же выселиться в Османскую Турцию. Но подавляющее большинство черкесов как будто бы были «диких нравов», желавшими «необузданной свободы», отказались подчиниться царской власти и предпочли переселиться в Османскую Турцию. Следовательно вина в массовом выселении черкесов и в их многочисленных жертвах во время этой катастрофы ложится на самих же черкесов и их лидеров².

Однако в работах авторов имперской школы содержатся существенные противоречия. Несмотря на перекалывание вины в массовом выселении черкесов в Османскую империю на самих же черкесов, авторы этой школы довольно подробно сообщали о действиях царских властей, направленных на депортацию черкесов: принятие в октябре 1860 г. нового плана ведения войны с западными черкесами (план генерала Евдокимова), сущность которого заключалась в том, чтобы приступить к силовому вытеснению черкесов с гор на равнину, а на высвобожденных от черкесов землях расселять казаков; высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев (от 10 мая 1862 г.). Также подробно они описывали осуществление данного плана: стремительное наступление царских войск на За-

падную Черкесию, сжигание сотен черкесских селений и стог их жителей к Черноморскому побережью для отправки в Османскую Турцию; заселение черкесских земель казаками и т.п. В то же время авторы имперской школы отмечали особое упорство и героизм, проявленные черкесами в борьбе с наступавшими частями царской армии³.

В советской историографии трактовки проблемы массового выселения черкесов в Османскую империю менялись в различные периоды в зависимости от изменения методологических установок. В первые десятилетия Советской власти утверждался партийно-классовый подход, в связи с чем политика царской России на Северном Кавказе в XIX в. рассматривалась как колониально-захватническая. Борьба народов Северного Кавказа с царизмом в XIX в. трактовалась как национально-освободительная борьба горцев Северного Кавказа против колониального гнета царизма и борьба против местной знати⁴. В работе Дзагурова Г.А. «Переселение горцев. Материалы по истории горских народов» – первой работе данного периода, посвященной выселению северокавказских народов в Османскую империю, в качестве причины их выселения была указана политика царской России⁵.

После Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в отношении рассматриваемой проблемы утвердились две концепции. Одна из них не только повторяла трактовку авторов имперской школы, но и развивала ее разнообразными идеологическими умозаключениями. Борьба народов Северного Кавказа за независимость в XIX в. трактовалась как движение реакционное, инспирированное иностранной агентурой. Массовое выселение черкесов преподносилось как результат агитации черкесской феодално-старшинской верхушки, османских и британских агентов и мусульманского духовенства. Значительно занижалась численность адыгов, выселенных в Османскую империю. Царское же правительство якобы к этому не было причастно. Фактически отрицалась колониальная политика царизма⁶. Эта концепция подвергалась и продолжает подвергаться научной критике со стороны многих северокавказских историков. Тем не менее, в советских научных и публицистических изданиях, учебниках и учебных пособиях вплоть до конца 1980-х гг. преобладала данная концепция (в различных интерпретациях).

В этот период сформировалась и северокавказская академическая школа. Ряд советских кавказских историков, которые

представляют эту школу, стали рассматривать массовое выселение черкесов (1858–1865 гг.) как следствие комплекса причин, главными из которых были колониальная политика царской России и провокационная политика османских властей. Эта точка зрения нашла отражение в работах: Т.Х. Кумыкова⁷, Г.А. Дзидзария⁸ и др. Наиболее обобщающим исследованием по данной теме является монография А.Х. и Х.А. Касумовых «Геноцид адыгов». В ней анализируются основные этапы завоевания царской Россией Северного Кавказа и массовое выселение черкесов, которое, по мнению авторов «...являлось по отношению к народу тягчайшим преступлением, геноцидом, прервавшим исторический процесс его социально-экономического и культурного развития на многие десятилетия, трагедией всего адыгского народа»⁹.

Авторы северокавказской академической школы внесли значительный вклад в изучение проблемы массового выселения адыгов в Османскую империю, ввели в научный оборот большое количество документов архивов СССР.

Демократические преобразования в стране, ликвидация административно-партийного давления на ученых позволили историкам публиковать свои теории и концепции, в том числе и по рассматриваемой проблеме. В 1990-х – начале 2000-х гг. были изданы сборники архивных документов и материалов по истории завоевания царской Россией Северного Кавказа и массового выселения черкесов в Османскую империю¹⁰.

В этот период был опубликован ряд исследований историков – представителей национальной академической школы, в которых содержится анализ проблемы массового выселения черкесов в Османскую империю. В исследованиях Панеш А.Д., Кудаевой С.Г., Бэрээдж У.Н., Озовой Ф.А.¹¹ массовое выселение черкесов в Османскую империю трактуется как результат колониальной политики царизма и провокационной деятельности османских властей. Данная концепция содержится и в некоторых обобщающих исследованиях по истории Северного Кавказа, опубликованных в начале XXI века¹².

Следует отметить, что работы авторов национальной академической школы написаны на основе значительного количества источников: архивных и опубликованных документов (российских и зарубежных архивов), мемуарной и публицистической литературы. В них также представлен опыт предшествующих исследований по истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв.

Были также проведены научные форумы, посвященные проблемам борьбы народов Северного Кавказа за независимость во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. (Махачкала, июнь 1989 г., Кошехабль, апрель 1990 г., Нальчик, октябрь 1990 г., Краснодар, май 1994 г.), на которых была подвергнута критике концепция о реакционном, антироссийском характере борьбы северокавказских народов за независимость¹³. В выводах и рекомендациях этих форумов зафиксировано, что борьба горцев Северного Кавказа против царизма носила народный, освободительный, антиколониальный, прогрессивный характер. В выводах и рекомендациях конференции в Нальчике сказано, что политика царизма на Северном Кавказе «была завоевательной, колонизаторской, сопряженной с покорением, геноцидом и изгнанием большей части адыгского народа и части других народов за пределы родины»¹⁴. Также отмечается, что активную провокационную деятельность в переселении черкесов осуществляли власти Османской империи. В обращении участников конференции в Краснодаре зафиксировано: «Следствием военно-колонизаторской политики царизма на Северном Кавказе явилось переселение горцев, большей части адыгов-черкесов в Османскую Турцию»¹⁵.

Научные форумы также состоялись в ряде российских вузов и научных учреждений накануне и в год 150-летия окончания «Кавказской войны».

В рассматриваемый период продолжали публиковать свои работы и сторонники имперской школы. «Модернизированный» вариант концепции этой школы представлен в работе М.М. Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война»¹⁶. Его сущность сводится к тому, что горцы Северного Кавказа находились на стадии перехода от патриархально-родовых отношений к классовым («военной демократии») и грабительские набеги, совершавшиеся ими на русские пограничные районы, якобы являлись частью их экономики. Совершая набеги на российские территории, горцы вынуждали Россию предпринимать ответные действия. Массовое выселение черкесов эти авторы трактуют как следствие агитации местной аристократии и старшинской верхушки, мусульманского духовенства и западноевропейских эмиссаров. Отмечается и провокационная роль турецкого правительства, которое было заинтересовано в переселении черкесов. Относительно роли царизма в данном процессе сказано:

«Русская администрация не препятствовала эмиграционному движению. Она даже выделила суда для этой цели»¹⁷.

В работе Блиева М.М. «Черкесия и черкесы XIX века» в качестве причин массового выселения черкесов названы: устойчивая идеология конфронтации черкесов с Россией, пребывание черкесского общества в переходной стадильности, отдалявшее любые формы интеграции с Россией, активное вмешательство в черкесское урегулирование Англии, Турции, Франции и польских флибустеров¹⁸. В ней содержится еще множество странных выводов.

В работе Кипкеевой З.Б. сказано, что у черкесов якобы был выбор, переселиться на указанные царскими властями земли в Прикубанской плоскости, или переселяться в Турцию. Большая часть черкесов предпочла переселиться в Турцию¹⁹.

В целом, в конце XX – начале XXI в. северокавказские авторы – сторонники имперской школы продолжали публиковать миф «о добровольном характере массового выселения черкесов в Османскую империю» в разных интерпретациях. В их работах содержится тенденциозный подход к данной проблеме, принцип избирательного подбора источников и их фрагментов. В качестве аргументов в них, довольно часто, приводятся умозаключения самих же авторов.

Миф о единой «северокавказской диаспоре». В работах некоторых дагестанских авторов содержится попытка создания мифа о единой «северокавказской диаспоре»²⁰. На самом же деле, это попытка замены истории черкесской диаспоры на историю «северокавказской диаспоры». Эти авторы заменяют термин «черкес», использовавшийся в официальном делопроизводстве Российской и Османской империй, стран Европы, арабских стран, образовавшихся после распада Османской империи, на современный термин «северокавказец». В качестве аргумента они заявляют, что за рубежом всех северокавказцев, якобы всегда называли черкесами, следовательно, история черкесской (адыгской) диаспоры является общей «северокавказской».

Относительно данной концепции следует отметить, что черкесами местное население называло и представителей других северокавказских диаспор только в тех районах Османской империи, где численность собственно черкесов (адыгов) значительно превышала численность других северокавказских иммигрантов. В ряде регионов, в которых находятся компактные поселения других народов Кавказа – абхазов, дагестанцев, чеченцев,

карачаевцев местное население не использует по отношению к ним термина черкес. По отношению к перечисленным народам местное население использует этнонимы абаза (абхазец), дагестанец, чеченец, карагаевец. В частности, чеченцев, компактно расселенных в районе Рас-эль-Айн (совр. Сирия) в 1865–1866 гг., местное население всегда называло чеченцами, но не черкесами.

В документах Османской империи 2-й половины XIX – начала XX в. довольно часто по отношению к северокавказским иммигрантам используются дефиниции «кавказские мусульмане». В то же время, по отношению к отдельным группам иммигрантов указываются и конкретные этнонимы: черкесы, чеченцы, дагестанцы, карагаевцы²¹.

Относительно единства северокавказских диаспор необходимо отметить, что в первые десятилетия после расселения на территории Османской империи разные этнические группы северокавказских иммигрантов, действительно проявляли солидарность, что было обусловлено, прежде всего, недружелюбным отношением к ним местного населения. При этом черкесская (адыгская) диаспора, являясь самой многочисленной, всегда оказывала поддержку меньшим в численном отношении диаспорам других северокавказских народов и осуществляла консолидирующие функции. В то же время, группы северокавказских иммигрантов стремились сохранить свою этническую идентичность. При расселении северокавказских иммигрантов, как правило, соблюдался принцип компактности и этнической обособленности (в форме моноэтнических анклавов). В редких случаях черкесские иммигранты соглашались селиться среди местных народов. Незначительным был и процент смешанных поселений разных северокавказских народов. В смешанных поселениях, основанных разными северокавказскими народами и черкесскими субэтносами, соблюдался принцип поквартального расселения этносов, субэтнических групп, кланов и семей. Поэтому процессы ассимиляции доминирующими группами северокавказских иммигрантов меньших в численном отношении групп не получили развития. Не развивались и процессы миксации. Но в ряде регионов происходил процесс консолидации родственных этносов и субэтносов. В некоторых районах Анатолии абазины добровольно перешли на кабардино-черкесский язык. Убыхи (десятки тысяч чел. – А.К.) перешли на западно-адыгские (кяхские) диалекты, что создало у многих современных исследователей иллюзию их полного исчезновения.

В целом, следует констатировать, что не существовало и не существует единой зарубежной северокавказской диаспоры, также как и не существует единого северокавказского этноса на Кавказе. Существуют зарубежные диаспоры народов Северного Кавказа.

Ошибки по этнологии черкесов. Некоторые авторы, пишущие о зарубежных северокавказских диаспорах, допускают серьезные ошибки по этнологии черкесов (адыгов). Самой распространенной ошибкой в работах ряда российских северокавказских авторов является неверное использование термина «черкес». Они не учитывают, что термин черкес является экзоэтнонимом адыгов (термином, используемым другими народами для обозначения адыгов) и перечисляют его наряду с терминами, используемыми для обозначения адыгских субэтнических групп. Также они путают эндоэтноним (самоназвание) адыг с термином адыгеец, принятым для обозначения черкесов, проживающих в Республике Адыгея. В частности, в работе Алиева Б.Р. при перечислении представителей черкесской диаспоры Сирии, в скобках рядом с именами и фамилиями указаны следующие термины: кабардинцы, черкесы, абадзехи, адыгейцы²², т.е. он перечисляет в качестве равнозначных этнонимы (черкесы, адыгейцы) и субэтнонимы (кабардинцы, абадзехи). Указывая статистику северокавказцев в Сирии, он использует следующие термины: «черкесские этносы: (абадзехи, абазины, бжедуги, кабардинцы, шапсуги и др.)»²³, т.е., наряду с черкесскими субэтнoсами, а не этносами, он указал и абазин. Далее он перечисляет: «адыгейцы, кабардинцы, шапсуги, абадзехи и др.»²⁴. Использует автор и такую фразу как «черкесские этносы» и перечисляет: (абхазцы, абадзехи, бжедуги, шапсуги и др.)²⁵. В данном случае Алиев Б.Р. уже причисляет абхазцев к черкесским этносам, а субэтносы объявляет этносами. Далее он снова использует дефиницию «черкесские этносы» вместо дефиниции «черкесские субэтносы»²⁶.

Еще одной серьезной теоретической ошибкой многих российских авторов является использование термина «племя» по отношению к черкесским субэтносам XIX–XX вв. Эти авторы не знают, либо игнорируют устоявшуюся в российском кавказоведении концепцию о том, что феодальные отношения сложились у адыгов еще в VIII–IX вв. и термин племя не может применяться по отношению к народам с феодальным строем. В частности, Алиев Б.Р. употребляет такие фразы: «адыго-абхазских племен»,

«адыгейские племена»²⁷. Термин племя по отношению к адыгам используется также в работах Блиева М.М., Кипкеевой З.Б. и Амировой З.М.²⁸.

В то же время эти авторы не применяют термин «племя» по отношению к народам Дагестана, карачаевцам, осетинам, чеченцам, или другим народам Северного Кавказа. Следовательно? эти авторы сознательно стремятся принизить уровень социального развития черкесов в указанные периоды.

Еще одной ошибкой Алиева Б.Р. является экстраполяция дагестанского материала на всех северокавказцев, проживающих за рубежом, в частности, он заявляет: «Что касается вопросов семьи и брака, то необходимо отметить, что северокавказские мухаджирь, как правило, браки заключали внутри одного рода или близких родов»²⁹. Как известно, внутривидовая эндогамия (кузенные браки и т.п.) распространена только у дагестанских диаспорантов. У черкесских диаспорантов, также как и у черкесов, живущих на Кавказе, никогда не было внутривидовой эндогамии. Запрещены браки между лицами, состоящими в родстве. У черкесских диаспорантов соблюдалась и продолжает соблюдаться этническая эндогамия.

Занижение численности зарубежных черкесов. В работе Алиева Б.Р. чрезмерно занижается численность зарубежных черкесов. В частности, он заявляет, что численность «всей северокавказской диаспоры в Турции составляет примерно 1,5 млн. человек»³⁰. Из них «абхазско-черкесские этносы» составляют приблизительно 1,3 млн. человек³¹. По данным черкесских общественных организаций в Турции, численность черкесов (адыгов) в этой стране к настоящему времени составляет, как минимум 3,5 млн. человек. В эту цифру не входят лица черкесского происхождения и дети от смешанных браков. Численность же абхазов и абазин в Турции составляет около 400 тыс. человек³².

Алиев Б.Р. занижает и численность черкесов в других странах, в частности численность черкесской диаспоры в Сирии. Он утверждает следующее: «черкесские этносы (абадзехи, абазинь, бжедуги, кабардинцы, шапсуги и др.) – около 75 тыс.»³³. По данным же Черкесского благотворительного общества в Сирии, до начала конфликта в 2011 г., численность черкесов (адыгов) в Сирии составляла свыше 100 тыс. человек³⁴. При этом Алиев Б.Р. завышает численность других кавказских народов в этой стране: абхазов и осетин (по 1 тыс.)³⁵.

Алиев Б.Р. также утверждает, что численность черкесов в Иордании составляет 40 тыс. человек³⁶. По данным, предоставленным Черкесским благотворительным обществом Иордании, численность черкесов (адыгов) в этой стране в конце XX в. составляла около 70 тыс. человек³⁷.

В отношении численности северокавказских иммигрантов, проживающих в странах Западной Европы, этот автор отметил следующее: «численность постоянно проживающих в Западной Европе северокавказских мухаджиров составляет около 5–6 тыс. человек. Некоторые приводят цифры 10–11 тыс. человек. Но они действительны только в том случае, если иметь в виду и тех, кто прибыл в Европу из Турции на заработки в качестве сезонных и прочих рабочих. Численность таковых действительно доходит до 10 тыс. чел.»³⁸. По сведениям черкесских общественных организаций в Турции, Германии и Голландии, численность только черкесов, постоянно проживающих в Германии и Голландии, составляет свыше 20 тыс. человек. Численность черкесов – временных рабочих в Германии и других странах Западной Европы составляет 30–40 тыс. человек. Следует также отметить, что в странах Западной Европы, преимущественно в Германии, проживает значительное число северокавказцев, переселившихся туда из России в конце XX – начале XXI в. Довольно многочисленной является чеченская диаспора в странах Западной Европы, образовавшаяся в этот период.

В отношении численности северокавказских иммигрантов в США Алиев Б.Р. сообщает следующее: «общая численность этнических северокавказцев в США составляет около 4 тыс. человек. Американские официальные источники называют цифру 500 семей (1980 г.). Некоторые приводят цифры от 8 до 12 тыс. Большинство составляют черкесские этносы и карачаевцы (около 3 тыс.)»³⁹. По данным же черкесских общественных организаций в США, численность черкесов (адыгов) в этой стране составляет приблизительно 10 тыс. человек⁴⁰.

Подмена названий черкесских вооруженных формирований. В работе Алиева Б.Р. содержится подмена известных в источниках названий черкесских вооруженных формирований на «северокавказские» и «дагестанские». Так, Алиев Б.Р. пишет о двух «Дагестанских полках» в составе османской армии, которые участвовали в военных действиях на Кавказском фронте во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. При этом он отмечает, что командиром

1-го «Дагестанского» полка был сын имама Шамиля Газимухаммад, командиром 2-го «Дагестанского» полка, «куда входили и представители практически всех народов Северного Кавказа», был потомок чохского наиба Шамиля Даудилава Мухаммад-паша Фазыл Дагестани. Далее этот автор пишет, что турецким полком на Кавказском фронте командовал Муса Кундухов⁴¹.

Амирова З.М. об этих же формированиях пишет, что «3-я кавалерийская бригада Гази-Мухаммад Шамиль Дагестанлы (1000 сабель), состояла исключительно из мухаджиров-дагестанцев»⁴². По данным профессора Николаевской академии генерального штаба генерал-майора Б. Колюбакина, на Закавказско-Малоазиатском театре в составе Анатолийской армии действовали три черкесские кавалерийские бригады. Первой бригадой черкесской кавалерии, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Мустафа-паша. Второй бригадой, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Муса Кундухов (в прошлом офицер царской армии). Третьей бригадой, состоявшей из 10 эскадронов, командовал сын Шамиля генерал Гази Мухаммед-паша⁴³. В сборнике османских документов о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., который составил османский автор Ахмед-Мидхат-эфенди, об этих формированиях сказано следующее: «Эти полки набраны из черкесских переселенцев в районах Азизие, Сиваса и Джаника...»⁴⁴. В этих источниках нет таких названий как первый или второй «Дагестанский полк» османской армии. Они называются черкесскими.

Относительно этнического состава данных формирований следует отметить, что бригада, а не полк, под командованием Гази Мухаммед-паши не могла состоять только из дагестанцев, так как к тому времени численность дагестанских иммигрантов в указанных регионах не позволяла набрать из них около 1 тыс. воинов. По оценочным подсчетам дагестанского историка Магомеддадаева А.М., общая численность дагестанцев, переселившихся в Османскую империю в XIX – начале XX в., составляет около 20 тыс. человек. Из них преобладающая часть переселилась после подавления царским правительством восстания в Дагестане в 1877 г.⁴⁵ К началу же Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. численность дагестанских иммигрантов в Османской империи составляла несколько тыс. человек. Следует также привести статистику других северокавказских иммигрантов, выселившихся в Османскую империю до 1877 г. Численность черкесов (западных

адыгов и кабардинцев) составляла свыше 800 тыс. чел. Приблизительная численность других северокавказских иммигрантов составляла: 30 тыс. абазин (башильбаевцев, тамовцев, баговцев, шагиреевцев), 30 тыс. прикубанских ногайцев, 23 тыс. вайнахов, 20 тыс. садзов-джигетов, 20 тыс. абхазов, 3 тыс. осетин⁴⁶. Необходимо отметить и высокий уровень смертности среди северокавказских иммигрантов в процессе переселения и расселения на территории Османской империи, в связи с чем их численность к 1877 г. снизилась приблизительно на 25–30%. Численность же воинов из северокавказских иммигрантов могла составлять приблизительно 1/10 часть от их общего числа. Таким образом, в вышеуказанных кавалерийских бригадах находились представители разных северокавказских народов.

В то же время Алиев Б.Р. и Амирова З.М. не стали переименовывать в «северокавказский» или в «дагестанский» полк, чеченский кавалерийский полк, сформированный из чеченских иммигрантов в Восточной Сирии и Диярбакырском вилайете (1 тыс. чел.)⁴⁷.

Амирова З.М. также допускает серьезную ошибку заявляя, что «...выходцы из Северного Кавказа в основном участвовали на Кавказско-Малоазиатском театре военных действий, а балканский театр военных действий, на наш взгляд, неплохо исследован»⁴⁸. На самом деле, после массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.), большинство их (около 300 тыс. чел.) было расселено османским правительством на территории Балкан. В этом регионе были расселены и 4 тыс. абхазских семей выселившихся с Кавказа в 1867 г. Существует значительное число источников (мемуаров российских офицеров) и исследований по истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которых отражено массовое участие черкесских иммигрантов в военных действиях на Балканском театре. Из черкесских иммигрантов были сформированы десятки отдельных кавалерийских отрядов в составе османской армии. Немалое число черкесских иммигрантов находилось и в частях регулярной османской армии. Российские офицеры – участники Русско-турецкой войны на Балканах отмечали, что черкесы составляли лучшую часть османской кавалерии⁴⁹. По оценочным, заниженным данным, численность черкесских и абхазских воинов, участвовавших в боевых действиях на Балканском театре Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., составляла свыше 20 тыс. человек.

Алиев Б.Р. также переименовал в «северокавказские» отряды⁵⁰, черкесский кавалерийский отряд под командованием Ахмед-бея Анчока, сформированный на Голанских высотах (на территории Сирии) в 1895 г., и черкесский кавалерийский военно-полицейский эскадрон под командованием Мирзы-бея Уасфи, дислоцировавшийся в Аммане в конце XIX – первой четверти XX в.⁵¹

Алиев Б.Р. переименовал в «северокавказский эскадрон» и Черкесский полк, сформированный в Сирии в составе французских частей в 1921 г. При этом он занижил и их численность до «150 горцев»⁵². Также этот автор подменил этническую принадлежность первого командира Черкесского полка кабардинского дворянина Османа Абея, объявив его осетином⁵³. На самом деле Черкесский полк в первое время состоял из 8 эскадронов по 100–150 чел. В начале Второй мировой войны (1939–1945 гг.) численность эскадронов в этом полку была увеличена до двадцати. Преобладающая часть офицеров и солдат Черкесского полка состояла из черкесов, проживавших на Голанских высотах. Большинство же дагестанцев и чеченцев, проживавших в Сирии, в рассматриваемое время поддерживали арабское освободительное движение и не служили во французских войсках⁵⁴. Известно и официальное название Черкесского полка на французском языке – «Groupement d'Escadrons Tcherkess» («Полк черкесских эскадронов»).

В целом, можно заключить, что в работах вышеуказанных северокавказских авторов содержится фальсификация истории и современного положения зарубежной черкесской диаспоры. Массовое выселение адыгов в Османскую империю является наиболее трагическим периодом истории черкесского (адыгского) народа и его фальсификация, как и искажение истории зарубежной черкесской диаспоры в научных работах и в СМИ, вызывает негативную реакцию среди черкесских (адыгских) ученых и общественности, что оказывает деструктивное влияние на межнациональные отношения на Северном Кавказе.

Примечания

1. Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии. Нальчик: Эль-Фа, 1993. 170 с.; Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. 227 с.; Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 320 с.; Кушхабиев А.В. Проблемы репатриа-

ции зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. 224 с.; *Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю.* Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. 232 с.; *Чочиев Г.В.* Северокавказские (черкесские) организации в Турции (1908–1923 гг.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 205 с.; *Кудяева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 304 с.

2. *Берже Ад.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. 33. С. 346, 347; *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 156–148; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. С. 20, 206; *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 210, 211; *Голос.* СПб., 1876. 12(24) августа № 221. С. 1–4; *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп: Меоты, 1993. С. 104–108.

3. *Берже Ад. П.* Указ. соч. С. 347, 348; *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 134–145; *Фелицин Е.Д.* Князь Сефер-Бей Зан // Кубанский сборник. Т. 10. Екатеринодар, 1904. С. 164; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина... С. 148, 205, 206, 406–414; *Грабовский Н.Ф.* Указ. соч... С. 210–212; *Венюков М.И.* К истории заселения Западного Кавказа (1861–1863) // Русская старина. СПб., 1878. № 5. С. 249–251; *Эсадзе С.* Указ. соч. С. 76–118; *Рукевич М.* Адагумский отряд // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т. 17. С. 256–307; *Духовский С.* Даховский отряд на южном склоне кавказских гор в 1864 г. СПб., 1864. 140 с.; *Гейнс К.* Пешеходный отряд // Военный сборник. СПб., 1866. Т. 49. № 5. С. 3–40; *Дроздов И.* Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 387–457.

4. *Кокиев Г.А.* Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. Ростов н/Д., 1929. № 4. С. 30–35. № 5. С. 33–38. № 6. С. 32–37.

5. *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев. Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д.: Севкавказ, 1925. С. 2.

6. *Багиров М.Д.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М.: Госполитиздат, 1950. 32 с.; *Бушцев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70 годы XIX века). М.: Издательство МГУ, 1955. 118 с.; *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1989. 319 с.; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 244 с.

7. *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.

8. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.

9. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Нальчик: Логос, 1992. С. 9, 197.

10. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эль-Фа, 2003. Ч. 2. 416 с.; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.; Трагические последствия Кавказской войны для

адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов / сост.: Р.Х. Гутов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 464 с.

11. *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и Имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: АРИГИ, 2007. 240 с.; *Кудаева С.Г.* Указ. соч.; *Бэрэдз У.Н.* Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик: Тетраграф, 2012. 288 с.; *Озова Ф.А.* План генерала Евдокимова в свете военного права XIX века // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: КБИГИ, 2011. Вып. 18. С. 19–44.

12. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009. Т. 1. 452 с.; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Юпитер, 2006. 520 с.

13. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. 16–18 мая 1994 г. Краснодар: КГУ, 1995. 288 с.; Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. 264 с.; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. 360 с.; Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума). Майкоп: ИПКПО «Адыгея», 1991. 264 с.

14. Национально-освободительная борьба народов... С. 260.

15. Кавказская война: уроки истории... С. 3, 4.

16. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.

17. *Там же.* С. 579, 580.

18. *Блиев М.М.* Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. М.: Международный институт новейших государств, 2011. С. 165, 166.

19. *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ: народы, миграции территории. Ставрополь: Издательство СГУ, 2008. С. 358, 359.

20. *Алиев Б.Р.* Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала: Новый день, 2001. 296 с.

21. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1 / Составитель А.В. Кушхабиев. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 404 с.

22. *Алиев Б.Р.* Указ. соч. С. 152.

23. *Там же.* С. 163.

24. *Там же.* С. 199.

25. *Там же.* С. 98.

26. *Там же.* С. 216.

27. *Там же.* С. 11, 44.

28. *Блиев М.М.* Указ. соч.; *Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2001. С. 21; *Амирова З.М.* Участие народов Северного Кавказа в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.). Махачкала: Эпоха, 2005. С. 53.

29. *Алиев Б.Р.* Указ. соч. С. 112.

30. *Там же.* С. 94.

31. *Там же.*

32. *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов... С. 40.

33. *Алиев Б.Р.* Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала: Новый день, 2001. С. 163.

34. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов... С. 53.
35. Алиев Б.Р. Указ. соч. С. 163.
36. Там же. С. 199.
37. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации... С. 58.
38. Алиев Б.Р. Указ. соч. С. 217.
39. Там же. С. 222.
40. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации... С. 69.
41. Алиев Б.Р. Указ. соч. С. 57.
42. Амирова З.М. Указ. соч. С. 83.
43. Колюбакин Б. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб., 1906. Ч. 1. С. 67.
44. Сборник турецких документов о последней войне. Перевод с турецкого трех последних глав сборника «Зубдетуль-хакаик» / Сост. Ахмед-Мидхат-эфенди. СПб., 1879. С. 17.
45. Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (История и современность). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. С. 85, 150.
46. Кушхабиев А.В. Очерки истории... С. 40–45.
47. Берже Ад.П. Указ. соч. Т. 36. С. 28, 29.
48. Амирова З.М. Указ. соч. С. 71.
49. Кушхабиев А.В. Очерки истории... С. 58–60, 96–99.
50. Алиев Б.Р. Указ. соч. С. 102, 109.
51. Кушхабиев А.В. Очерки истории... С. 92, 100.
52. Алиев Б.Р. Указ. соч. С. 133, 134.
53. Там же. С. 133.
54. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 141–143; 7. Сапен-Линьер М. Черкесы. Перевод с французского. Майкоп: ОАО Полиграф-Юг, 2008. С. 30–95.

A. V. KUSHHABIEV

THE PROBLEMS OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF FOREIGN CIRCASSIAN DIASPORA IN THE WORKS OF SOME NORTH CAUCASSIAN AUTHORS

This article discusses the questions related to the falsification of the history of foreign Circassian diaspora in the works of some North Caucasian authors. The basic «myths» (the myth of the voluntary nature of the mass eviction of Circassians to the Ottoman Empire, the myth of a common North Caucasian diaspora), mistakes in ethnology of Circassians; misrepresentation of facts (underestimates of number of the foreign Circassians; substitution of names of the Circassian armed groups), which are contained in their monographs are shown.

Keywords: falsification, foreign Circassian diaspora, North Caucasian authors, myths, mistakes.

УДК – 94(470.6)

А.С. Мирзоев
(г. Нальчик)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА – НАЗВАНИЕ, НАУЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Статья посвящена истории изучения Кавказской войны в дореволюционной, советской и современной историографии, таким ее аспектам как название войны, ее научное определение, причины и характер, хронология и периодизация. Автор сравнивает разные исследовательские подходы в научном осмыслении данной проблемы и предлагает свое видение некоторых аспектов в ее освещении.

Ключевые слова: колонизация, завоевание, покорение, военно-административный контроль, имперская идеология, национально-освободительное движение, геополитический, религиозный, цивилизационный факторы.

Название

Кавказская война или, как ее еще называют некоторые историки¹, война с горцами, российско-горская война, началась, по нашему мнению в XVIII веке в период царствования Екатерины II и закончилась во второй половине XIX века в 1864 году.

За это время на престоле сменилось пять императоров. Декабрист М.С. Лунин писал: «Император Николай ... неизменно соблюдает правило вести одновременно лишь одну войну, не считая войны Кавказской, завещанной ему и которую он не может ни прервать, ни прекратить»².

Под горцами, против которых велась эта война, подразумевались, прежде всего, жители Западной и Восточной Черкесии (Кабарды), Чечни и Дагестана. Именно жители Черкесии, Чечни и горного Дагестана оказали многолетнее массовое народное сопротивление экспансии Российской империи.

Остальные народы Северного Кавказа в силу своей малочисленности, территориальной изолированности от основных театров военных действий и других причин, в гораздо меньшей степени или же вообще не были вовлечены в эту войну.

Война получила название Кавказской в официальных российских кругах (политиков, чиновников, военных, писателей) в силу того, что в отличие от других войн, которые велись Россией, здесь, на Кавказе, последняя имела дело не с одним государством, а с множеством народов, находившихся на разных уровнях социально-экономического и политического развития. Некоторые из них создали феодальные государства, такие, например, как Кабардинское княжество, ШамхальствоТарковское, Казикумухское ханство, имевшие задолго до их завоевания и присоединения опыт военно-политических и дипломатических отношений с русским государством.

Территориальные приобретения в Закавказье Россия получила в силу военных побед над своими геополитическими соперниками на Востоке – султанской Турцией и шахским Ираном. Эти войны в российской истории получили соответственно названия русско-турецких и русско-персидских.

Т.к. на Северном Кавказе, в отличие от Закавказья, российской армии пришлось иметь дело не с каким то одним государством, а с сопротивлением народов, которым имперская администрация отказывала в государственной-политической легитимности, не признавая их за субъект международного права, то и война с ними получила название Кавказской, объединяя под ним Северный Кавказ и населяющие его народы.

Термин «Кавказская война» использовался как в дореволюционной российской историографии и публицистике, так и позднее в советской. Изначально это термин «внутреннего» пользования, т.е. так называли эту войну русские военные и политики, которые считали ее внутренним делом России. Сами же жители Кавказа имели свои названия этой войны. К примеру, в народном сознании черкесов она отражена как «джэурзауэ» (война с неверными), а чеченцев – Газот (газават), «ГазотантГом» (война газавата).

Если же рассматривать эту войну не с точки зрения ее участников, давших свои названия ей, а, так сказать со стороны, то название «русско-кавказская война», на наш взгляд, имеет право быть использовано в научных исследованиях и соответствует обозначаемому историческому явлению.

Это название стало употребляться в работах отечественных и зарубежных историков, а также в документах государственных органов и общественных организаций с 90-х годов XX века³. Тем,

кому это название не нравится, ссылаются на то, что войну с кавказцами вело Российское государство, а не русский народ.

Следуя этой логике, войну можно определить как российско-кавказскую. Тогда возникает вопрос: почему другие войны, которые вела Россия в то же время, имеют названия, к примеру, русско-турецких или русско-персидских.

Если рассмотреть историю других стран, то и здесь мы наблюдаем аналогичную ситуацию, когда войны получают свои названия не по имени государств, ведущих их друг с другом, а по имени народов, образующих эти государства. К примеру, война Великобритании с южноафриканскими республиками Трансвааль и Оранжевое свободное государство в 1899–1902 гг. в исторической литературе получило название англо-бурская война. Название войн в исторических исследованиях часто, в своих наименованиях, отражают в качестве участников конфликта народы противоборствующих государств.

Россия как государство, созданное русским народом, было в интересующую нас эпоху унитарным имперским образованием, а не федеративным или конфедеративным. Российская имперская армия, воевавшая на Кавказе была русской на 99 %. Использование воинских подразделений, набираемых из числа завоеванных народов, в колониальных войнах было обычной имперской практикой не только России, но и других империй того времени. Поэтому тот факт, что в числе рекрутов отправляемых на Кавказ, кроме русских были поляки, татары и другие представители покоренных Россией народов, в том числе подразделения иррегулярных войск из тех же северокавказских горцев, не меняет характера войны, определяемой как русско-кавказская.

При употреблении термина «русско-кавказская война» подразумевается, что один из ее участников – Российская империя, а другой – народы Северного Кавказа. Причем под термином «кавказская» имеются в виду народы Северного Кавказа, а не Закавказья.

По нашему мнению, допустимо в исторических исследованиях использование обоих терминов – Кавказская война и Русско-Кавказская война – в зависимости от предпочтений того или иного автора.

Появившееся в последние годы мнение, в основном в среде непрофессиональных историков, о необходимости разделения Русско-Кавказской войны на русско-черкесскую, русско-чечен-

скую, русско-дагестанскую, представляется нам мало обоснованным по нескольким причинам.

Во-первых, Российская империя изначально имела целью завоевание всего региона со всеми живущими здесь народами. Соответственно планировались операции в Генеральном штабе российской армии, театр военных действий и оперативное планирование охватывали всю эту территорию.

Во-вторых, на разных этапах национально-освободительного движения народов Северного Кавказа имел место факт объединения, военно-политического взаимодействия этих народов в сопротивлении колониальной экспансии самодержавной России. То же движение под предводительством шейха Мансура, имевшее место в последней четверти XVIII века, включало в себя участие многих народов (черкесов, чеченцев, дагестанцев). Имамат под руководством Шамиля также был многонациональным государством, объединившим различные общества Чечни и Дагестана.

Другое дело, что продвижение военной колонизации на Северном Кавказе шло поэтапно и заняло длительный по времени период. На каждом этапе этого завоевания у империи имелись приоритетные и второстепенные направления, цели и задачи, которые в зависимости от ситуации менялись. Но в любом случае все это было всего лишь особенностями тактического планирования, которые не отменяли общую стратегическую цель – взятие под военно-административный контроль всего региона.

Другое мнение, возражающее против употребления термина Русско-Кавказская война, аргументируется тем, что не все народы Кавказа принимали участие в этой войне. Факты говорят о том, что действительно масштабы и длительность участия народов Северного Кавказа в этих событиях не были одинаковыми. Основная тяжесть этой войны выпала на долю народов Черкесии (адыгов и абазин), Чечни и горного Дагестана. Но, на разных этапах, в той или иной степени в ней принимали участие и другие народы (карачаевцы, балкарцы, осетины, абхазы, ингуши, карабулаки). Таким образом, термин Русско-Кавказская война и во второй части своего наименования (кавказская), также соответствует историческим реалиям.

Научное определение. Характер войны

В дореволюционный период официальная российская историография вполне объективно определяла Кавказскую войну как завоевание империей новых территорий и покорение независимых народов, проживавших там. Другое дело, что под это завоевание подводилось имперское идеологическое обоснование, оправдывавшее в общественном российском сознании это завоевание, многочисленные материальные и людские потери, понесенные государством в ходе этой самой длительной в истории России войны.

В советский период характеристики и определения Кавказской войны на разных этапах развития отечественной исторической науки не раз менялись. Изначально борьба народов Северного Кавказа трактовалась как народно-освободительная, антиколониальная и, следовательно, с точки зрения господствовавшей тогда идеологии, прогрессивная по своему характеру. Советские историки определяли царский имперский режим как реакционный, антинародный и, соответственно, борьбу с ним, проходившую в форме национально-освободительного, антиколониального движения – как прогрессивное явление. В то же время считалось что, несмотря на все вышеперечисленные факты, присоединение Кавказа к России имело объективно прогрессивное значение. Обосновывалось это тем, что все народы Российской империи, в том числе и русский, находились в угнетенном состоянии до установления советской власти. Социально-классовая борьба русского народа и национально-освободительное движение народов российских окраин смыкались, что, в конечном счете, привело к революции, установлению нового социального порядка и государства другого типа. Федеративное устройство должно было решить национальный вопрос и дать невиданные до этого возможности для социально-экономического и культурного развития всех народов страны. Произошло переформатирование бывшей Российской империи на новой социально-экономической, политической и идеологической основе, но на прежних геополитических и географических просторах. Новая коммунистическая элита огромной многонациональной страны придавала большое значение идеологии, понимая всю опасность оставленного в наследство от Российской империи так называемого «национального вопроса» для сохранения целостности государства.

Такой идеологией стала идея пролетарского интернационализма, братства народов СССР и их национальных культур, «национальных по форме и социалистических по содержанию». Одинаково опасными для сохранения СССР как многонационального государства считались как великодержавный русский шовинизм, так и национализм угнетенных и завоеванных в царскую эпоху народов. И с тем, и с другим жестко боролись, но более опасным лидер и идеолог Октябрьской революции В.И. Ленин, все-таки считал великодержавный русский шовинизм, а национализм народов российских окраин – ответной реакцией на этот шовинизм.

Все сферы интеллектуальной жизни, в том числе историческая наука, находились под жестким идеологическим контролем и должны были отвечать политическим и государственным интересам страны.

Применительно к истории Кавказской войны была выработана установка постулирующая: несмотря на реакционный характер политического режима Российской империи в лице самодержавия с его имперской идеологией и колониальный характер Кавказской войны, само вхождение народов Северного Кавказа в орбиту российского государства в исторической перспективе имело прогрессивное значение – как для русского, так и для всех народов Кавказа. Считалось, что антифеодальное движение крестьянства северо-кавказских народов было составной частью антиколониального сопротивления и направлено как против социального угнетения местных феодалов, так и против колониальной имперской политики Российского государства. Абсолютизация классовой борьбы как основного двигателя истории применительно к интерпретации событий Кавказской войны приводила к перекалыванию части ответственности за ее трагические последствия на социальные верхи местных народов наряду с ответственностью царского самодержавия с проводимой им колониальной политикой.

Изначально советской исторической наукой не отрицался сам факт завоевания Кавказа Российской империей, а антиколониальное движение местных народов признавалось справедливым и прогрессивным. Движущими силами и определяющими факторами возникших национально-освободительных движений признавались внутренние социальные факторы, а внешние – в виде влияния политики России, европейских государств, Османской империи и шахского Ирана – сопутствующими и второстепенными.

Но уже в 1948 г. по инициативе первого секретаря ЦК компартии Азербайджанской ССР М.Д. Багирова в его статье «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» была сделана попытка признать национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа инспирированным извне иностранными государствами. Он писал, что вхождение Кавказа в состав России было добровольным и имело прогрессивное значение, тогда как имам Шамиль был иностранным шпионом, а созданное им клерикальное государство реакционным.

В 1950-х гг. по инициативе академика М.В. Нечкиной на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия о возможности применения концепции «наименьшего зла», согласно которой присоединение иных народов к России в XVI–XIX вв. рассматривалось как наименьшее зло по сравнению с их завоеванием другими государствами⁴. В этой дискуссии принял участие вышеупомянутый М.Д. Багиров. В 1953 г. в журнале «Коммунист» им была опубликована статья «Старший брат в семье советских народов», где автор дал развернутое обоснование своей концепции «абсолютного блага» – альтернативную теории «наименьшего зла»⁵. В отличие от последней, эта концепция постулировала, что присоединение любого народа к России являлось для него абсолютным благом. Разработка данной формулировки исключала конкретно-исторический подход к каждому случаю вхождения того или иного народа в состав Российского государства, игнорируя специфику и подгоняя все под общую схему. В дальнейшем эта концепция нашла отражение и в лекции М.В. Нечкиной: «Прогрессивное значение присоединения нерусских народов к России».

С 1957 года, начиная с КБАССР, по всем автономным республикам Северного Кавказа прокатилась волна юбилейных празднеств «добровольного присоединения» народов Северного Кавказа к России. Была выработана новая концепция, смысл которой заключался в том, что начиная с XVI до XVIII века, включительно, шел процесс добровольного присоединения народов Северного Кавказа к России, что само по себе объективно носило прогрессивный характер. И только колониальная политика российского государства впоследствии – в XIX веке – вызвала национально-освободительное движение среди этих народов, что послужило причиной Русско-Кавказской войны.

При этом в отличие от концепции Багирова, считалось, что движение носило народный характер, а лидеры сопротивления

на Восточном Кавказе в лице имама Шамиля и его предшественников, являлись народными вождями. Признавалось, что война не столько инспирирована извне зарубежными государствами, сколько имела внутренние причины. В то же время влияние и заинтересованность в разжигании и затягивании этой войны со стороны геополитических противников России в лице Англии и Турции не подвергалось сомнению, хотя масштабы этого влияния зачастую преувеличивались.

Что касается идеологии мюридизма, то считалось, что это религиозно-политическое учение служило всего лишь средством мобилизации народных масс в национально-освободительном движении. В феодальную эпоху, согласно Марксу, социальные движения не могли иметь никакого идеологического обоснования кроме как религиозного. Поэтому тезис Багирова о клерикальном, реакционном характере имамата Шамиля, представлялся уже не столь актуальным и бесспорным.

В 1983 г. в журнале «История СССР» М.М. Блиев опубликовал статью: «Кавказская война: социальные истоки, сущность»⁶, где он попытался поставить под сомнение антиколониальный характер национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа, сведя все к тому, что завоевание Россией этих народов было вынужденной ответной реакцией на экспансию горцев на южные рубежи империи, практиковавших набеговую систему. Эта концепция и обоснование причин и характера Русско-Кавказской войны нашла отражение в последующих работах⁷, в которых акценты были расставлены схожим образом: Кавказская война, согласно теории М.М. Блиева, порождена двумя основными факторами, из которых один – активизация внешней политики России на Северном Кавказе – имеет второстепенный характер. Другой фактор – специфический военный образ жизни горцев в условиях разложения родового строя и перехода к раннеклассовому обществу, породивший набеговую систему – основная причина эскалации войны.

Данная теория вызвала критику большинства научного сообщества и на современном этапе концепция о национально-освободительном, антиколониальном характере борьбы горцев Северного Кавказа остается в отечественной историографии приоритетной.

С конца 80-х гг. XX в., с началом перестройки и демократизации в СССР, наблюдался всплеск национального самосозна-

ния народов Северного Кавказа и возросший интерес к истории Кавказской войны. В это время академическим научным сообществом кавказоведов проводится ряд всесоюзных и всероссийских конференций посвященных Кавказской войне: в Дагестане (июнь 1989 г.), Кабардино-Балкарии (октябрь 1990 г.), Республике Адыгея (апрель 1990 г.), Краснодаре (май 1994 г.). Материалы этих конференций публикуются и выходят отдельными сборниками⁸.

В частности, в выводах и рекомендациях Всесоюзной научной конференции прошедшей в 1990 г. в Нальчике по инициативе Института истории АН СССР и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики был сделан ряд важных заключений:

– считалось необходимым уточнить понятие «мухаджир» как не соответствующее содержанию социального явления изгнания горцев Кавказа за пределы Родины;

– признавалась антинаучной концепция, сложившаяся в период культа личности и застоя, о якобы реакционном антинародном, националистическом характере борьбы северокавказских горцев инспирированных Англией и Османской империей и идея, проводившаяся в определенный период в публикациях современных авторов о якобы сепаратистском и экспансионистском по отношению к России движении, возникшем в отсталых слоях горцев Северного Кавказа (М.М. Блиев, В.Б. Виноградов и др.);

– политика русского царизма в этом регионе была завоевательной, колонизаторской, сопряженной с покорением, геноцидом и изгнанием большей части адыгского народа и части других народов за пределы Родины. Насильственное изгнание стало трагедией народа и следствием Кавказской войны. Выселение происходило в сложной социально-экономической и внешнеполитической обстановке, сопровождавшейся большими жертвами;

– признавалась неблагоприятная роль в этом процессе политики правительств Османской империи и отдельных западных держав;

– национально-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в XIX веке пользовалась симпатией и поддержкой передовых сил России и Запада, была антиколониальной, прогрессивной, отвечающей интересам народов этого региона и русско-го народа;

– считалось необходимым признать несостоятельность и политическую опасность отождествления русского самодержавия с русским народом и в научных исследованиях проводить четкое разграничение между ними. В равной мере руководствоваться этими же критериями при интерпретации и оценке идейных позиций движущих сил национально-освободительной борьбы. Вопросы, связанные с взаимоотношениями народов должны быть защищены от политической эрозии⁹;

– признана необходимость проведения дальнейшей работы по разработке понятийного и категориального аппарата (в том числе и периодизации), связанного с изучением народов Северного и Западного Кавказа против царизма;

– указывалось что, несмотря на сложные условия Кавказской войны, кроме военных, развивались и другие, мирные отношения между русским и кавказскими народами, приводившие к взаимовлиянию и взаимопроникновению культур¹⁰.

Причины и имперское идеологическое обоснование войны

Что касается причин и необходимости войны за включение Северного Кавказа в состав Российского государства, то следует отметить, что в широких кругах русской общественности – современников той эпохи, никогда не было ясного понимания этой необходимости и обоснованности.

В стране, где 98 % населения составляло бесправное, закрепощенное крестьянство, где отсутствовали политические традиции парламентаризма, где абсолютная власть была сосредоточена в руках самодержца-монарха, где отсутствовало понятие гражданина, а только верноподданного, холопа и раба государя, политические решения принимались узким кругом лиц во главе с императором.

Не говоря уже о простом народе, «которого права, – как выразился один русский государственный деятель, – ограничиваются правом платить подати, правом ставить рекрут и правом кричать ура...»¹¹, русская интеллигенция, общественность очень мало знала о Кавказе и ведущейся там войне. Для российского общественного сознания, как отмечает В.В. Лапин, Кавказская война носила «периферийный» характер¹².

Первым русским мыслителем, социологом и идеологом, попытавшимся сделать развернутый анализ причин и хода Кавказской войны, дать ей политическое обоснование с имперских позиций был генерал Ростислав Андреевич Фадеев. Непосредственный участник Кавказской войны, начавший свою военную карьеру в 1850 г. волонтером Отдельного Кавказского корпуса, в 1858 г. – он уже ближайший помощник, офицер «для особых поручений» при главнокомандующем Кавказской армией А.И. Барятинском и близкий сотрудник начальника штаба Кавказской армией Д.А. Милютин. К 1864 году, к окончанию Кавказской войны, он дослуживается до генеральского чина и становится высокопоставленным сотрудником военного министерства¹³.

В 1959 г. Барятинский, сразу же после пленения имама Шамиля и окончания войны на Восточном Кавказе, поручает Фадееву написать официальную историю Кавказской войны. В 1860 г. она была издана в виде книги под названием «Шестьдесят лет Кавказской войны».

С 1864 г., по окончании войны на Западном Кавказе, он публикует серию статей в «Московских ведомостях» под общим названием «Письма с Кавказа», написанных по поручению нового наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича¹⁴.

По существу это была первая попытка создания официальной истории Кавказской войны, ее политической оценки и осмысления с точки зрения интересов Российской империи, написанная для широкой общественности, еще не осознавшей значения этой войны. Представляя интересы государства, Фадеев выступил официальным идеологом и историком Кавказской войны, призванным обосновать оправданность для России завоевания Кавказа, несмотря на огромные материальные и людские потери, принесенные в жертву для достижения геополитических целей империи в этом регионе.

Обоснование необходимости расширения Российской империи на Восток и присоединения Кавказа имеют в концепции Р. Фадеева несколько уровней:

- 1) геополитический
- 2) идеологический
- 3) экономический

На первом месте, как мы видим, стояли геополитические зоны. Со времени Петра I, когда Россия стала империей (официально и, по сути) перед ней стояли две главные геополитические

задачи и два основных направления: западное и восточное. Оба направления были для Петра I важны, но приоритет он отдавал первому. В результате, в ходе нескольких войн «окно в Европу» было «прорублено», Россия вышла к Балтийскому морю и стала одним из субъектов европейской политики.

Второе направление – восточное. Конечной целью в этом направлении был выход к водам Индийского океана – с одной стороны, а с другой – превращение бассейна Черного моря во внутреннее российское море с установлением контроля над проливами (Босфор и Дарданеллы), отвоевание у турок-османов Константинополя – древней столицы Византийской православной империи. Политическая программа царя-полководца была завещана последующим правителям Российского государства. Последние никогда не оставляли мечты своего предшественника о создании великой империи – владычицы морей и океанов, покровительницы всего православного мира. Тезис о Москве как о третьем Риме как идеологическое обоснование внешней политики русского государства был заложен еще в царствование Ивана III Васильевича. Начало реализации геополитических планов в восточном направлении положил сам Петр I, совершивший в 1722 году Персидский поход, в результате которого к России были присоединены ряд прикаспийских областей, уступленных ей Ираном.

Дальнейшее расширение Российской империи в западном направлении к XIX веку стало иметь мало перспектив, по сравнению с восточным, в связи с тем, что здесь Россия столкнулась с коллективным сопротивлением западных держав. Последние значительно опережали ее в своем социально-экономическом, политическом и военно-технологическом развитии. Особенно ярко это продемонстрировало поражение России в Крымской войне. С захватом в последней четверти XVIII века Польши, Российская империя фактически исчерпала свои возможности расширения в этом направлении. Дальнейшее продвижение на Запад привело бы к войне с коалицией ведущих европейских государств, к которой Россия была не готова. Больше возможностей у России было на Южном (Восточном) направлении. «Дряхлеющие» и отстающие в своем развитии Османская империя и Иран противостояли ей в этом регионе. «В Европе не дадут нам шагу ступить без боя, а в Азии целые царства к нашим улугам», – писал перед отъездом на Кавказ А.П. Ермолов¹⁵. Видя

угрозу своим индийским колониям со стороны России, Англия противодействовала ей, оказывая влияние на внешнюю и внутреннюю политику Османской империи и Ирана. После того, как Россия сравнительно легко захватила закавказские владения Турции и Ирана, в результате нескольких русско-турецких и русско-персидских войн, к ней были присоединены территории современных Грузии, Армении и Азербайджана. Россия надеялась в перспективе извлечь большие выгоды, контролируя торговлю и транспортные коммуникации в этом регионе.

Что касается Северного Кавказа, то здесь долгое время (до середины XVIII в.) империя довольствовалась простой лояльностью местных владетелей (прежде всего Кабарды и Дагестана), обеспечивающих безопасность коммуникаций с Закавказьем через подконтрольные им территории. Фактически их политический статус можно квалифицировать как протекторат со стороны России. Пока Россия была недостаточно сильна в этом регионе, а ее геополитические соперники в лице Турции, Крымского ханства и Ирана могли еще довольно энергично противодействовать ей, империя старалась поддерживать такой формат отношений.

К середине XVIII века Российская империя достигла пика своего могущества и с этого времени начала в одностороннем порядке менять сложившуюся практику отношений с феодальными владениями в регионе, переходя от политики поддержания союзнических отношений и протектората к политике жесткого включения в административно-политическую систему империи, с ликвидацией политического и территориального суверенитета. Первой испытала на себе последствия этой политики Кабарда – феодальное княжество, занимавшая важное стратегическое положение на Центральном Кавказе и контролировавшая транспортные коммуникации с Закавказьем. Кроме того она имела большое политическое влияние на родственных ей черкесов Западного Кавказа, а ряд горских народов (абазины, балкарцы, карачаевцы, осетины, ингуши, карабулаки) находились в политической и экономической зависимости от кабардинских князей. Поэтому покорение Северного Кавказа Российской империей начала с Кабарды.

В российской политической элите возобладала точка зрения сторонников завоевания Северного Кавказа и населяющих его народов, в отличие от тех чиновников, которые предлагали

довольствоваться вассальной зависимостью местных князей от российского монарха. По мнению российских военных, для продвижения в южном направлении через Закавказье в Среднюю Азию, нельзя было оставлять в тылу регион, являвшийся по факту независимой территорией, населенной воинственными, хотя и лояльными, до тех пор, пока Россия не покушалась на их внутреннее устройство, народами.

Относительная малочисленность народов Северного Кавказа, их политическая раздробленность, межэтнические противоречия создавали иллюзию возможности решения проблемы их завоевания малыми силами и в короткое время. Формированию такого мнения у военных способствовали события в Закавказье, где небольшие русские армии не раз разбивали во много раз превосходившие их по численности турецкие и персидские регулярные части, после чего к ногам победителей падали целые области и государства.

М.Н. Покровский, один из ранних советских историков, одной из причин развязывания войны с горцами видел в характерных для военной элиты Российской империи представлениях о народах Кавказа. Для них был свойственен ярко выраженный европоцентризм, отношение к горцам как «хищникам» и «варварам», которые не в состоянии противостоять в лице России мощной европейской цивилизации и культуре, в том числе и в военном отношении. В начале XX века в своей работе «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», М.Н. Покровский отмечал: «Война с горцами – Кавказская война в тесном смысле – непосредственно вытекала из ... персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колонизационное. Свободные горские племена всегда угрожали русской армии, оперировавшей на берегах Аракса, отрезать ее от базы. С ними, пожалуй, не невозможно было сталкиваться. Но предлагать такое решение, значило не понимать психологии военных людей, действовавших в Закавказье. Им, разумеется, казалось гораздо легче покорить этих «мошенников», нежели вести с ними какие-то переговоры и уважать какие-то их права и обычаи. Неужели «русский штык», перед которым бежали в паническом страхе «регулярные войска» государя довольно большой державы, персидского шаха, не смиряет в короткое время оборванцев, годных, казалось, лишь на то, чтобы воровать коней у казаков? Практика скоро показала, что выбить «мошенников» и конокрадов из их горных убежищ – дело,

неизмеримо более трудное, чем взять «глиняный горшок», именовавшийся крепостью Эриванью, или даже прийти в Тавриз. Но раз дело было начато, честь мундира требовала его окончить»¹⁶.

Под влиянием генералов в Петербурге было принято решение военным путем подчинить местные народы и включить их земли административно в состав империи. В результате Россия ввязалась в войну, которая продолжалась сто лет и стоила ей огромных людских и материальных потерь.

В отличие от других территориальных приобретений России, присоединение Кавказа, стоило ей огромных усилий и траты значительных ресурсов – финансовых и людских¹⁷. Для сравнения можно привести историю присоединения Средней Азии, следовавшей сразу же вслед за покорением Кавказа. Главным препятствием здесь оказалось не столько военное противодействие со стороны местных народов и государств, которое относительно легко подавлялось действиями малочисленных частей русской регулярной армии, сколько сложности снабжения армии и поддержания коммуникаций на огромных малозаселенных пространствах Средней Азии с ее засушливыми, безводными степями и пустынями. Российская экспансия в южном направлении остановилась у границ Афганистана подписанием 27 февраля (11 марта) 1895 года в Лондоне договоренностей между Россией и Великобританией о разделе сфер влияния на Памире. Часть Памира отошла к Афганистану, часть к Российской империи.

Таким образом, потеряв на Кавказе 100 лет, Россия смогла реализовать геополитическую программу, сформулированную еще при Петре I лишь отчасти. Пройдя пик своего могущества в XVIII веке, к середине XIX, когда стал актуальным так называемый «Восточный вопрос», заключавшийся в соперничестве за раздел владений Османской империи ведущими мировыми державами, Россия уже была не в состоянии решить его в свою пользу.

Крымская война (1853–1856 гг.) продемонстрировала социально-экономическое, технологическое отставание России от ведущих европейских государств и необходимость реформ во всех сферах жизнедеятельности государства. Одной из причин неудачного завершения для России Крымской (Восточной) войны, помимо вышеуказанных, Р.А. Фадеев считал отвлечение военных сил империи на борьбу с северокавказскими горцами. «Вы видели ..., – с досадой отмечал он, – чего нам стоило сдерживать Кавказ во время восточной войны. Боевая, испытанная, на все го-

товая 280 – тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Японии, была на весах европейской политики обращена в нуль враждебной независимостью и двуличной покорностью кавказских населений»¹⁸.

Поражение в Восточной войне грозило потерей Россией своих позиций на Кавказе и только противоречия между союзниками (Англией и Францией) позволили ей сохранить за собой Кавказ. Р. Фадеев отмечал: «... в продолжение трехлетней войны участь русского владычества на Кавказе несколько раз ... висела на волоске. ... несмотря на целый ряд подвигов ..., мы удерживались на Кавказе благодаря только тому обстоятельству, что Франция, располагавшая главными сухопутными силами в истекшей войне, чуждая собственно азиатскому вопросу, не имела интереса сбить нас с Кавказа, а когда английская армия была доведена в 1856 году до такой численности, что могла начать самостоятельные действия, внезапный мир положил конец ее предприятиям.

Истекшая война привела в ясность положение русской силы на Кавказе. После подобного примера нельзя уже было считать кавказскую проблему делом местным... На деле оказалось, что эта борьба отнимала у государства половину действующей силы, которою оно могло располагать для внешней войны. ... при внешней войне 270 000 войска оказывались недостаточными для обороны Кавказа, покуда в середине его стоял вооруженный мюридизм.

После подобного опыта нельзя было колебаться. Русская империя не могла бросить Кавказа, не отказываясь от половины своей истории, и прошедшей, и будущей; стало быть, она должна была воспользоваться миром¹⁹, чтобы покорить горцев как можно скорее»²⁰.

При отсутствии внешней войны с Европой, наличных сил России на Кавказе, было достаточно, чтобы завершить покорение местных народов, продолжая методично проводить политику, основы которой заложил генерал Вельяминов, а впоследствии придерживались Евдокимов и Барятинский. Суть этой стратегии заключалась в сочетании военных (строительство кордонных линий) и колонизационных (устройство крестьянских и казачьих русских поселений) мер. Для реализации этих планов, при существующих средствах, необходимо было только время, которого у России, при сложной и неблагоприятной для нее внешнеполитической обстановке, не было или было в обрез.

Страна находилась в тяжелейшем финансовом, социально-экономическом кризисе, необходима была срочная модернизация социально-экономической, политической, военной системы империи. В случае новой войны на Кавказе с коалицией европейских стран и Османской империей, при отсутствии у России на Черном море военного флота, она могла потерять весь Северный Кавказ и Закавказье, а многолетние усилия и многочисленные людские и материальные жертвы, потраченные на завоевание Кавказа, были бы сведены к нулю. Для скорейшего завершения Кавказской войны было только одно средство – увеличение и без того немалых сил Кавказской армии и финансовых затрат на казачью колонизацию. Из дилеммы: время или увеличение средств (финансовых, военных, людских), Российское государство, несмотря на свое тяжелое финансово-экономическое положение, было вынуждено выбрать последнее. Форсирование мер по завершению войны, несмотря на все издержки – таково было решение, принятое высшим руководством страны на заключительном этапе Кавказской войны.

Немаловажную роль в том, что новый план завоевания Кавказа был одобрен императором Александром II, сыграло то, что его автор – главнокомандующий Кавказской армией генерал Барятинский был в близких дружеских отношениях с царем, считавшимся с его мнением.

В общих чертах план окончательного покорения народов Северного Кавказа и завершения войны включал ряд ключевых пунктов:

1. Увеличение общей численности войск на Кавказе (регулярных и иррегулярных). Теперь общая численность военных сил предназначенных для Северного Кавказа достигала 300 тыс. человек.

2. Армия переоснащалась технически. На вооружение кавказского корпуса поступали новейшее стрелковое нарезное оружие, нарезные пушки и ракетные станки, произведенные в Германии.

3. Военная компания делилась на два этапа: на первом основные военные силы бросались на Восточный Кавказ до полного разгрома имамата Шамиля и покорения народов Чечни и Дагестана (160 тысяч регулярных войск)²¹. Эта задача была решена в период с 1856 по 1859 год и закончилась пленением имама Шамиля 21 августа 1859 г. в ауле Гуниб. На втором этапе, войска, действовавшие на Западном Кавказе усиливались высвободившимися после покорения Восточного Кавказа и численность этой группировки была доведена до 280 тысяч человек.

4. В отличие от Восточного Кавказа, план завоевания Западного Кавказа предполагал поголовное изгнание коренного населения из мест проживания в пределы Османской империи. Военные операции и казачья колонизация захваченных и очищенных от аборигенов территорий должны были проходить одновременно.

План покорения Западного Кавказа был принят на Совещании во Владикавказе осенью 1860 года. Он предусматривал, начиная с нового 1861 года непрерывные военные операции во всякое время года с тем, чтобы лишить население продовольственных запасов, заставить сложить оружие и выдвинуть основную массу народа к берегу Черного моря с последующей депортацией в пределы Османской империи. В результате массированного наступления русской армии к весне 1864 года сопротивление народов Северо-Западного Кавказа (адыгов, убыхов, абазин) было сломлено, и они были вынуждены покинуть Родину.

21 мая 1864 года считается официальной датой окончания Русско-Кавказской войны. В этот день в урочище Кбаада, впоследствии получившем название Красной поляны, наместник Кавказа великий князь Михаил принимал парад войск, принимавших участие в войне на Западном Кавказе.

Второй важный фактор имперской идеологии завоевания Кавказа в концепции Р. Фадеева – цивилизационный. Идеологическое обоснование Кавказской войны формулировалось в двух основных аспектах – собственно цивилизационном (противопоставление европейской и азиатской цивилизаций) и религиозном (борьба христианства с исламом).

Последний аспект постулировался следующим образом: Россия – оплот христианства, единственная, после падения Византии, православная империя, стоящая у границ исламского мира и в вековой борьбе «креста и полумесяца» является передовым форпостом христианской цивилизации. Борьба с кавказскими горами – есть борьба с самым поздним всплеском религиозной пассионарности – в лице последних, перенявших эстафету знамени ислама из рук одряхлевших и утративших былой динамизм стран восточного мира.

Здесь можно процитировать гениального А.С. Пушкина:

«Стамбул гяуры ныне славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят

И прочь пойдут – и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.
Стамбул отрекся от пророка,
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил –
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.
Там веры чистый луч потух...²²

Первый аспект, в отличие от второго, подчеркивавшего религиозную идентичность Российской империи – цивилизационный. Согласно ему, Россия – форпост европейской цивилизации на Востоке, а Кавказ, если и не отождествлялся полностью с Востоком, то считался его воротами. Россия несет европейскую цивилизацию на Восток. Эта великая миссия России оправдывала завоевание Кавказа и связанные с этим жестокие методы колонизации по отношению к местным народам, а также огромные людские и материальные жертвы, понесенные самим русским народом. Масштабы этих потерь достаточно сложно точно определить. Мы можем, в частности, процитировать мнение одного из высших государственных сановников Российской империи того времени – статс-секретаря Александра Васильевича Головнина. В своем письме к начальнику Штаба Кавказского корпуса Дмитрию Алексеевичу Милютину в марте 1858 года он говорил: «Какое государство в мире в состоянии держать постоянно 300 тыс. войска на военном положении и терять в год постоянно по 30 тыс. человек? Какое государство может уделять шестую часть всего дохода на одну область?!»²³.

Таким образом, все эти факторы: геополитический (необходимость расширения империи до азиатских границ), религиозный (защита и возрождение христианских государств в Азии – Армении и Грузии), цивилизационный (привнесение европейской культуры на Восток) слились в идеологическом обосновании необходимости завоевания Кавказа.

Ростислав Фадеев, который создавал свои труды идеологической направленности по заказу политической элиты Российской империи, в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» писал: «В сущности, исламизм есть религия страсти, учение в полном смысле поджигательное; он воспламеняет людей, уд-

ваивает их силы, делает их способными к великим вещам настолько, насколько в ... целом народе достает горячего материала. Когда нравственный пожар кончится, то от мусульманства останется только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой ... Кто видел и знает, до какой степени нынешним азиатцам чужды понятия об отечестве, о всяком отечественном интересе, о первых обязанностях гражданина; до какой степени они равнодушны к тому, что люди называют своей землей, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие; в какой мере они презирают свои правительства, не помышляя даже об их улучшении; как мало трогают их отечественные события, – тот не может ни на минуту сомневаться, что последний час пробил для этих человеческих скопищ, лишенных всякой внутренней связи. Что будет с Азией, разгадать этого еще нельзя; но в таком виде, как теперь, она не может существовать. Или в ней совершится внутренний переворот, чего не видать и признака, или она сделается добычей. Во всяком случае Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба целой части света, с которой она слита почти безраздельно, с которой она живет, можно сказать, под одной кровлей. Решение спора христианства с исламом, покинутое Европою с 14-го века, с того же времени как бы свыше предоставлено одной России и сделалось, сознательно или бессознательно, ее народным делом. Все ее сочувствия и все интересы, даже независимо от ее воли, из века в век, периодически ставят ее лицом к лицу против всевозможных видоизменений этого вопроса.

Но действительная связь России с Азией, узел их – на Кавказе. Через Кавказский перешеек и его домашний бассейн – Каспийское море Россия соприкасается со всей массой мусульманской Азии. С Кавказского перешейка Россия может достать всюду, куда ей будет нужно, и здесь же именно полувековая борьба с мусульманским фанатизмом создала единственную армию, которая может выносить, без расстройств, бесконечные лишения азиатских походов.

Для России – Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною не-

обходимостью. Но покуда русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах. Выбитый из европейской России ислаимзм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собою естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели. Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет продолжался штурм этой крепости, вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, пожертвования страшные, Россия не отставала и преодолела, зная, что великим народам, на пути к назначенной им цели, полагаются и препятствия в меру их силы»²⁴.

Такой подход к оценке причин и характера Русско-Кавказской войны, сочетающий в себе геополитический и цивилизационный мотивы, характерный для дореволюционной российской имперской историографии, в принципе, не отрицается и современными исследователями. В частности В.В. Лапин в своей статье «Кавказская война» среди многих аспектов затронутых в ней, говоря об идеологическом обосновании Кавказской войны со стороны Российской империи, отмечает основные его составляющие: геополитический, цивилизационный и экономический. При этом подчеркивается, что экономический фактор имел третьестепенное значение²⁵.

Третий уровень в концепции Р. Фадеева, обосновавшей необходимость расширения империи на Восток и присоединения Кавказа – экономический. Как видим, у официального идеолога и историка Кавказской войны экономические резоны стоят на последнем месте.

Начиная свой исторический очерк «Шестьдесят лет Кавказской войны», он отмечал: «Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природою, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладания ими жертв. На Кавказе решался вопрос не экономический или если даже отчасти экономический, то не заключенный в пределах этой страны. Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой дела, оставался темным»²⁶.

В отличие от России, колониальные захваты европейских государств были обусловлены, прежде всего, экономическими интересами. В случае с Северным Кавказом, при его колонизации Россией, экономические интересы не были определяющими. Это отмечают вслед за Р. Фадеевым и современные исследователи, в частности, тот же В.В. Лапин, который отмечает: «При наличии неосвоенных пространств в Южной Сибири, Поволжье, Новороссии завоевание еще одной территории в несколько тысяч квадратных километров, населенной к тому же воинственными племенами, не могло быть оправдано ни с экономической, ни с социально-политической точки зрения. Переселенческое движение на Кавказ было исключительно «организованным», т.е. осуществлялось в соответствии с видами правительства и дорого обходилось казне. Казачья колонизация на Тереке и Кубани имела своей основой не экономические, а военные резоны: командование хотело выселением горцев и устройством станиц разрушить хозяйственный фундамент сопротивления, создать на границе надежный заслон из военизированных поселений. Даже через много лет после того как на Кавказе установилось спокойствие, крестьяне предпочитали перебраться в Сибирь, нежели на Кавказ»²⁷. «Сами земли горцев вовсе не были завидной добычей, но по военно-стратегическим соображениям установление контроля над ними было весьма важным делом. Мотивы движения России на Кавказе лежали вне сферы экономических интересов»²⁸.

Выгоды от торговли и другие доходы больше сулили Закавказские и Азиатские владения России, а Кавказ был необходим, прежде всего, как стабильный и безопасный транспортный коридор между Россией (Европой) и Азией. Только после усмирения Северного Кавказа она могла идти дальше в расширении своих границ в сторону Азии.

Политическое завоевание Кавказа и Средней Азии предшествовало экономической колонизации присоединенных территорий, в отличие от колонизации европейской, где экономическая, торговая экспансия предшествовала установлению политического контроля над колониями.

Р. Фадеев, описывая историю и методы создания Британской империи с ее заморскими владениями, отмечал: «Но кто не знает, что такое европейская торговля в Азии? Соприкосновение двух пород столь неравных сил начинается там ситцами, а кончается созданием подвластной империи в 150 миллионов жителей»²⁹.

В основе такого положения лежало несколько причин. Прежде всего, это экстенсивный путь социально-экономического развития российского государства, в отличие от интенсивного, по которому шли европейские страны. Российские товары, в виду промышленной и социально-экономической отсталости страны, не могли конкурировать с европейскими. Поэтому, чтобы получить экономическую выгоду от среднеазиатских колоний, необходимо было, прежде всего, административно включить их в состав Российской империи, оградив тем самым от экономического влияния и проникновения товаров европейских конкурентов. Изначально Россия сложилась как континентальная империя, а не морская, как Англия или Франция. Российская промышленность не могла конкурировать с европейской, ей нужны были монопольные привилегии и государственный протекционизм. Там, где Англия действовала деньгами и подкупом, Россия использовала свою армию, одну из самых больших и боеспособных сухопутных армий в мире.

Развитие промышленности и капиталистических отношений в Российском государстве сдерживалось отсталой феодально-крепостнической системой и реакционной политической надстройкой в лице царского самодержавия. Для того, чтобы избежать социального взрыва и сохранить существующую социально-экономическую и политическую систему государство шло по пути экстенсивного развития, за счет внешних завоеваний и крестьянской колонизации новых территорий. Государственная поддержка крестьянской колонизации окраин снимало остроту классовых противоречий в самой России.

Консерватизм и застой в политической и социально-экономической жизни Российской империи не создавали достаточных условий для реализации амбиций российского дворянства. Многочисленные войны, которые вела одна из самых милитаризованных стран, каковой была на тот момент Россия, некоторое время давали выход пассионарной энергии честолюбивого российского дворянства. Но восстание декабристов 1825 года показало, что дворянство, усвоив пришедшие из Европы республиканские идеи, уже не было той безусловной опорой самодержавия, каковым оно было в эпоху Екатерины II. Крамольные «вольтерианские» и «якобинские» идеи уже овладели умами части российского дворянства, считавшего политическую надстройку в лице царского самодержавия препятствием, сдерживающим развитие страны,

консервирующим ее социально-экономическую и технологическую отсталость по сравнению с европейскими державами.

Кавказ, во время его покорения, стал «теплой Сибирью», куда отправляли служить не только провинившихся, но и всех неблагонадежных. Кроме того, это был хороший полигон для обкатки боевой и командной выучки офицерского состава российской армии. По установившейся традиции офицеры всех гвардейских частей должны были пройти стажировку на Кавказе.

Таким образом, возможность экстенсивного, а не интенсивного социально-экономического развития за счет территориального расширения и внешних войн в конечном итоге сдерживала развитие страны, консервировала отсталые социально-экономические и политические формы общественной жизни, вела к технологическому отставанию России от ведущих европейских государств.

Хронология и периодизация

В исторической науке нет единого мнения относительно хронологических рамок, а, следовательно, и продолжительности Русско-Кавказской войны. Что касается нижних хронологических рамок, то большинство историков признают 21 мая 1864 года датой окончания Русско-Кавказской войны. Относительно же верхних хронологических рамок – начала войны – у исследователей нет единого мнения. Данное положение было характерно как для дореволюционной, так и для советской историографии.

Одни авторы относили начало завоевания Россией Кавказа к эпохе Ивана Грозного (вторая половина XVI века), другие к правлению Петра I (Каспийский поход 1722 г.), третьи к царствованию императора Александра I, при котором Грузия официально была присоединена к России (1801 г.) и, наконец, группа авторов связывала начало Кавказской войны с прибытием на Кавказ генерала А.П. Ермолова, назначенного императором Николаем I командиром отдельного Кавказского корпуса (1816 г.).

В 90-х годах XX века в адыгской историографии возобладала точка зрения, считающая точкой отсчета хронологии Русско-Кавказской войны дату заложения на территории Кабарды русской крепости Моздок – 1763 г. Нужно отметить, что такой известный дореволюционный исследователь Кавказской войны как В.А. Потто, также считал, что основанием Моздока, заклады-

вался «краеугольный камень завоевания Кавказа»³⁰. Общее мнение черкесских историков по хронологии Кавказской войны нашло отражение в историческом очерке, вошедшем в «Адыгскую (черкесскую) энциклопедию». Автор последнего З.А. Кожев определяет временные рамки Кавказской войны 1763–1864 годами, беря за точку отсчета основание крепости Моздок³¹.

До середины XVIII века Российское государство не ставило целью непосредственное включение в состав империи территории Северного Кавказа и установление здесь своих военно-административных порядков. Лояльность местных феодальных владельцев, обеспечение с их стороны безопасности транспортных коммуникаций с Закавказьем и недопущение присутствия или распространения влияния в этом регионе геополитических противников в лице Ирана, Османской империи с ее сателлитом Крымским ханством – были в этот период приоритетными интересами России в регионе. В период царствования императрицы Екатерины II Российская империя достигла пика своего могущества, в то время как ее геополитические противники в регионе в силу глубочайшего социально-политического и экономического кризиса, приведшего, в том числе к отставанию в военно-технической сфере, стали терять свои позиции. В отношении Кабарды – своего союзника на Центральном Кавказе, Россия переходит от политики протектората к практике прямых территориальных захватов и включения последней в состав империи с установлением российских административных порядков. До середины XVIII в. Кабарде удавалось сохранять свою фактическую независимость за счет лавирования между сталкивавшимися интересами двух империй. С ослаблением в регионе позиций Турции и Крымского ханства и усилением России, политика последней в отношении Кабарды резко меняется и становится главной угрозой для ее независимости. Ликвидация суверенитета Кабарды и включение ее в состав Российской империи проходило в несколько этапов – покушение на территориальный суверенитет и постройка на ее землях русской военной крепости Моздок – было первым шагом в этом направлении. За ним последовали и другие меры: вмешательство во внутренние дела Кабарды с использованием обострившихся здесь межсословных противоречий, выведение из под зависимости кабардинских князей соседних народов, учреждение в 1793 г. в Моздоке Верхнего пограничного суда под председательством российского офицера, рассматривавше-

го уголовные дела по российским законам, введение должности пристава, запрет сбора дворянского ополчения и проведения сословно-представительских собраний Хасэ, дальнейшее отторжение кабардинских земель и строительство кордонных линий как по периметру, так и внутри Кабарды. Кабардинские князья, ревниво относившиеся к своим владельческим правам, достаточно резко и оперативно отреагировали на покушения на суверенитет своей страны, предприняв комплекс мер военного и дипломатического характера. Эти меры были направлены на то, чтобы оказать давление на Россию с тем, чтобы вернуть кабардино-русские отношения к прежнему формату отношений. В 1764 г. на р. Зеленчук состоялось совещание представителей Кабарды, ногайцев и закубанских черкесов (бесленеевцев, темиргоевцев и др.). В то же время в Петербург было отправлено посольство с требованием срытия Моздока и возврата беглых крепостных крестьян. В случае отклонения претензий предполагалось совершить нападения на Моздок и другие укрепления³². Понимая недостаточность своих сил для противостояния военной машине России, кабардинские князья проводят активную деятельность по созданию вооруженной коалиции народов Кавказа в лице ногайцев, чеченцев, черкесов Закубанья, вместе с которыми принимают участие в нападениях на пограничные российские крепости, города и станицы (Кизляр 1865, Наурская 1874). Уже с 1763 г. небольшие партии кабардинцев совместно с ногайцами и закубанскими черкесами совершают набеги на кордонной линии, ставя под угрозу безопасность коммуникаций. Так в 1763 г. между Кизляром и Астраханью был разбит купеческий караван, в связи с чем, российские власти намеревались задержать в Кизляре кабардинских владельцев, подозревая последних в участии в этом нападении³³. Первое вооруженное столкновение на территории непосредственно Кабарды между российской армией и наиболее непримиримой группировкой кабардинских князей произошло в 1769 г. Весной этого года в верховьях Кумы в урочище Эш-какон они были разбиты войсками под командованием генерала Медема и понесли чувствительные потери³⁴. Военные действия, сопровождаемые нападениями кабардинцев на кордонную линию и карательными экспедициями российских войск продолжались в течение нескольких десятков лет и привели Кабарду к демографической и политической катастрофе, в результате которой она потеряла 9/10 своего народонаселения и 2/3 терри-

тории. Процесс завоевания Кабарды (в русской имперской терминологии – покорения) был окончательно завершён только к 1825 году и занял свыше 60 лет. Учитывая вышеизложенное, 1763 год – начало борьбы кабардинского народа за свою независимость – можно считать верхней датой хронологических рамок Кавказской войны, что по нашему мнению, будет соответствовать исторической фактологии. Когда за точку отсчёта берутся другие даты (1801, 1816 и др.) полувековая борьба Кабарды против колониальной политики России выпадает из истории Кавказской войны. А между тем, хорошо известно, что «покорение» Кабарды было первым шагом в реализации имперских планов по включению Северного Кавказа в состав России в силу ее важного военно-стратегического и политического положения в регионе. Не взяв под военно-административный контроль Центральный Кавказ и доминировавшую здесь Кабарду, невозможно было начинать завоевание Западного и Восточного Кавказа.

В советский период на базе региональных научно-исследовательских институтов началась разработка темы национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа (в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, Чечено-Ингушетии, Дагестане). Эти исследования имеют значение для освещения истории Кавказской войны, но они носят местный характер и не дают общей картины такого масштабного исторического явления, каким была война России на Кавказе, хронологические рамки которого охватывают целое столетие. Исследователи должны учитывать, что Российская империя ставила своей целью завоевание не отдельных народов, а всего региона. Поэтому в тактических целях территория ставшая театром боевых действий была поделена Генеральным штабом Российской армии на Центр (Центральный Кавказ – Кабарда), Правый фланг (Северо-Западный Кавказ – Западная Черкесия) и Левый фланг (Северо-Восточный Кавказ – Чечня и Дагестан). На сегодняшний день нет обобщающего труда, посвященного истории Русско-Кавказской войны, охватывающего весь период и весь регион. Если же российское и северо-кавказское научное сообщество в перспективе возьмется за написание такого фундаментального труда, то было бы целесообразно проводить освещение этого масштабного по продолжительности и событийному материалу исторического явления в трех направлениях: война на Центральном, Западном и Восточном Кавказе. Так как завоевание Кавказа проводилось поэтапно и одни народы раньше,

другие позже были вовлечены в эту войну, то история войны на Западном, Центральном и Восточном Кавказе имеет разные хронологические рамки. Изложение материала внутри этих хронологических рамок в свою очередь может быть разбито на периоды. К примеру, история завоевания Центрального Кавказа имела свою хронологию – оно началось в 1763 г. (построение крепости Моздок) и завершилось в 1828 (взятие под контроль Карачая после похода генерала Эммануэля). Внутри этих хронологических рамок можно выделить несколько периодов: 1763 (основание Моздока) – 1793 гг. (учреждение родовых расправ и Верхнего пограничного суда в Моздоке, назначение в Кабарде пристава); 1793–1822 гг. (конец эпохи «духовного» шариатского правления, прибытие в Кабарду генерала А.П. Ермолова и его деятельность по постройке внутри Кабарды военных укреплений, учреждение Временного кабардинского суда, лишение кабардинцев последних остатков независимости); 1822–1828 гг. (покорение Карачая и окончательное принятие под юрисдикцию России ранее подвластных кабардинским владельцам народов Центрального Кавказа).

Для Западного Кавказа общие хронологические рамки войны можно обозначить 1790 (поход генерала Бибикова на Анапу) – 1864 гг. (парад русских войск 21 мая в урочище Кбаада в честь окончания Кавказской войны).

Для Восточного Кавказа датой отсчета войны можно считать 1785 г. – начало военной компании под руководством шейха Мансура, а завершающей – 1859 г. – сдача в плен имама Шамиля и окончание войны на Восточном Кавказе.

Внутри этих хронологических рамок для войны на Западном и Восточном Кавказе можно выделить в свою очередь периоды обозначенные датами событий наиболее значимых для истории Кавказской войны в этих регионах. Например, применительно к истории завоевания Западного Кавказа, можно использовать следующую периодизацию: 1790 (поход русской армии на Анапу) – 1829 гг. (заключение Андрианопольского мирного договора между Турцией и Россией, давшее последней юридические права на эти территории), 1829–1860 гг. (совещание во Владикавказе 3 октября на котором был принят роковой для черкесов план по их выселению с Кавказа), 1860–1864 гг. (завершающий этап Кавказской войны).

Кавказская война завершилась трагедией для черкесского народа, в результате которой большинство черкесского этноса и

часть других народов Северного Кавказа были насильственно перемещены за пределы исторической родины и оказались в качестве изгнанников в Османской империи. Огромные людские потери, понесенные во время самой войны и выселения в Турцию трудно оценить. Для черкесского этноса они равнозначны понятию демографической катастрофе. Эти события навсегда отразились в народной памяти и стали частью национального самосознания. На уровне народного массового сознания они были осмыслены, что нашло отражение в народных песнях и преданиях кавказских народов. Объективная историческая оценка событий тех далеких лет необходима для исторической науки, для которой, как и для любой науки не может быть закрытых тем, а стремление к познанию и осмыслению прошлого должно быть главной целью. Такие события имели место в истории многих стран, имевших колониальное и имперское прошлое, негативные последствия которого было преодолено ими в современную эпоху, благодаря именно объективному признанию этих фактов и возможности широких кругов общества ознакомиться с историческим прошлым своих стран.

Примечания

1. Покровский Н.М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1991. С. 179.
2. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 3.
3. Международная Черкесская ассоциация 1991–2011. Сборник документов и материалов. Нальчик. ООО «Тетраграф», 2011. С. 75, 83.
4. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «Наименьшее зло». Письмо в редакцию. Вопросы истории. М., 1951. № 4. С. 44–48.
5. Багиров М.Д. Старший брат в семье советских народов. Коммунист, 1953. № 3.
6. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. История СССР. М., 1983. № 2. С. 85–96.
7. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
8. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-х–50-х годах XIX в. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994; Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994; Черкесия в XIX веке (материалы 1 Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991; Кавказская война – уроки истории и современность: материалы научной конференции. Краснодар, 1995.
9. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994. С. 260–261.
10. Там же. С. 260–262.

11. Дневник *П.А. Валуева*. М., 1961. Т. 1. С. 38. Цит. По: *Я. Гордин*. Зачем России нужен был Кавказ – иллюзии и реальность. СПб. Журнал «Звезда». 2008. С. 202.
12. *Лапин В.В.* Кавказская война. Кавказ и Россия. История, обычаи, религия. СПб. Журнал «Звезда», 2006. С. 14–15.
13. *Фадеев Р.* Кавказская война. М., 2005. С. 6–7.
14. *Там же*.
15. *Гордин Я.* Зачем России нужен был Кавказ: иллюзии и реальность. СПб. Журнал «Звезда», 2008. С. 21.
16. *Там же* С. 11–12.
17. *Лапин В.В.* Указ. соч. С. 14–15.
18. *Фадеев Р.* Письма с Кавказа. Кавказская война. М., 2005. С. 150.
19. По итогам Крымской войны 18 (30) марта 1856 г. на Парижском конгрессе, открывшемся 13 (25) февраля 1856 года в столице Франции был заключен Парижский договор (Парижский мирный трактат) между Россией, с одной стороны и союзниками (Османская империя, Франция, Британская империя, Австрия, Сардиния, Пруссия). Один из пунктов договора запрещал России иметь на Черном море военный флот и строить крепости на побережье.
20. *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Кавказская война. М., 2005. С. 62–64.
21. *Там же*. С. 87.
22. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Стихотворения 1825–1836 годов. М.: «Художественная литература». 1974. Т. 2. С. 246.
23. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 198.
24. *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Кавказская война. М., 2005. С. 40–41.
25. *Лапин В.В.* Указ. соч. С. 12–13.
26. *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Кавказская война. М., 2005. С. 33–34.
27. *Лапин В.В.* Указ. соч. С. 8.
28. *Там же*. С. 10.
29. *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Кавказская война. М., 2005. С. 37–38.
30. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 56.
31. *Кожев З.А.* Крушение традиционного черкесского мира. Кавказская война (1763–1864 гг.). Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 204.
32. *Там же*. С. 205.
33. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Нальчик. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА». 2001. С. 300–301.
34. *Там же*. С. 303.

A.S. MIRZOEV

**CAUCASIAN WAR –
TITLE, DEFINITION, CHRONOLOGY AND PERIODIZATION**

Article is devoted to the study of the history of the Caucasian War in prerevolutionary, Soviet and modern historiography, such as name of its aspects of war, its scientific definition, causes and nature of the chronology and periodization. The author compares the different research approaches in the scientific understanding of the problem and offers the vision of some aspects of its coverage.

Keywords: colonization, conquest, military and administrative control, imperial ideology, national liberation movement, geopolitical, religious, civilizational factors.

УДК – 392.3 (=352.3)

Прасолов Д.Н.
(г. Нальчик)

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА КАБАРДИНЦЕВ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В статье рассматриваются некоторые тенденции трансформации религиозной культуры кабардинцев под влиянием социокультурных изменений, обусловленных Кавказской войной и интеграцией Кабарды в административно-политическую систему Российской империи.

Ключевые слова: Кабарда, Российская империя, интеграция, Кавказская война, ислам, фундаментализм, служители исламского культа, шариятское движение, мехкеме, идентичность.

В исторической памяти адыгов и в частности, кабардинцев, хронологический отрезок с конца XVIII по начало XX в. в первую очередь ассоциируется с образами Кавказской войны и мухаджирства. Однако при более широком взгляде на исторические процессы нам представляется, что за негативными воспоминаниями остается незамеченным другой, более масштабный, сложный и неоднозначный процесс – интеграция с новым политическим и социокультурным контекстом Российской империи. Во второй половине XVIII – начале XIX в. одним из основных интеграционных механизмов стали военно-политические и колонизационные мероприятия, которые осуществлялись в рамках Кавказской войны. Значительное влияние на интеграционные процессы в этот период оказывал идеологический фактор, обусловленный завершившейся во второй половине XVIII в. исла-

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» в рамках направления «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре» по проекту «Идентичность в поисках традиции: народы Кабардино-Балкарии в государственно-политических и социокультурных трансформациях».

мизацией кабардинского общества. В частности, в идеях религиозной несовместимости с условиями вхождения в социокультурное пространство Российской империи находили обоснование как военное сопротивление, так и иные формы проявления неприятия интеграционных преобразований. Одним из первых социально-политическую роль ислама в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. проанализировал В.Х. Кажаров в монографии 1992 г.¹, продолжив это направление исследований в серии статей².

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к максимальному государственному контролю над всеми религиями (в первую очередь православием) на территории страны. Именно с этой практической целью с конца XVIII в. в присоединяемых мусульманских окраинах создаются религиозные исламские учреждения и организации их служителей. При этом учитывался опыт Османской империи и ее вассала – Крымского ханства – с их «огосударственной» системой суннитских муфтиятов, генетически восходящих к XV в.³

В отличие от Западной Черкесии⁴, обращения к служителям исламского культа, как целевой аудитории интеграционных мероприятий, в Кабарде начались на 50–60 лет раньше, еще в конце XVIII в. Первые сведения о наличии в Кабарде лояльного к царскому командованию духовенства относятся ко времени движения шейха Мансура (1785–1791 гг.)⁵. Вскоре здесь начинается внедрение «российского» варианта государственно-исламских отношений, который использовался как инструмент внешней политики и сознательно противопоставлялся «фундаменталистской» модели, формирующейся на рубеже 80–90-х гг. XVIII в. Включение Кабарды в сферу деятельности Оренбургского духовного управления, созданного в 1788–1789 гг., ознаменовалось тем, что при открытии здесь в 1793 г. Родовых судов и расправ присутствовал «со стороны духовенства для истязания их (кабардинцев. – Д.П.) совести» Мамед-Джан-Хусейн⁶ – русский дипломат и разведчик на Кавказе и по совместительству в 1788–1824 гг. первый оренбургский муфтий⁷. В деятельности Родовых судов и расправ участвовали и представители местного духовенства⁸, включавшегося, таким образом, в региональную административно-судебную систему. В дальнейшем роль духовенства в общественной жизни и особенно в судебно-административной

системе Кабарды только возрастает, однако течение этого процесса шло вразрез с интеграционными замыслами российского правительства⁹.

Возросшее влияние религии на политическую жизнь в рамках шариатского движения в Кабарде конца XVIII – начала XIX в. приводит к творческому переосмыслению кабардинской знатью эгалитаристских идей ислама в декларацию о «введении равенства между владельцами и узденями». В интерпретации генерал-лейтенанта Кнорринга эти намерения вызвали прямые ассоциации с событиями французской революции¹⁰. Однако прозвучавшие идеи предназначались только для сословий господствующего класса. «Народным условием...» 1807 г. – ключевым актом шариатского движения, – была установлена норма, согласно которой «отпущенным на волю князьями и узденями людям не дозволяется уходить из их аулов в другие; они должны жить в них, как сами, так и происшедшие от них дети, не перенося имущества»¹¹, что привело к фактическому ужесточению административной зависимости от аульных владельцев даже вольноотпущенников.

В.Х. Кажаров не исключает возможность обещания крестьянам освобождения от крепостной зависимости¹². Однако ни нормы «Народного условия», ни социальная политика шариатского движения не подтверждают такое предположение. Более того, все вопросы, касающиеся взаимоотношения владельцев и крепостных, были оставлены в компетенции более упорядоченного обычного права¹³. Не удивительно, что вслед за этим последовало обострение противоречий между зависимыми сословиями и господствующим классом. В апреле 1808 г. около 3 тысяч крестьян организовали выступление против своих владельцев с тем, чтобы «сыскать себе по введенному в Кабарде древнему обычаю и по принятому ныне всеми владельцами, узденями, духовенством праву, что по магометанскому закону иметь им равные права»¹⁴.

В 1807 г. идя навстречу просьбам кабардинцев, царское командование «учреждает» «духовные суды»¹⁵. Параллельно прилагаются усилия для привлечения к сотрудничеству с военной администрацией даже лидеров шариатского движения, причем предлагалось «к склонению для общей пользы на пребудущее время к преданности, верности и усердию российскому престолу» наградить их повышением в армейских чинах и ценными подарками¹⁶.

Однако эта политика не оправдалась, и только со смертью Адиль-Гирея Атажукина и Исхака Абукова в конце 1807 г. возможность «воспитать» духовенство, «которое бы действовало согласно с намерением и видами Российского начальства»¹⁷, стала рассматриваться вновь.

Но смерть лидеров шариатского движения еще больше ожесточила противостояние духовенства и российской военной администрации. По признанию последней, «кабардинские эфендии, нашей стороны, придерживающиеся к успокоению ветренности кабардинского народа в нашу пользу, видно, уже не в силах удерживать общенародного, к легкомысленности и волнению склонного стремления, или принуждены уже к тому содействовать противникам своим совокупно силою закона мухаммеданскаго»¹⁸.

О степени проникновения исламского мировоззрения в общественное сознание кабардинцев говорят свидетельства о фатализме, распространившемся в значительной части общества в условиях чумы. Р. Лайэлл в 1822 г. писал о чуме, «которая частенько свирепствует в горах и против которой не применяется никаких средств: горцы, наподобие татар, являются подлинными последователями магометанства и питают сильнейшую веру в фатализм»¹⁹. В 1808 г. И.П. Дельпоццо сообщал: «Уже тому пять лет, как они [кабардинцы. – Д.П.] видят, что моровая язва между ими сильно свирепствует, о которой осталась их почти только десятая доля... Я... советовал..., чтобы они береглись и приняли спасительные меры... Отвечают, что сей поступок закону их противен... живут в местах с зараженными по то время, покуда смерть их самих не истребит, вместо того, чтобы платить мертвых и до чего они прикасались сжечь, родня оные тотчас надевает... их муллы вложили им мысль, что все сие их бедствие зависит от провидения Божия»²⁰.

В 1811 г. генерал Тормасов сообщал министру внутренних дел А.Б. Куракину: «Главный кабардинского народа пристав генерал-майор Дельпоццо получил известия через нарочного посланного им в Кабарду для осведомления действий там заразной болезни, что язва во всех тех местах где свирепствовала, хотя с некоторым уменьшением, но все еще продолжается. Генерал-майор Дельпоццо по предписанию моему предлагал кабардинским владельцам, чтобы они приняли наших врачей для показания средств к истреблению заразы внушая им пользу от сего произойти имеющую; но все его к тому наклонения

остались тщетными и кабардинцы отозвались, что в абазе за всеми предосторожностями и распоряжениями российского начальства заразительная болезнь третий уже год существует, не прекращается, а между тем при принятии мер к пресечению оной они терпят неприятности в противность их закона; а затем кабардинские владельцы отозвались что они сами не уверены, чтобы народ их повиновался правилам наставления врачей, и по суеверию своему приписывают несчастье сие предопределением свыше им насылаемым и в избавление от оногo отдают единственно на волю божию»²¹. Эта характеристика прекрасно иллюстрировала положение, о котором в июне 1810 г. сообщал ген. Булгаков в рапорте ген. Тормасову: «Духовенство владычествует ныне совершенно над Кабардинцами; имея его на нашей стороне, значит то же, что иметь самую слепую подчиненность»²².

Однако степень влияния таких взглядов не была абсолютной. В то же время И.П. Дельпоццо сообщал и об успехах профилактических мер по борьбе с заразной болезнью. «Младший владелец» Кармовского аула Мустафа Кармов «прежде всех уведомил о появившейся заразе и как он также и старший брат его Пашалык Кармов способствовали к прекращении сей болезни собственным примером и советами своим подвластным о сохранении всех правил осторожности»²³.

Интересно свидетельство Дж. Белла, который, высаживаясь на шапсутское побережье в 1837 г., столкнулся с самыми тщательными предосторожностями, которые предпринимали адыги ко всем приезжим, опасаясь занесения на их землю заразы. Удивляясь увиденному, Дж. Белл отмечал, что черкесы, «хотя в общем и приняли веру турок, все еще отказываются следовать их доктрине фатализма – во всей их абсурдной неуклонности»²⁴.

Однако практические меры царского командования, скорее, провоцировали религиозную вражду²⁵, и в период т.н. «духовного правления» (1807–1822 гг.) российская администрация фактически утрачивает влияние на мусульманское духовенство в Кабарде. Этот итог был негативно оценен генералом А.П. Ермоловым²⁶, назначенным кавказским главнокомандующим в 1816 г. Не создав детально разработанной структуры управления духовной жизнью мусульман Кавказа, А.П. Ермолов был ориентирован на значительное ограничение применения норм шариата в судебной практике и расширение сферы использования российского законодательства при разрешении правовых конфликтов²⁷.

В «Наставлении» А.П. Ермолова к деятельности Кабардинского временного суда, учрежденного в 1822 г. взамен мехкеме, судебные функции духовенства были ограничены только «делами духовными». При суде появляется должность Народного кадия, которому полагалось от казны «достойное содержание» в размере 300 руб. в год²⁸. К середине XIX в. на него возлагались задача «духовного управления» Кабардой для обеспечения в ней общественного спокойствия, участие в заседаниях Временного суда, аттестация сельских мулл не только на знание Корана, но и на предмет политической благонадежности, а также ряд гражданских обязанностей.

Для предотвращения внешних связей духовенства был ограничен выезд кабардинцев за пределы Кабарды и «словесно запрещен» хадж; одновременно запрещался въезд «в пределы наши всяким лицам духовного магометанского звания... даже и нашим подданным, ежели приняли духовное звание за границею»²⁹. Эти действия администрации во многом провоцировали новые волнения и рост переселенческого движения³⁰. Не добившись реализации планов шариатского движения, ввиду утраченной независимости Кабарды, часть кабардинских владельцев предприняла переселение за Кубань, руководствуясь в немалой степени и религиозными соображениями. Тем самым впервые была использована новая форма ухода от социально-политических перемен интеграции. Религиозная мотивация этого процесса проявилась в определении переселенцев как «хаджиретов» (от хиджры), а области их проживания, как Хаджиретовой Кабарды (к 1830-м гг. здесь сосредотачивалось 25–30% кабардинцев).

Во второй четверти XIX в., осознавая прочность позиций ислама в Кабарде, российские власти прилагают усилия по максимальному использованию мусульманского духовенства в своих целях. Это вызывает в его среде колебания: от пропаганды сопротивления российским властям и установленным ими административным порядкам до демонстративной лояльности. Особенно ярко это проявилось в деятельности Народного кадия У. Шеретлокова³¹.

Несмотря на недостаток «надежных кабардинских духовных»³² и продолжение многими муллами антироссийской пропаганды³³, ситуацию все-таки удалось переломить. Об этом свидетельствует неудача вторжения Шамиля в Кабарду в 1846 г.: он не получил здесь ожидаемой поддержки, а значительная часть кабардинской

аристократии и мусульманского духовенства заняла явно проправительственную сторону. В условиях катастрофических последствий Кавказской войны для Кабарды это являлось вполне понятной позицией, отвечающей задачам самосохранения этноса.

В 1851 г. по распоряжению военных властей Центра Кавказской линии для усиления «духовного надзора за мусульманским духовенством в Кабарде»³⁴ духовно-административная иерархия была дополнена муллами, руководящими духовенством каждой из княжеских фамилий. От аульных мулл требовалось, чтобы они «каждую пятницу поучали народ, толковали им обязанности их к Богу, царю, правительству и ближним». Было начато также санкционированное российскими властями строительство каменных мечетей³⁵.

Таким образом, во второй четверти XIX в. основными направлениями религиозной политики царской администрации в Кабарде становятся ограничение юрисдикции шариатского судопроизводства, включение в судебно-административную систему лояльного духовенства, ужесточение контроля над отбором мусульманских священнослужителей³⁶. «Воспитание» лояльности осуществлялось через введение таких атрибутов имперской идентичности, как «молитва за Царя»³⁷, присяга на Коране и т.п., вводившихся при участии духовенства. Регламентация основных видов деятельности мусульманского духовенства переходит к российской администрации³⁸. Политическая активность мусульманского духовенства в Кабарде снижается, и в основной своей массе оно превращается в демонстративно лояльную часть кабардинской социальной элиты.

Таким образом, с конца XVIII в. значительное влияние на религиозную культуру кабардинцев оказала Кавказская война, сопровождавшаяся мероприятиями по интеграции служителей исламского культа в государственную систему управления духовной жизнью российских мусульман. В этот период ислам стал важнейшим маркером этнической идентичности кабардинцев, определяя их отношение к мероприятиям по включению кабардинского общества в социокультурную систему российского государства. После пленения Шамиля в 1859 г. и с началом в середине 1860-х гг. земельных, административно-судебных и сословных преобразований в Кабарде начинается наиболее массовый и вновь религиозно мотивированный исход в пределы Османской империи, известный как мухаджирство. На протя-

жении последней трети XIX – начала XX в. сохранялась высокая степень готовности определенной части общества к новым актам переселения, что в немалой степени свидетельствовало о сохранявшемся некомфортном религиозном самочувствии среди кабардинцев.

Примечания

1. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 86–110.
2. Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86; Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 398–425; Кажаров В.Х. Кабарда в период «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 255–272.
3. Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник института Кеннана в России. 2004. Т. 6. С. 59.
4. Нефляшева Н.А. Эволюции функций и статуса служителей мусульманского культа на северо-западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Востоковедение. 2008. Сер.13. № 4. С. 38–39.
5. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000. С. 46–47; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: Сборник документов / Сост. Р.У. Туганов. 1787–1791 гг. Нальчик, 2004. Т. IV. С. 256, 274.
6. Из документальной истории... С. 59.
7. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. и автор вводной статьи., комментарии и приложений Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 50–51.
8. Бутков П.Г. Материалы для Новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 266.
9. См.: Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения...; Хубиев Э.Ю. К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 112–131.
10. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 92–93.
11. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик, 2002. Вып. I. С. 204.
12. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев... С. 290.
13. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 217.
14. Цит. по: Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С. 46.
15. Из документальной истории... С. 272, 374; Неизвестный автор. Описание кабардинцев // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 47; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 76–77.
16. Из документальной истории... С. 202, 204.

17. Там же. С. 227–228.
18. Там же. С. 226.
19. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. [Составление В.К. Гарданова]. Нальчик, 1974 (далее – АБКИЕА). С. 327.
20. Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 14.
21. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Т. 1. Л. 36–37.
22. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 829–830.
23. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Т. 1. Л. 16.
24. АБКИЕА. С. 459–460.
25. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000. С. 329–330.
26. Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. Часть II. С. 18.
27. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. С. 69.
28. Из документальной истории... С. 237, 239, 240.
29. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 74.
30. Из документальной истории... С. 389.
31. Мукожев А.Х. Народный эфендий Умар Шеретлоков // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 349.
32. Из документальной истории... С. 390.
33. Центральный государственный архив КБР (далее – ЦГА КБР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 231. Л. 173 об.
34. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 354.
35. ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 6, 27.
36. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 908. Л. 1–3.
37. Арапов Д.Ю. Указ. соч. С. 71–72.
38. Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 122–123.

D.N. PRASOLOV

RELIGIOUS CULTURE OF KABARDIANS DURING THE CAUCASIAN WAR: TRANSFORMATION'S PROBLEMS

In article some tendencies of transformation of religious culture of Kabardians under the influence of the sociocultural changes caused by the Caucasian war and Kabarda's integration into administrative political system of the Russian Empire are considered.

Keywords: Kabarda, Russian Empire, integration, Caucasian war, Islam, fundamentalism, attendants of an Islamic cult, sharia movement, mekhkema, identity.

Текуева М.А.
(г. Нальчик)

ЖЕНЩИНЫ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ: СКОРЬБЬ И СЛЕЗЫ ИЛИ ПОДВИГ И ЧЕСТЬ?

В статье делается попытка применить к исследованию фольклорных источников о Кавказской войне гендерный подход, «озвучив» роль женщин в истории Кабарды, пунктирно определить место адыгских женщин в военное время на анализе нескольких народных сюжетов периода Кавказской войны.

Ключевые слова: Кавказская война, женщины, фольклор, народные песни, частное пространство, женские тексты.

Кавказская война известна нам только по тому, как в ней проявили себя мужчины и как потом мужчины же написали ее историю. Женщины в этой исторической драме представляли некую молчаливую массу, и можно только догадываться, сколько в стенах домашнего женского пространства пережито чувств: ожидания, терпения, страха, гордости, боли, потерь. Эти нематериальные и незадокументированные аспекты истории являются несчитываемой эмоциональной составляющей частной женской истории. Женский голос практически не слышен в исторических документах, женские имена затерялись в трагедии Кавказской войны.

Тем дороже нам те редкие свидетельства женского участия в событиях военных лет, которые можно найти в фольклорных источниках. И тут оказывается, почти в каждой песне содержатся сведения о реальных женщинах. Почти всегда это *гъыбзэ* – песни-плачи по погибшим мужьям, братьям, сыновьям. Эти народные поэтические сочинения имеют самостоятельную ценность для написания «женской истории», так как содержат бесценную информацию о системе ценностей женской культуры адыгов: нравственные основы жизни, нюансы семейных взаимоотношений, интимные подробности любовных переживаний, комплекс качеств достойного мужчины, представления о счастье и т.д. При этом женщины, не являясь главными героями *гъыбзэ*, занимают скромное место «за кадром», вне хроники событий.

Однако в ряде песен упоминаются реальные женские имена для усиления эффекта от описываемых событий: «мертвой среди трупов красуется красавица, дочь Бабуковых»¹, или в завязке сюжета, для обозначения повода для сражения: «Ажагоевых Фардаус-красавицу донские казаки увозили»², или для иллюстрации трагического финала: «Кому мир этот тесен из-за горя, – это Кумпылхан-красавице»³.

В поиске информации об участии женщин в событиях Кавказской войны обращаемся к сборнику устного народного творчества «Кабардинский фольклор», изданному в 1936 г., и находим потрясающее по драматическому накалу произведение «Разорение селения»⁴. Речь в песне идет о русском нападении на аул князя Али Карамурзина в 1825 г. Она исполняется от имени женщин, многолюдна по количеству действующих лиц, и практически все они – женщины. Цель написания моей статьи состоит в оживлении их имен, поэтому буду конкретна: это княгини Эльмесхан и Хани Карамурзины, униженные пленением; это Гошехурей Шогенова, бросившаяся на русские штыки в отчаянном порыве сохранить девственность засватанной невесты; это русоволосая худенькая Ханио, «шелковые косы которой – поводья для проклятых гяуров»; это мать двух маленьких девочек красавица Гура, потерявшая сознание в борьбе за свою честь и проклинаящая бежавшего в горы мужа; это пожилая княгиня Шырыхона, бесстрашно вступившая в бой с врагами.

Текст одиннадцати куплетов дает представление об особенностях «женского письма» – расстановке акцентов в значимости событий, их последовательности, достоверности в деталях (в противовес абстрактности «мужских» текстов, затрудняющей реконструкцию реального сюжета). Так, изначально очевиден исход нападения – захват неприятелем женщин, и именно это – главная беда войны, семантически объединяющая такие понятия как потеря независимости, оскорбление чести, народное несчастье.

Женские голоса отчетливо повествуют о героизме мужчин, вставших на их защиту («храбрый Жабаги Таов», «золотой наш Хаджи Нартыжев», «старший Шумахо Шогенов», «меньшой Ту-тука Бараков»). Особо отмечается доблесть Исмаила Атлескирова, который «не опуская простреленных рук, крутясь со своей острой саблей, отбил свою жену из плена». В отличие от «мужских» песен здесь на фоне масштабной трагедии просматриваются частные элементы женских переживаний. Антропологиче-

ские детали дополняют объективное представление о периоде войны, ярко высвечивая реальные предметы, ситуации, чувства, давая полное представление о самом событии и о предыстории «мирного счастья». Женские голоса свидетельствуют о жестоком характере нападения на мирное селение, сопровождавшееся насилием против женщин: «Сафьяновые коншибы на груди у нас рвут штыками. Снимать бы их юным уоркам урочной ночью брачной»; «Шелк моего бешмета в ошметки порвали штыками»; «Наши шапочки златотканые на глаза нам сзади надвигают, а шелковые шаровары разрывают носком сапога». Поэтические приемы не умаляют жесткого документализма несчастья: «Глянешь на один конец селения – светит яркое солнце. Взглянешь на другой конец селения – трупы детей лежат как коряги». Бесчинство и жестокость, дозволенные армии на самом начальном этапе колониальной политики России в Кабарде, не позволяют усомниться в перспективных планах военного завоевания.

Ценный этнографический материал содержится в каждой фразе этой песни: в описании деталей одежды и внешности, в кратких оговорках о семейных связях и бытовых обычаях. Особое место занимают любовные откровения: «Как взгляну в стеклянные окна, все чудится мне пши молодой, а подойду к белой постели, вижу лохматого зверя»; «С красавцами золотоусыми тешились мы на постелях. А теперь солдатский начальник у печки тешится с нами». Занимающая женщин любовь к мужьям, к детям, к жизни и есть то, во имя чего стоит воевать. Но лишь в женских фольклорных текстах это очевидно, мужские – традиционно сдержаны, а потому и менее информативны.

Предельно правдиво содержание песни в историческом плане. Определяя главного врага – русских солдат, женщины указывают на предателей, своих соплеменников, записывая их имена в историю. И не только их. Страшна месть женщины трусливому мужу: называя его полное имя и фамилию – Али Коншаов, она и через 250 лет презирает его за предательство:

... кто был мне как крепость,
Укрылся в горах Андруга:
Это младший Али Коншаов.
Двух девочек-малолеток
От груди моей оторвали.
Лучше б мужу моему сгинуть
В тот день, как меня раздели!

Когда жили мы еще вместе,
Щеголял он тесьмой серебряной,
А когда нас брали гяуры,
В бою его не было видно.
Вернешься, трус рыжеусый,
Не вернешь ты красавицу Гуру!
Шелк моего бешмета
В ошметки порвали штыками.
Если б я не упала без памяти,
Живой бы меня ты не видел⁵.

Факты другого рода, являющиеся примером существенного, хоть и неформального влияния женщин, мы находим в фольклоре завершающего этапа Кавказской войны. Песня, о которой пойдет речь, повествует о реальных исторических фактах и хорошо известна среди шапсугов, прикубанских и ближневосточных адыгов⁶. Сюжет ее состоит в следующем. В 40–50-х годах XIX века в Западной Черкессии получила большую известность Кази (Казиева) Ханифа – девушка, заслужившая авторитет умом, красотой и женственностью. Ее совета не стеснялись спрашивать пожилые мужчины и женщины. Видимо, ей приписывались и какие-то мистические возможности, потому что люди верили, что ее благословение имело охранительное действие для юношей, впервые участвовавших в бою.

К ней приезжает свататься известный шапсутский военный предводитель Коджебердуко Мхамат. Предложение его Ханифа посчитала не совсем своевременным и уместным во время войны, но, не отказав прямо, поставила ему условие – в качестве выкупа за невесту отбить у русских пушку: *«уасэри зэманым ещхьци»* – «калым соответствует времени». Это условие должно было стать настоящим испытанием для жениха, выполнение которого предполагало набег на русскую крепость, серьезное сражение и занятие новых позиций. Запрошенный девушкой специфический калым был выплачен в срок, чем жених доказал не только серьезность своих намерений, но и мужество, и верность данному слову, связанную со смертельной опасностью – по разным вариантам этой песни Мхамат умер от раны, полученной в бою за пушку, или погиб вскоре после своей свадьбы.

Самым примечательным является пояснительный комментарий в виде традиционного устного сказания, сопровождавшего эту песню. Добытая с таким трудом пушка, по одним источникам, была поднята по желанию Ханифы на заметную возвышен-

ность, по другим – поставлена в ее собственном дворе, дуло оружия, направленное в сторону русских позиций, было опущено вниз и зарыто в землю. Таким образом, мудрая девушка сначала поставила условие, имевшее целью указать на неуместность сватовства во время войны, а убедившись в способности мужчины на подвиг во имя свободы народа и любимой женщины, ознаменовала изменение своего девичьего статуса символическим жестом, говорящим об усталости от войны и о готовности адыгов к ее прекращению, и о стремлении женщин к радостям повседневной жизни, связанной с любовью, семьей, с рождением и воспитанием детей. Но сделано это было без унылой покорности, а с чувством собственной гордости и уважения к врагу. Миротворческие инициативы Ханифы не могли быть приняты и даже услышаны в силу несоответствия масштабам российских геополитических планов, если говорить глубже – из-за противоречия между женским центростремительным стремлением к стабильности приватной среды и мужскими амбициями к самореализации в политической публичной сфере.

Анализ этого фольклорного цикла не ограничивается пафосом антиколониальной борьбы. Существенное значение для изучения женского сознания имеет «мелодраматическая» часть сказания.

Итак, Мхамат получил смертельное ранение, отбив пушку у неприятеля. Это было брачным условием, поставленным ему невестой – Кази Ханифой. Когда стало ясно, что ее жених умирает, для исполнения своей части договора девушка потребовала официального оформления брака, и в единственную ночь их супружеской жизни она разделась донага и легла рядом с умирающим мужем, крепко обняв его и согревая своим телом. Оставляя в стороне другие значения этого поступка, заключающиеся в романтике любовных отношений, готовности во имя них к самопожертвованию, верности принятым на себя обязательствам, отметим здесь конкретное неформальное понимание девушкой супружеского долга, ее своеобразной попытки избежать фиктивного брака.

Другое сказание, услышанное в Причерноморской Шапсугии и продублированное знатоками адыгского фольклора из Турции⁷, повествует о продолжении этой истории. Вскоре после гибели жениха Ханифа исчезла. А отряд Коджебердуко пополнился молодым, еще безусым всадником, отличавшимся от-

чайной смелостью. В последних сражениях Кавказкой войны он был убит. Когда его раздели для ритуального омовения, обнаружилось, что это девушка. На груди ее висело подобие медальона, содержавшее запись на арабском языке: «Кази Ханифа, отдавшая жизнь за шапсутский народ». Таким образом, эта женщина подвигла на военное выступление группу мужчин, ее брачное условие иллюстрировало приоритет патриотических мотивов перед личными чувствами, что служило примером самоотверженного служения идее освобождения и стимулом продолжения борьбы для каждого, а ее способ использования оружия в мирных целях указывал альтернативный путь развития событий. Недаром джегуако выбрал для своей песни этот сюжет и использовал образ Ханифы как сильное средство психологического воздействия на массы на завершающем этапе Кавказской войны, тяжелом для адыгов в плане осознания ими своей обреченности на поражение.

Здесь кажется уместным обратиться к размышлениям философа Ольги Ворониной о доктрине отдельных сфер или концепции разделения личного и общественного. Она ссылается на утверждение Локка о том, что личная и общественная сферы базируются на противостоящих принципах; это проявляется в конфликтующих статусах женщин и мужчин, где естественное подчинение противостоит свободному индивидуализму. Семья базируется на естественных узах крови и чувств и на предписанном сексуальном статусе мужчины/отца и женщины/матери. Участие в общественной сфере управляется универсальным, беспристрастным и устоявшимся критерием достижений, интересов, прав и собственности – либеральным критерием, доступным только мужчинам... Разделение семьи (частной сферы) и политики (публичной сферы) носит у Локка гендерный характер. Естественным следствием принятия подобной концепции в либеральной теории (а в действительности почти во всех политических теориях) является обсуждение гражданского общества как отделенного от семейной сферы⁸.

Достойной информацией к размышлению на эту тему может служить пример из все той же истории о Кази Ханифе. Молодой человек, ожидавший в кунацкой ответа на свое предложение, оказался свидетелем напутственной речи, которую Ханифа произнесла отправлявшимся на войну юношам по просьбе их матери. Мхамата поразили ее мудрость, такт, сердечность, и это

навелю его на неожиданные мысли: «Как бы ни был увлечен Мхамат девушкой, в тот момент он серьезно засомневался, не затмит ли всеобщее преклонение перед умом и мудростью такой жены уважение к воинской славе, мужеству и победам ее мужа, не затеряется муж за юбкой женщины? Это эгоистическое чувство вытеснило другое сомнение: не пойдет ли во вред шапсугам замужество Ханифы – красоты и гордости народа? Имеет ли право мужчина единолично владеть такой женщиной – мудрой советчицей и совестью людей, обречь ее на банальное замужество и бытовую рутину?»

Вопросы эти ставятся для того, чтобы, обозначив сферу деятельности женщин в патриархальном обществе, сузив ее до замкнутой линии домашнего пространства, показать на ярком примере Ханифы скрытое значение женского влияния на общественные явления и судьбы отдельных людей. Важен вывод, к которому пришел герой сказания: «такая девушка сделает честь тому, кого выберет в мужа». Это отражает отношение мужского сознания и, в целом, мужской идеологии у адыгов к роли женщин в общественной жизни. Не пол определяет возможность женского участия или неучастия в публичной сфере деятельности, а способности каждой конкретной женщины. Или обстоятельства, вынуждающие ее на неординарные решения или поступки. Например, участие Ханифы в военных действиях, когда она приняла на себя мужские обязательства, во-первых, для того, чтобы продолжить дело мужа, а во-вторых, чтобы отомстить за его смерть, так как у него не было ни братьев, ни сыновей, на которых миссию мести налагало обычное право.

Примечания

1. Песня о реке Ходзь /Адыгские песни времен Кавказской войны. Изд. 2-е. Нальчик, 2014. С. 590
2. Гибель Асламбеча Ажагоева, его песня. Там же. С. 519.
3. Песня князя Кушука, Ажджериева сына. Там же. С. 529
4. Разорение селения // Кабардинский фольклор. М.;Л.: Academia, 1936. С. 364–368.
5. Там же. С. 367.
6. См. «Къоджэбэрдыкъо Мыхьэмэтыгыбз» (шапсугская версия), Къоджэбэрдыкъо Мыхьэмэты ищэхэх орэд» (бжедугская версия) / Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 3. Ч. 2. Составители В. Баргунов, З. Кардангушев. С. 86–93. См. также Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 255–257.

7. Записано автором со слов Битокова Беслана.

8. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. С. 23.

М.А. ТЕКУЕВА

**WOMEN IN THE CAUSASIAN WAR:
SORROW AND TEARS OR FEAT AND HONOR**

In this paper an attempt is made to apply agender perspectiveto the study of folklore sources about the Caucasian War, «voicing» the role of women in the history of Kabarda. We analyze a number of folkloric sources and define the role of women during the war in the Caucasus.

Keywords: Caucasian war, women, folklore, folk songs , private space, women's texts.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОХОДА ИМАМА ШАМИЛЯ В КАБАРДУ В АПРЕЛЕ 1846 г.

Статья посвящена исследованию социально-политических и экономических последствий похода имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. Устанавливается, что сразу же после ухода войск Шамиля из Кабарды в конце апреля 1846 г. российские власти начали реализацию комплекса мероприятий, направленных на стабилизацию обстановки в регионе (возведение и усиление военных укреплений, ужесточение борьбы с абречеством, а также различные формы поощрения военных, участвовавших в отражении похода).

Ключевые слова: Шамиль, Кабарда, абреки, Кавказская война.

Анализ источников и литературы дает возможность выделить в походе Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. подготовительную, активную и заключительную стадии. Подготовительная характеризуется активными действиями с обеих сторон. При этом действия Шамиля были направлены на мобилизацию военных отрядов, планирование похода в Кабарду и Дарьяльское ущелье и т.п. А с российской – укреплением позиций в регионе, стягиванием дополнительных вооруженных сил в места возможного вторжения войск Шамиля. При этом, стороны понимали, какое военно-стратегическое положение занимает Кабарда, и что, в случае положительного для Шамиля кабардинского похода может существенно измениться расстановка приоритетов и ход военных действий в регионе в целом. Активную фазу похода Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. также можно разделить на два подпериода: во-первых, переправа его военных отрядов через р. Терек и боестолкновение с российскими военными подразделениями под командованием полковника Левковича; во-вторых, вторжение на территорию Кабарды и занятие кабардинских аулов Магомета-Мирзы, Кургоко Анзорых и др.

Время нахождения отрядов Шамиля в Кабарде с 18 по 26 апреля 1846 г. характеризуется как переломный момент этой военной кампании. В это время стало ясно, что проживавшие в центре Кавказской линии народы, за некоторым исключением были не в состоянии оказать массовую поддержку освободительному движению на этом этапе Кавказской войны. Аналогично сложилась ситуация и с представителями закубанских народов. Кроме того, не увенчалась должным успехом военная кампания под предводительством сподвижника Шамиля Нур-Али на альтернативном фронте в Дарьяльском ущелье. Все это стало основанием для изменения планов Шамиля в отношении Кабарды на данном этапе Кавказской войны. Заключительная фаза кабардинского похода Шамиля связывается с его отступлением из Кабарды 26 апреля 1846 г. Несмотря на различные оценки очевидцев и исследователей относительно результатов этого события, военно-политическая ситуация на Центральном Кавказе не претерпела существенных изменений.

В условиях стабилизации обстановки на Центральном Кавказе российские власти разработали комплекс мероприятий, в числе которых: строительство военных укреплений, ужесточение борьбы с абречеством, поощрение военных, участвовавших в отражении вторжения Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. Однако угроза повторного вторжения Шамиля и его сподвижников на эту территорию не была снята, и российские чиновники постоянно получали сведения о готовящихся новых военных походах на Кабарду.

Сложившаяся на Центральном Кавказе обстановка после отступления Шамиля из Кабарды требовала принятия определенных решений со стороны высшего начальства в регионе. Все мероприятия должны были быть направлены на стабилизацию этой обстановки и предотвращение возможного вторжения отрядов горцев в последующем. Эти мероприятия носили различный характер, начиная от поощрения участвовавших в отражении похода Шамиля военных до возведения новых военных укреплений в регионе. В частности, награды и меры поощрения получили и некоторые черкесы, входившие в состав различных подразделений российских военных отрядов¹.

По данным С.Н. Бейтуганова, начальник Центра Кавказской линии «Голицын был смещен с должности в связи с походом Шамиля в Кабарду и переходом на его сторону некоторой части

кабардинцев в том числе и тлекотлеша Магомет-Мирзы Анзорова, который по его рекомендации попал в состав депутации, отправленной в Санкт-Петербург в 1844 г.»².

Несмотря на то, что поход Шамиля в целом не достиг своих целей, число абреков в Кабарде увеличилось, причем, как ушедших в Чечню, так и скрывающихся в лесах Кабарды. Не прекратилась и антироссийская агитация в регионе. В целях налаживания ситуации в регионе и ограждения его жителей от связей с абреками исполняющий должность начальника Центра Кавказской линии полковник Хлюпин в предписании начальнику Военно-Грузинской дороги от 21 мая 1846 г. сообщал, что он «предложил членам временного суда кабардинского и прочим князьям и узденям, собрать команды всадников кабардинских до 50 человек от каждой фамилии всего до 200 и поручить их благонадежным чиновникам отправить на Военно-Грузинскую дорогу для содержания там караулов, дабы не допустить абреков в Кабарду, а появившихся стараться словить и уничтожить»³. По данным А.Х. Касумова и Х.А. Касумова, «бегство кабардинских крестьян, князей и дворян в Чечню продолжалось и после похода Шамиля на Кабарду»⁴. И в качестве доказательства своего тезиса эти авторы приводили сообщение начальника Центра Кавказской линии Хлюпина от 10 августа 1847 г., в котором сообщалось, что «более чем 60 человек кабардинцев, в числе которых называют двух князей, намерены с семействами своими бежать в Чечню, и что они послали поверенного к известному абреку Магомету-Мирзе Анзорову, который обещался способствовать их побегу и прибыть в установленное время на Терек»⁵.

Кроме того, в качестве превентивных мер была временно ограничена выдача билетов кабардинцам для поездок во Владикавказ, к назрановцам и в Малую Кабарду, за исключением «особых случаев»⁶. А за теми кабардинцами, которые получали билеты на выезд, предлагалось установить особый контроль. Кроме того, «если особенных надобностей их в пребывании там не будет, то возвращать их до некоторого времени, не отпускать из подвластных Вам народов в Большую Кабарду, кроме разве известных в преданности нам людей, пребывание которых не может быть вредно»⁷.

Поход Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. имел и ряд последствий экономического характера. Так, например, в рапорте начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына

генерал-лейтенанту Фрейтагу от 21 апреля 1846 г. отмечалось, что «для продовольствия войск средств решительно нет, ибо если от Прохладной станицы к Нальчику и Баксану не восстановится постоянное сообщение в самое непродолжительное время, то запасы в Нальчике, Баксане и Череке находящиеся скоро истощатся при усилении войск»⁸. Однако, спустя несколько дней Голицын уже рапортовал Фрейтагу, что «сообщение с линией через Баксан с некоторыми незначительными предосторожностями довольно безопасно; я ожидаю, что г. временно командующий войсками по письму моему, которое он получит завтра, сделает распоряжение об учреждении из Георгиевска в Нальчик и обратно подвижных колонн для снабжения укреплений Кабарды и войск провиантом и снарядами. Последних в Нальчике 12-и фунтовых 480, 6-и фунтовых 240 и 3-х фунтовых 240, пороха в избытке»⁹.

В конце мая 1846 г. временно исправляющий должность начальника Центра Кавказской линии, полковник Хлюпин располагал сведениями, что Шамиль, собрав три вооруженных отряда, дал им следующие задания: одна из них направлена к Старому Юрту, другая – к мирным галашавцам, а третья планирует вторжение в Кабарду, с целью увода Анзоровых аулов¹⁰. В копии замещающего должность начальника линии Военно-Грузинской дороги ротмистра Шостака начальникам 2-й дистанции штаб-ротмистру Шпаковскому и начальнику 3-й дистанции есаулу Бибкину от 29 мая 1846 г. отмечалось, что «как аулы Анзоровы Большой и Малой Кабарды прилежат ближе всего к заведываемой Вами дистанции, почему сообщая секретно Вашему Благородию это важное сведение, имею честь покорнейше просить обратить особенное внимание Ваше на разведывание движений кабардинцев и в особенности жителей аулов Анзоровых и что вами будет замечено – письменно сообщать мне с нарочным. Между тем войскам в подведомственной Вам дистанции находящимся, предварить иметь наистрожайшую воинскую осторожность и в случае появления партии все меры употребить к недопущению в Кабарду»¹¹. В июне 1846 г. начальник Владикавказского военного округа генерал Нестеров также располагал сведениями «о намерении Шамиля по окончании рамазана повторить нашествие на Кабарду и по пути наказывать жителей Эльхотова аула за участие в истреблении партии абреков»¹².

После ухода войск Шамиля из Кабарды военные власти начали усиливать кордонные линии путем строительства новых

укреплений. Так, с конца мая 1846 г. назрановский отряд приступил «к устройству на Сунже третьей станицы, названной впоследствии Слепцовскою»¹³. С этой целью 22 мая 1846 г. из Владикавказа в Назран были командированы два батальона Грузинского гренадерского полка. 27 мая 1846 г. три батальона Кавказской гренадерской бригады с четырьмя сотнями казаков и 6-ю орудиями под командованием генерала Нестерова покинули Казак-Кичу, расположились на левом берегу р. Сунжи. Здесь было намечено место для новой станицы¹⁴. 16 июня 1846 г. это место посетил главнокомандующий войсками на Кавказе и признал работы по строительству 3-й Сунженской станицы почти завершенными: «небольшой назрановский отряд успел в течение трех недель насыпать брусер довольно значительной профили в окружности до 1200 сажень»¹⁵. К этому времени в новой станице поселился чеченский отряд, в состав которого вошли три батальона Кавказской гренадерской резервной бригады. Чеченский отряд под командованием генерал-лейтенанта Лабынцева состоял из «9,5 батальонов пехоты, 16 орудий, 16 крепостных ружей, 20 парковых ящиков и два транспорта»¹⁶.

21 июня 1846 г. на Ачхоевской поляне на правом берегу р. Фортанги было заложено строительство Ачхоевского укрепления. Работы по его строительству продолжались в течение 4-х месяцев. Они сопровождались частыми перестрелками с чеченцами. Наиболее серьезное столкновение произошло 3 сентября 1846 г. на р. Натхойк «во время фуражировки бывшей под прикрытием 2-го батальона Эриванского Карабинерского полка и осетинской милиции при двух орудиях, под командою начальника штаба отряда полковника Альбранда»¹⁷. Таким образом, по данным Д. Хожаева, к середине июня 1846 г. была «завершена верхнесунженская линия, состоявшая из Троицкой, Сунженской и Михайловской станиц и заселенная казаками только что сформированного 1-го Сунженского линейного полка, переселенного с Терека и Дона»¹⁸.

Кроме того, по сведениям С.Н. Бейтуганова, по «предписанию временно командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютанта Завадовского, новый начальник Центра Кавказской линии Хлюпин приступил к отбору кабардинцев в «Чеченский отряд»¹⁹. 13 июля он докладывал, что в отряд отправлены 6 офицеров и 104 всадника. В том числе: подпоручик Хамурзин, корнет Джамботов и прапорщик Казиев от-

правились «загладить вину свою в малодушии при нашествии Шамиля в Кабарду»²⁰.

Всех кабардинцев, присоединившихся к войску Шамиля и не возвратившихся в свои аулы, приказано было объявить вне закона и признать «абреками», а крепостных, принадлежавших абрекам, освободить от крепостной зависимости. Все это привело к тому, что Кабардинский временный суд стал выносить множество решений, связанных с объявлением кабардинцев абреками со всеми предусмотренными законодательством того времени последствиями. Так, например, решением Временного суда от 29 мая 1846 г. жители Большой Кабарды подпоручик Магомет-Мирза Анзоров, прапорщик Магомет Кожоков, уздени Магомет Тимтиров, Магомет Куденетов и мулла Березгов за участие в вызове в Кабарду Шамиля по приказанию г. главнокомандующего объявлены абреками²¹. Позже Магомет-Мирза Анзоров в документах российских чиновников фигурировал как «один из главных 5 виновников беспорядков и ясный соучастник, подписавший призывание Шамиля в Кабарду»²². С их имуществом было решено распорядиться в соответствии с прокламациями генерала А.П. Ермолова (1822). Их подвластным сразу же была объявлена свобода, с условием, что они могут переселиться на постоянное место жительства в Вольный аул вблизи Нальчикской крепости или же там, где сами выберут. Кроме того, аул Магомета-Мирзы Анзорова был расселен по разным населенным пунктам Кабарды²³.

А. Мамхегов отмечал, что этот аул вошел в составы аулов Хату, Тембота, Анзора и Кайсына Анзоровых²⁴. Для расселения этого аула в августе 1846 г. при администрации Центра Кавказской линии была создана специальная комиссия. Эта комиссия «определила, какие земли, принадлежавшие абреку Магомету-Мирзе Анзорову следует обратить в казну, какое и кому именно из кабардинских владельцев причитается Высочайше разрешенное денежное вознаграждение за земли, отошедшие для Владикавказского казачьего полка и куда именно окажется удобным переселить все Анзоровские аулы»²⁵.

События весны 1846 г. в Кабарде привели к необходимости ужесточить меры ответственности за абречество и «пристанодержательство» абреков. По этому вопросу состоялась обстоятельная переписка высшего начальства в Кабарде с членами Кабардинского временного суда. К этому времени действовала

установленная прокламацией генерала Ермолова в 1822 г. норма, согласно которой «виновные кабардинцы в передержательстве абреков, в связи с ними и вообще с неблагонамеренными людьми, приезжающими в Кабарду тайно из Чечни и из других непокорных (неразб.), которые постыдным поведением своим возмущают, тревожат спокойствие кабардинского народа, должны подвергаться строгому наказанию: ссылкой в Сибирь, в арестантские роты, лишением всего имущества и удалением семейств их в Россию»²⁶. Такие же меры ответственности предусматривались для всякого, кто будет уличен в связях с абреками или представителями других кавказских народов, к тому моменту еще не входивших в состав Российской империи. Оценивая ситуацию в Кабарде после того, как было отражено вторжение Шамиля, полковник Хлюпин отмечал, что случаев абречества меньше не стало, что негативно сказывалось на общей военно-политической ситуации в регионе. Хлюпин писал, что «из этих же людей составляются партии хищников, нападающих на проезжающих, производящих разбои, воровство лошадей и прочее, в чем нередко способствуют им кабардинцы»²⁷. Кроме того, за все это преступники в большинстве случаев остаются безнаказанными. Определенные требования к налаживанию ситуации в регионе Хлюпин предъявлял именно к членам Кабардинского временного суда, т.к. по его мнению, они «избранные, удостоены настоящего назначения, по долгу присяги и совести, обязаны неусыпно блюсти, заботиться о благе и спокойствии народа, должны были всеми мерами стараться открывать виновных в дурных поступках и в нарушении народного спокойствия и предавать их в руки правосудия, и исполнилась бы цель учреждения Кабардинского суда и воля Русского Правительства»²⁸.

Кроме этого, власти стали предпринимать и другие превентивные меры. Так, в предписании Кабардинскому временному суду от 29 мая 1846 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Хлюпин отмечал: «Во время бытности многих судей кабардинского Временного суда, князей и узденей у меня, я им объявил, что по случаю объявления некоторых лиц абреками, можно ожидать, что они будут производить разбой и стараться распространять вздорные слухи и предложил им, согласно воли на то г. временнокомандующего войсками, избрать одного князя из фамилии Бекмурзиной и Кайтукиной и одного из фамилии Мисостовой и Атажукиной не из числа судей, которым пору-

чается надзор и ответственность за все происшествия, могущие случиться по дорогам и которые должны лежать на ответственности выбранного князя, в фамилиях коего они случатся»²⁹. Выборы предписывалось провести на первом же заседании суда и их результаты вынести на утверждение генерал-майора Хлюпина. Также временному суду предписывалось объявить по всей Кабарде, что на ответственности населения по-прежнему лежит преследование абреков, и что «в случаях пристанодержательства они подвергнутся наказанию прокламацией генерала Ермолова; об исполнении всего вышеописанного я ожидаю в самом скором времени донесений суда»³⁰.

Спустя 2 дня Кабардинский временный суд объявил новый список кабардинцев, бежавших в Чечню. В него попали: из Малой Кабарды житель Барокова Аула прапорщик Исмаил Анзоров; из Большой Кабарды Магомет Мурза Анзорова, уздени Бекмурзиной фамилии Жанхот Тохов, Бекир Тохов, Бороко Кудабердоков, Жардан-Фица Кудабердоков, Зекирея Кудаев, Ахмед Адигеунов, Индрис Настажев, уздени Кайтукиной фамилии Умар Жанокон, Ильяс Тлерутов, Жанбот Алберов, Барак Сохов, Магомет Тлогунов³¹. В рапорте начальника главного штаба генерал-майора Коцебу временнокомандующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Завадовскому от 24 августа 1846 г. сообщалось об объявлении свободы крестьянам, принадлежавшим указанным кабардинцам³². Кроме того, предписывалось с публичных торгов продать имущество и скот этих абреков, а вырученные деньги направить в доход Кабардинской общественной суммы³³. В последующем, такие средства планировалось направлять на ремонт расположенных на территории Кабарды кордонных постов³⁴.

Помимо этого, в отношении некоторых представителей Анзоровых был принят ряд санкций на уровне генерал-адъютанта князя М. Воронцова. Так, например, Воронцов «определил бывшего в Чечне Магомета Анзорова объявить абреком, а с имуществом его поступить на основании прокламации генерала Ермолова»³⁵. В отношении Анзора Анзорова, обвиненного «в малодушии и нерешительности действовать против Шамиля», предписывалось прекратить всякое содержание от казны, до тех пор, пока он вновь не зарекомендует себя перед российскими властями с положительной стороны³⁶. Кучука Анзорова было предписано «отправить на службу на Черноморскую кордонную

линию, дабы там усердием и надлежащим исполнением своих обязанностей он мог обратить на себя внимание начальства»³⁷. Как уже отмечалось в настоящем исследовании, аулы Анзоровых были расселены с тем расчетом, чтобы «находясь под ближайшим наблюдением начальства, они вместе с тем не стеснялись своим поведением других жителей [Кабарды]»³⁸. Исключение делалось лишь в отношении аула Хату Анзорова. В докладе по 3-му отделению генерального штаба об отмежевании земель аулов Анзоровых для поселения на Военно-Грузинской дороге станиц Владикавказского казачьего полка от 12 марта 1856 г. отмечалось, что «находившийся тогда в Санкт-Петербурге командир собственного Его Императорского Величества конвоя ротмистр Хату Анзоров (ныне генерал-майор³⁹) не принимал никакого участия в событиях 1846 г. и был известен своей усердной службой, князь Воронцов в предписании генералу Завадовскому от 6 мая 1846 г. изъявил свою волю, чтобы при назначении новых мест для водворения Анзоровых аулов было бы обращено особенное внимание на то, чтобы аулу Хату Анзорова предоставить выгоднейшее место, дабы он не только не потерпел от нового переселения каких-либо утрат, но чтобы собственные дела его, если возможно через переселение даже улучшились бы»⁴⁰.

В августе 1846 г. генерал-адъютант князь Воронцов предписал создать новую комиссию, которая должна была рассмотреть и определить принадлежность земель Анзоровых⁴¹ и последующее перемещение их аулов⁴². Следует отметить, что еще до вынесения этого предписания генерал-адъютант Завадовский поручал руководителю комиссии, основной функцией которой было наделение землями кавказского линейного казачьего войска, полковнику Петрусевичу лично отправиться в Кабарду и «на месте проверить во всей подробности до какой степени возможно и удобно привести в исполнение предложенное переселение аулов»⁴³. О результатах исполнения этого поручения полковник Петрусевиц в рапорте Завадовскому отмечал, что «по прибытии в Кабарду и по истребовании от тамошнего народа почетнейших и знающих все кабардинские земли депутатов, они вместе с ними обозрели земли, занимаемые аулами: ротмистра Хату Анзорова, Магомет-Мирзы Анзорова, Селима Анзорова, Атажуки Анзорова и Пшемахо Анзорова, соразмеряя примерно количество земли ими занимаемой с количеством для нового водворения им потребным»⁴⁴. Комиссия Петрусевица по этому

вопросу установила, что «по примерному исчислению аул ротмистра Хату Анзорова, лежащий возле самой почтовой Военно-Грузинской дороги, имея нераздельно с аулом Магомета-Мирзы Анзорова землю, пользовался по бедности подвластных весьма малым количеством оной. Для пастьбы скота и для посева проса примерно не более 500 или 600 десятин, что остальную же землю до реки Уруха и Ермоловской просеки в количестве 10 тысяч десятин владел с аулом своим Магомет-Мирза Анзоров, бежавший с Шамилем, и что во время вторжения Шамиля аул Хату Анзорова был весь сожжен. Остальные аулы узденей Анзоровых, а именно: Анзора Анзорова, Атажуко Анзорова и Пшемахо Анзорова, лежавшие по обе стороны р. Лескен владели всем пространством земли, заключающимся между реками Шекер и Лескен, а также и всем левым берегом сей последней реки, начиная с ущелья от аула Кожокова вниз по самой границе военного поселения, количество десятин земли, занимаемой ими, содержало не менее 10 тысяч десятин. Вместе же с землей, занятой в 1845 г. Селимом Анзоровым, без всякого позволения начальства переселившимся из Малой Кабарды из Бороковского аула по р. Урух, то увеличивалось до 18 тысяч десятин и с землей Хату Анзорова и Магомет Мурзы Анзорова пространство оной простиралось до 30 тысяч десятин земли, не включая в то число лесов»⁴⁵. Кроме того, в ходе обследования территории почетные старики дали следующие показания: «...От Дигорской границы все пространство земли, заключающейся между реками Терекон и Урухом, т.е. занимаемое аулами Хату Анзорова и Магомета Мурзы Анзорова, принадлежит по праву наследства узденям Коголкиным и что на земле этой только лет 25 до 1846 г. поселились Анзоровы. Земля же узденям Анзоровым по наследству доставшаяся заключается между реками Урух и Лескен по обе стороны речки Шекер, которой в настоящее время владеют Анзор Анзоров, Атажуко Анзоров, Пшемахо Анзоров, Селим Анзоров. По показанию тех же депутатов, подтвержденному единогласно многими почетными кабардинцами, трое братьев Анзоровых, занимавшиеся разбоем по Военно-Грузинской дороге, а именно: Амороко, Иналуко и Сидаруко Анзоровы, будучи преследуемы русским правительством в 1822 г. бежали за Кубань. После побега их землей стали пользоваться дети их: Анзор, Пшемахо и Атажуко Анзоров, из которой часть, лежащую возле бывшего укрепления Урухского по обе стороны реки Урух от Ер-

моловской просеки до реки Шекер они предоставили узденям Коголкиным, как бы в вознаграждение отнятой у них земли»⁴⁶.

Созданная в августе 1846 г. комиссия завершила свою работу лишь к февралю 1848 г.⁴⁷ Выдача вознаграждений владельцам за их земли была отложена на неопределенный срок. А по вопросу переселения Анзоровых аулов было принято следующее решение: «Аул Тамбота⁴⁸ Анзорова переселить на правый берег р. Терек ниже укр. Черекского. Аул Селим-Гирея Анзорова в аул Барокон, что в Малой Кабарде. Аул Хату Анзорова на Малку, на место бывшего аула Трамова в 14-ти верстах выше ст. Новомамынской и в 8-ми верстах ниже поста Д (неразб.). Остальные аулы Анзоровых – на левый берег р. Урвань, ниже аула Алхаса Мисостова»⁴⁹. Это решение было основано на сведениях, полученных еще комиссией Полковника Петрусевича в 1846 г. от кабардинских депутатов.

Следует отметить, что на этом фоне борьба российских властей с абречеством привела к тому, что в поле зрения имперских чиновников мог попасть любой кабардинец, который «продает все свое имущество» и «ведет себя подозрительно»⁵⁰. Подобное «недоверие» уже служило основанием для вызова в суд с целью «отобрания показаний». Причем оказать в этом содействие обязаны были все «верноподданные» жители Кабарды. Как, например, это имело место в деле Бекира Сижажева, на которого жалобу о подозрительном поведении подал в Кабардинский временный суд его брат. Полковник Хлюпин в виду неоднократного неисполнения требований о явке подозреваемого для дачи показаний по этому поводу предписал «немедленно отыскать его и доставить караулом в крепость Нальчик, а если в назначенный срок он не явится и не будет отыскан, объявить его абреком и сделать известным о том всем кабардинцам, дабы никто его не принимал, а если же обнаружится укрывательство, поступлено будет с ним как с абреками»⁵¹.

Одним из средств борьбы с абречеством в это время было введение должности полицейских надзирателей при администрации Центра Кавказской линии. Специальным постановлением № 1032 от 6 июля 1846 года исполняющий обязанности начальника Центра Кавказской линии С.И. Хлюпин предписывал Кабардинскому временному суду следующее: «Вследствие рапорта одного суда за № 224 уведомляю, что для полицейского надзора к отращению могущих случиться в Кабарде происшествий я на-

значаю в Атажукиной и Мисостовых фамилиях подполковника князя Хаджи Мисоста Атажукина, если же по чему либо князь Атажукин не примет этого наречения, то предложить ему, чтобы он, как почетнейший и старейший в этих фамилиях, избрал бы вместо себя одного из князей Атажукиных, и кого он назначит, утвердил бы суд; в фамилиях же Кайтукиной и Бекмурзиной для полицейского надзора я назначаю Поручика князя Тлостаналиева и сообразно с этим, прошу временный суд сделать свои распоряжения»⁵².

Согласно предписания начальника Назрановского отряда начальнику Военно-Грузинской дороги, в котором он ссылается на полученные от генерал-лейтенанта Фрейтага, что Магомет-Мирза Анзоров с конным отрядом численностью около 50 человек в ночь с 31 мая на 1 июня 1846 г. отправился в Малую Кабарду⁵³. В рапорте же командующего 7-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска подполковника князя Эривова временно исполняющему должность начальника Центра Кавказской линии полковнику Хлюпину от 6 июня 1846 г. уже сообщалось о намерениях Магомета-Мирзы во главе конного отряда численностью около 50-ти человек напасть на Эльхотовский аул⁵⁴. Также в этом рапорте сообщалось, об отряде около 500 человек, готовом поддержать Магомет-Мирзу Анзорова. Однако о месте его нахождения российским военным властям было не известно⁵⁵. В целях принятия мер предосторожности предполагалось командировать одну из находящихся на Черке сотен одиннадцатого Донского казачьего полка на Военно-Грузинскую дорогу. Однако ее основной целью было не усиление постов и занятие этапов, а расположение в станице Александровской, откуда она могла незамедлительно выступить в те местности, где возникнет необходимость⁵⁶.

По сведениям штабс-ротмистра Шпаковского, полученным им не ранее 19 июля 1846 г., Магомет-Мирза Анзоров с (скорее всего, Давлет-Гиреем) Куденетовым и другими абреками уже несколько дней находились в Кабарде⁵⁷. Однако их цели и конкретное место нахождения оставалось неизвестными. Следует отметить, что Давлет-Гирей Куденетов еще до вторжения Шамиля в Кабарду в 1846 г. не раз становился фигурантом различных разбирательств в Кабардинском временном суде. В качестве примера можно привести дело «о выделе «беглому» узденю Давлет-Гирею Куденетову части от отцовского имения» (1845–1848). Из

материалов этого дела можно установить, что вассал князей Атажукиных Давлет-Гирей Куденетов в начале 20-х гг. XIX в. бежал к темиргоевцам, которые на тот момент сохраняли еще свою независимость. В последующие 20 лет он совершал неоднократные набеги на территорию Кабарды, участвовал в тайной переправке Сулеймана (Солеймана)⁵⁸ эфенди из Чечни за Кубань и обратно. В официальных документах того времени Давлет-Гирей Куденетов фигурирует как «абрек». В ноябре 1845 г. он заявил начальнику Центра Кавказской линии о своем праве наследования оставшегося в Кабарде имения, которое находилось в распоряжении его брата Магомета Куденетова⁵⁹. В рапорте князя Голицына Завадовскому от 13 февраля 1846 г. отмечалось: «Из предписания Вашего Превосходительства я должен полагать, что означенный Давлет-Гирей Куденетов прощен за свои долговременные шалости, но не менее того, бежав из Кабарды и считавшись несколько годов абреком, он по коренным постановлениям и в силу прокламации генерала Ермолова лишается всякой части имения, ему в Кабарде принадлежащего...»⁶⁰. Эту картину дополняют факты о том, что Давлет-Гирей Куденетов выводил из Кабарды табуны лошадей под предлогом получений от Хаджи-Мисоста Атажукина «княжеских подарков»⁶¹. Причем право на это ему делегировало царское правительство, выдав билет «за поручительством» указанного князя. Лишь в 1846 г. в предписании Завадовского исполняющему обязанности начальника Центра кавказской линии Хлюпину предлагалось «оказать законное содействие Куденетову к удовлетворению просьбы его, если не встретится препятствий»⁶². В итоге Завадовский признал право Давлет-Гирей Куденетова на наследство. Более того, ему было разрешено получить не только движимое имущество, но и крестьян, которые после побега за Кубань его брата в 1846 г. были признаны вольными.

В донесении начальника одного из отделов Кавказской линии генерал-лейтенанта Лабынцова временно исполняющему должность начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина сообщается о сборе Магомет-Мирзой Анзоровым военного отряда численностью около 1000 человек и о его намерении совершить набеги на аулы, расположенные по р. Сунже и в Малой Кабарде ориентировочно в конце августа 1846 г.⁶³ В этом донесении также отмечалось, что «нет сомнения, что абреки выжидают только случая при малейшей оплошности сделать

какое-либо злодеяние: или же приглася приближенных к себе бежать в Чечню⁶⁴.

Кроме того, по сведениям штабс-ротмистра Шпаковского, среди жителей кабардинских аулов распространялись слухи, что Шамиль планирует повторный поход в Кабарду в сентябре 1846 г.⁶⁵ Эти сведения обсуждались в донесении Лабынцова Хлюпину от 26 августа 1846 г.⁶⁶ В другом документе – рапорте полковника Хлюпина и.д. начальнику Владикавказского округа генерал-лейтенанту Нестерову о волнениях в Кабарде от 6 сентября 1846 г. отмечалось, «что и в Кабарде толки о вторичном вторжении Шамиля сделались как бы общими»⁶⁷. В плане военного укрепления региона в случае возможного вторжения Шамиля Хлюпин предлагал это «исполнить, когда получится положительное известие о движении неприятеля, чтобы ранним сбором не ослабить другие пункты на Военно-Грузинской дороге и не открыть удобными переправляться мелкими партиями»⁶⁸.

Таким образом, сразу же после ухода войск Шамиля из Кабарды в конце апреля 1846 г. российские власти в регионе начали реализацию комплекса мероприятий, направленных на стабилизацию обстановки. В их числе: возведение и усиление военных укреплений, ужесточение борьбы с абречеством, а также различные формы поощрения участвовавших в отражении похода военных.

Примечания

1. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграф комбинат им. Революции 1905 года», 2006.
2. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик: «Эльбрус» 1993. С. 112.
3. *Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в.: по материалам ЦГА КБР / Сост. З.М. Кешева.* Нальчик, 2011. С. 73.
4. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С. 54.
5. *Там же.*
6. *Документы по истории адыгов... С. 74.*
7. *Там же.*
8. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 36 об.
9. *Документы по истории адыгов... С. 69.*
10. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 30.
11. *Там же.* Л. 30 об.
12. *Хожаев Д.* Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный-СПб., 1998. С. 163.

13. История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет (1642–1892). Составил генерального штаба генерал-лейтенант П.О. Бобротский. Часть четвертая. Карabinерский полк под названиями: 7-й, Эриванский, Эриванский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Лейб-Эриванский Его Величества. СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1895. С. 382.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Хожаев Д. Указ. соч. С. 164.
19. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 114.
20. Цит. по: Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 114.
21. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 2–2 об.
22. Документы по истории адыгов... С. 123.
23. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 345.
24. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 10.
25. Там же.
26. Там же. Л. 11.
27. Позже аул Тембота переселился в Турцию, оставшиеся жители влились в аул Хату Анзорова. (См.: Мамхегов А. Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201>. Дата обращения: 1.05.2014.)
28. Документы по истории адыгов... С. 124.
29. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 2–2 об.
30. Там же.
31. Там же. Д. 549. Л. 32–32 об.
32. Там же. Л. 6–6 об.
33. Там же.
34. Там же.
35. Документальная история адыгов... С. 123.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. А.У.: Прим. составителя документа.
40. Документальная история адыгов... С. 123.
41. А.У.: В документе речь шла в основном о землях Магомета-Мирзы Анзорова.
42. Документальная история адыгов... С. 124.
43. Там же.
44. Там же. С. 124–125.
45. Там же. С. 125.
46. Там же.
47. Там же.
48. А.У.: Так в оригинале.
49. Документальная история адыгов... С. 126.
50. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1.
51. Там же. Л. 5–5 об.

52. Из истории Кабардинского временного суда (1822–1858). Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2008. С. 62.
53. Документальная история адыгов... С. 77.
54. ЦГА КБР. Ф. И. 16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 35 об.
55. *Там же.*
56. *Там же.*
57. Документы по истории адыгов... С. 78.
58. По В.К. Гарданову: Сулейман (Солейман) эфенди был послан Шамилем в 1844–1845 гг. за Кубань, чтобы организовать там в качестве шамилевского наиба движение мюридизма и восстание горцев против россиян.
59. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Сост. и автор предисловия и комментариев В.К. Гарданов. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. С. 194.
60. *Там же.* С. 195.
61. *Там же.* С. 203.
62. *Там же.* С. 203.
63. Документы по истории адыгов... С. 78.
64. *Там же.* С. 78.
65. *Там же.*
66. *Там же.* С. 79.
67. ЦГА РСО-АЛАНИЯ. Ф. 290. Оп. 19. Св. 2. Л. 193–194.
68. *Там же.*

A.A. URUSOV

THE POLITICAL,
SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE CAMPAIGN
OF THE IMAM SHAMIL IN THE KABARDA IN APRIL, 1846.

The article is devoted to research of socio-political and economic consequences of a campaign of the imam Shamil in Kabarda in April, 1846. It is established that at once after leaving of troops of Shamil Kabarda at the end of April, 1846 the Russian authorities in the region began realization of a complex of the actions directed on stabilization of a situation in the region (construction and strengthening of military strengthenings, toughening of fight against an abrechestvo, and also various forms of encouragement of the military participating in reflection of a campaign).

Keywords: Shamil, Kabarda, odrek, the Caucasian War.

Оглавления

<i>Дзамихов К.Ф.</i> Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения	3
<i>Кожев З.А.</i> Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления	15
<i>Муратова Е.Г.</i> Балкарские общества в период Кавказской войны	33
<i>Базиева Г.Д.</i> Кавказская война в русской литературе XIX в. ...	50
<i>Алоев Т.Х.</i> Рефлексии о некоторых сходствах и различиях в осмыслении геноцида армян и черкесов	56
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Фрагменты истории в литературе и фольклоре карачаево-балкарской диаспоры в Турции	70
<i>Варивода Н.В.</i> Миграция восточнославянского населения на территорию Центрального Предкавказья в XIX в.: основные тенденции и особенности	83
<i>Дзуганов Т.А.</i> Особенности и характер Черноморского направления торговли Черкесии во второй половине XVIII в. по данным К. Пейсонеля	92
<i>Кешева З.М.</i> Поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г. в контексте военно-политической ситуации в Центральном Предкавказье в 30-40-е гг. XIX в.	101
<i>Кушхабиев А.В.</i> К вопросу о фальсификации истории зарубежной черкесской диаспоры в работах некоторых северокавказских авторов	117
<i>Мирзоев А.С.</i> Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация	133
<i>Прасолов Д.Н.</i> Религиозная культура кабардинцев в период Кавказской войны: проблемы трансформации	164
<i>Текуева М.А.</i> Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь?	173
<i>Урусов А.А.</i> Политические и социально-экономические последствия похода имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г.	181

Научное издание

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

(к 150-летию окончания)

Компьютерная верстка
и техническое редактирование

И.Х. Кушховой

Корректор

З.В. Черкесова

ISBN 978-5-91766-085-1

Подписано в печать 24.10.2014 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$, Palatino Linotype
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 110

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94